

АТ
Татьяна
Люшина

Влюбиться
в жертву

Annotation

Следователь Артем Беркутов пришел в дом Тины, чтобы обвинить ее в покушении на убийство, и... влюбился. Собирая доказательства, он уже не сомневался, что молодая женщина не виновна. Но кто ненавидит ее столь сильно, что готов пойти на преступление?.. Это дело как-то незаметно стало для Артема очень личным.

Книга также выходила под названием «Вирус ненависти».

- [Татьяна Алюшина](#)
 -
 -
-
-

Татьяна Алюшина

Влюбиться в жертву

© Алюшина Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Посвящается моей сестре Светлане Беляевой,
с любовью и благодарностью за поддержку и веру
в меня.*

Поколебавшись еще пару секунд, она все-таки открыла дверь.

На пороге стоял незнакомый мужчина.

Он был весь какой-то большой – рост под метр девяносто, даже, наверное, выше; широкие плечи, сильные крупные руки, под белой дорогой футболкой и легким льняным костюмом угадывались тренированные мышцы. Довершали образ коротко стриженные темные волосы, слегка искривленный, видимо перебитый когда-то давно, нос и очень внимательные голубые глаза.

«Терминатор!» – как-то отстраненно-безразлично подумала Тина.

– Здравствуйте! – поздоровался мужчина.

«И голос точно как у Терминатора!»

От этого низкого, какого-то насыщенного тембра голоса у нее даже пробежал холодок по позвоночнику, как бывает, когда попадаешь в резонанс с музыкальным ладом.

Она не ответила, стояла и рассматривала его.

– Игнатова Валентина Игоревна? – спросил мужик.

– Бить будете или удостоверение предъявите? – спокойно поинтересовалась Тина.

– А что, есть за что бить? – усмехнулся он.

– Да кому сейчас повод нужен? – пожал плечами она.

– Тоже верно! – все еще усмехаясь, согласился дядька и представился: – Беркутов Артем Константинович, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры.

Затем достал из борсетки, висящей на запястье, удостоверение, развернул и показал ей.

Тина равнодушно рассмотрела удостоверение.

– У меня к вам есть несколько вопросов, – пояснил следователь.

– Проходите, – пригласила она и отошла в сторону, пропуская его в квартиру.

Артем Константинович вошел, кинул быстрый взгляд на пепельницу и кружку, стоявшие на полу, и вопросительно указал жестом на свою обувь.

– Нет, нет, не снимайте, – испугалась такой возможности Тина, живо представив, как он станет это делать, и пригласила: – Идемте на кухню.

Они прошли в кухню, и Тина указала ему на «гостевое» место – удобный плетеный стул за столом, напротив окна.

Артем быстрым профессиональным взглядом оценил обстановку.

Кухня оказалась большая – метров пятнадцать, очень стильная и... удивительно уютная. Становилось понятно, что, невзирая на дорогую мебель и современную встроенную технику, кухню делали под себя, не обращая внимания на модные тенденции. Пол паркетный, светлого дерева, кухонный гарнитур, тоже светлого дерева, – не огромный и громоздкий, как часто бывает, а легкий, занимающий не так много места. Круглый обеденный стол, плетеные стулья, цветы в горшках на столешнице и подоконнике, занавески в тон. Много керамики: тарелки, чашки, какие-то миски, вазы, расставленные по полкам, явно не только для красоты.

Все это создавало ощущение уюта, спокойствия, домашности, что ли, и как-то очень созвучно оказалось Артему.

У него испортилось настроение. Вот в момент!

– Будете кофе, Артем Константинович? – гостеприимно предложила хозяйка.

– С удовольствием! – ответил он, стараясь изгнать из себя досаду.

Пользуясь тем, что она хлопчет у плиты, заваривая кофе, он внимательно и неспешно рассмотрел Игнатову.

Чуть выше среднего роста, где-то метр семьдесят, стройная – не жердь худосочная, вполне себе в теле, но ничего лишнего. Темные волосы, короткая стильная стрижка с длинными тонкими прядками возле маленьких ушек, такие же прядки сзади на шее. Красивые длинные ноги и удивительно маленькие ступни для такого роста. Тонкие запястья, узкие ладошки, длинные тонкие пальцы. Никакого яркого маникюра и короткие, красивой формы ногти. Высокая полная грудь, очень светлая, матового оттенка, кожа. На хозяйке квартиры были короткие кремовые бриджи

и белый, доходящий до бедер, хлопчатобумажный легкий свитерок с глубоким вырезом на груди.

Все это, увиденное им в пару мгновений, вызвало у Артема прилив еще большей досады и какого-то разочарования.

Она поставила на стол две чашки с кофе, не маленькие гламурненькие «пиньдюрки», которые он терпеть не мог, а нормальные большие керамические кружки, полные крепкого ароматного напитка, запах которого вызвал мгновенный спазм в желудке, напомнив о том, что за целый день Артему так и не случилось нормально поесть.

– Молоко, сахар?

– Да, – коротко ответил Артем, стараясь уравновесить свое непонятное настроение.

Она добавила в его и свою кружку молока, поставила на стол сахарницу, плетенку с печеньем и чистую пепельницу, села напротив, отхлебнула кофе и закурила.

– Слушаю вас, Артем Константинович.

– Валентина Игоревна... – начал он, но она его перебила:

– Можно просто Тина.

Ну да! Конечно, Тина! А как же! Никакие Валя, Валюша ей не подходят. Экзотическая Тина – имя, вызывающее у тертого следака легкий, чисто мужской спазм внутри, – ей очень шло. В ней не было ничего вычурного, нарочитого, рисовки и позерства. Никаких украшений, только тоненькая цепочка с крестиком, спускающаяся в ложбинку груди, и полное отсутствие косметики на лице.

Выразительные светло-карие, даже скорее золотистые глаза, тонкие брови, прямой нос с еле заметной горбинкой, красивой формы губы – не слишком пухлые, но и не тонкие. Неброская, изысканная красота, которую чем больше рассматриваешь, тем больше открываешь.

Он наконец подобрал ей определение, которое все вертелось в голове непойманным, с первого мгновения, как он ее увидел, – изысканная простота!

Черт! Окончательно расстроился Беркутов.

Опять поднялась волной досада, которую он так старательно изгонял из себя.

– Хорошо, Тина, – рубанул вопросом он, – как давно вы виделись со своим мужем?

– Уточняю, – заметила она без эмоций в голосе, – бывшим мужем, и к тому же гражданским, мы не были расписаны. А виделись мы две недели назад, когда он забирал свои вещи.

- Почему он их забирал?
- Мы расстались, – пожалала равнодушно плечами она.
- Почему? – вел беседу в мягкой форме допроса Беркутов.
- Хороший вопрос! Я сама себе его задаю, но несколько иначе: почему мы не расстались раньше? – усмехнулась невесело девушка и вдруг спросила прямо: – Артем Константинович, что произошло?
- Я объясню вам позже, ладно? – ушел от ответа он. – Меня интересует все, что связано с вашим бывшим мужем.
- С ним что-то случилось?
- Ничего страшного. Извините, но все-таки я вынужден вас спросить: что послужило причиной вашего расставания?

Ей позвонила на работу Ритка.

- Тина! Мне срочно нужно твое черное платье!
 - Здравствуй, Рита, я тоже рада тебя слышать, и у меня все в порядке!
 - Тинка, не вредничай! У меня обалденный клиент, и он пригласил меня в шикарный кабак!
 - В шикарных кабаках флиртуют, а не говорят о делах. Ты вообще-то в курсе? – усмехнулась Тина.
 - Я бы хотела совместить, если получится. Для этого мне и нужно твое платье!
 - Заезжай вечером и возьми.
 - Мне надо сейчас! У нас намечена встреча в пять. Понимаешь – в пять: очень по-деловому. Я сейчас лежу в ванной и буду приводить себя в порядок. Тиночка, пожалуйста, съезди за платьем и привези мне. Очень тебя прошу! Может, это судьба!
 - Боже, спаси нас от этого! Обычно все, что «может, судьба», ты посылаешь через неделю-другую очень далеко, придав ускорение словами!
 - Это ты у нас порядочная жена, а мы, одинокие девушки, ищем своего принца методом научного тыка, не ожидая милостей от природы!
 - Ладно, ты там не утонешь, в ванной?
 - «Ладно» – это значит, что съездишь, или призыв заткнуться? – осторожно уточнила Ритка.
 - Съезжу, а то, не дай бог, разрушу счастье подруги!
 - Я тебя люблю! Жду!
- Войдя в прихожую своей квартиры, Тина увидела туфли мужа и его портфель и удивилась – странно, он никогда не приезжал домой днем. Может, что-то случилось?

Она собралась позвать его, даже вздохнула поглубже, когда вдруг услышала доносящиеся из спальни непонятные звуки. И уже подходя к двери, обо всем догадалась, но какая-то сила – скорее всего, желание убедиться окончательно, не дав себе трусливой возможности подумать, что не так все поняла, – заставила ее войти в комнату!

На кровати происходил апогей «большой и чистой любви» в исполнении Тининого мужа и ее же ближайшей подруги Людмилы.

Он скакал на ней, рвался к финалу, громко выкрикивая матерные слова. И в этот момент Тина столкнулась взглядом с Людмилой, лежащей под ним. И ее взгляд, за секунду, из откровенно чувственного, отрешенного стал испуганным.

Тина медленно вышла, осторожно притворив за собой дверь.

Прошла в кухню, заварила себе кофе, села за стол с чашкой в руке, закурила и уставилась в окно невидящим взглядом, пытаясь разобраться в хаосе своих мыслей.

Девушка испытывала целый букет чувств – непонимание и жгучую обиду на Людку, какую-то брезгливость от самой этой нелепой ситуации, но все это было второстепенным. Главным и самым сильным чувством оказалось огромное облегчение, ощущение, что некая невероятная тяжесть, давившая на нее много лет, вдруг свалилась с плеч, освободив от непомерного груза! Это поражало и немного пугало.

«Я потом с этим разберусь! Сяду, подумаю и все пойму, а сейчас мне надо выдержать разговор! Просто потерпеть немного и пережить его!» – твердо, почти по слогам отдала она себе приказание.

Тина услышала звук закрывающейся входной двери – ушла Людмила. На кухню вышел Алексей, босиком, в брюках и расстегнутой рубашке, вперед своим солидным брюшком.

– Свари мне тоже кофе, – попросил он.

Тина молча показала ему рукой на плиту – жест, означающий «вари сам!».

– Ты же знаешь, я не люблю варить кофе, – раздраженно сказал он, достал из холодильника бутылку минеральной воды и налил себе в стакан.

Выпил залпом воду, поставил стакан на столешницу и выдвинул обвинение.

– Ты сама в этом виновата! – начал наступление Алексей. – Ты уже несколько месяцев со мной не спишь! В конце концов, я нормальный мужик, мне секс нужен регулярный, а не тогда, когда твое величество соизволит!

– Я не знала, что ты любишь материться в процессе! – еле сдерживая

подступивший неожиданно предательски рвущийся смех, сказала Тина.

– Да, люблю!!! – закричал он. – Меня это заводит! Но с тобой это невозможно!! Ты же вся такая, прямо княгиня гребаная! С тобой рядом чихнуть страшно: вдруг ты не так поймешь!!

– Леша, ты не нервничай сильно-то, – очень спокойно сказала Тина. – Ты походи, собери необходимые вещи на первое время. Я потом остальное упакую.

– Я не собираюсь от тебя уходить! Подумаешь, трахнулся мужик! Ну и что?! Если ты мне не даешь, это еще не повод для развода! Ты сама виновата!! – еще раз упрекнул он истеричным фальцетом.

– Хорошо. Я во всем виновата, – согласилась Тина, даже головой кивнула в подтверждение и закончила: – Но жить с тобой я больше не хочу. Пожалуйста, собери вещи и уходи!

– Дура! Идиотка! Вот так взять и все разрушить!! На что ты жить собираешься?! На свою зарплату?! – орал возмущенно Алексей.

– Леш, – ровным тоном вразумляла его она, – все время, что мы с тобой живем вместе, я живу на свою зарплату. У тебя деньги брала редко и только на продукты. Не думаю, что с твоим уходом стану жить хуже или бедней.

– Я вложил в эту квартиру бешеные бабки! Это мой дом! – нервничал он все сильнее.

– Леш, – все так же спокойно говорила Тина, – это не твой дом, это квартира моих родителей. И перестань хоть раз в жизни считать деньги!

– Ты еще припомни, что первое время ты нас кормила!! – Лешка не мог остановиться, ему было просто необходимо ее во всем обвинить.

– Мы с тобой прожили пять лет, из них три года на мою зарплату, – уставшим тоном напомнила она. – Это не просто первые годы – это три из пяти! Я очень тебя прошу, будь ты мужчиной хоть раз – уйди, и все!

– Хорошо! Я уйду сейчас, но мы еще вернемся к этому разговору, когда ты немного остынешь! – сказал он и вышел из кухни.

Он ходил по квартире, собирался, а Тина прислушивалась к звукам его сборов – спальня, ванная, гостиная, снова спальная комната, кабинет. И ей все казалось, что он передвигается совсем медленно, и она умоляла его про себя:

«Ну уходи ты уже скорее! Давай, вали, сколько можно-то! Мне надо побыть одной!»

Наконец, собранный – с дорожной сумкой и портфелем в руке, одетый в костюм, он зашел в кухню.

– Я уйду. Позвоню через пару дней, и мы поговорим спокойно, –

деловым тоном сделал заявление Алексей.

– Оставь ключи, – попросила Тина.

– Они мне нужны, мало ли что мне понадобится! – возмутился бывший теперь уже гражданский муж. – Не дури!

– Оставь ключи! – очень жестко и холодно потребовала Тина. – Если тебе что-то понадобится, позвонишь, я тебе отдам!

– Ненормальная! – прикрикнул Лешка.

Но все-таки достал из кармана связку, снял с брелока два ключа от квартиры и швырнул на стол. Ключи пролетели по крышке столешницы, стукнулись о чашку и упали на пол к ногам Тины. Она не стала наклоняться и поднимать их.

С огромным облегчением Тина закрыла за Алексеем дверь и вернулась на кухню. Налила себе воды из бутылки, которую он оставил на столе, собралась выпить, но вдруг, совершенно неожиданно, перед мысленным взором девушки четко, во всех деталях, встала картинка, которую она увидела в спальне. И это показалось ей настолько комичным, что Тина засмеялась. Сначала легко, но смех тут же перешел в гомерический неудержимый хохот, отнимающий все силы. Она хохотала так, что у нее подкосились ноги, и девушка бессильно опустилась на пол. Отсмеявшись и немного успокоившись, она выпила воды, стакан с которой так и держала в руке, немного расплескав на себя.

Зазвонил телефон, лежавший на столе, выводя Тину из непонятного состояния.

– Тинка! – заорала Ритка, как только она взяла трубку. – Ну где ты?! Я тебя жду, жду, а ты не едешь! Я же опоздаю!

– Рита, – спокойным голосом ответила Тина, – тебе придется пойти в чем-нибудь другом.

Ритка замолчала.

Они очень хорошо знали друг друга, давно, с самого детства став близкими, фактически родными людьми. Рита знала, как Тина умеет скрывать свои чувства и эмоции за этим ее всегда спокойным и ровным тоном и точно понимала: чем тяжелее у подруги ситуация, тем спокойней она становилась – защитная реакция, выработанная с детства. Стоит только показать свои чувства – страх или радость, и тебе сделают в сто раз больнее. Моментально поняв, что у Тины что-то случилось, Ритка затараторила:

– Тина, я сейчас приеду!

– Не надо, Ритуль, – улыбнулась ее горячности подруга. – Я на работу, ты вечером приезжай. Во сколько ты сможешь?

- Когда надо, тогда и смогу! – решительно заявила Ритка.
- У тебя же свидание.
- Да хрен с ним, со свиданием! Что случилось-то?! – возмутилась Ритуля.
- Приезжай часов в восемь, поговорим, – отрезала строго Тина.

Тина добралась до офиса и сразу прошла в кабинет к начальнику.

Она работала с ним уже семь лет. Начав с младшего менеджера, по совместительству подрабатывала курьером и помогала в бухгалтерии – первичные документы, а еще выполняла функции секретаря и уборщицы – они тогда только-только начинали, и штат был совсем маленьким. Сейчас Тина занимала пост заведующей отделом и была правой рукой директора, давно уже называя начальство по имени и каких только испытаний не пройдя вместе с ним и его фирмой.

- Сережа, – начала она с порога, – мне нужен отпуск. Прямо сейчас!
- Ты что, Игнатова, охренела?! Какой отпуск?! – возмутился Сергей Владимирович Коротов. – Работы полно!
- Сережа, – она села на стул напротив него, – только что я застучала Лешку с моей подругой Людмилой в кровати во время неистового секса. Мне требуется время, чтобы все обдумать и успокоиться, работать я все равно не смогу, – ровным тоном объяснила Тина.

Он помолчал, посмотрел на нее внимательно, достал из папки чистый лист бумаги и протянул ей.

- Пиши заявление. Сколько тебе надо?
- Месяц.
- Тинка, ты меня без ножа режешь! Мне же придется половину твоей работы на себя взять! Быстрее ты не можешь успокоиться и подумать? – почти умоляющим тоном поинтересовался он.
- Не могу. Мне, наверное, и месяца мало будет!
- Сдурела совсем! Ни дня больше!

Она написала заявление и протянула ему. Сергей размашисто подписал, дав свое «добро», и проворчал:

- Вот говорил я тебе: выходи за меня замуж! А ты все своего козла обхаживала!

Был как-то такой эпизод в их жизни. Правда.

Однажды после корпоративной, шумной по обыкновению, пьянки Тина довезла начальника на такси к нему домой, и пока стягивала с него ботинки и укладывала на кровать, он жаловался на свою жизнь и звал подчиненную замуж, рассказывая, как она ему нравится. Поставив возле

Сергея графин с водой, стакан и положив рядом пачку «алкозельцера», она чмокнула его в лоб и поехала домой к мужу. На следующий день Сергей извинился перед Тиной и о том разговоре никогда не вспоминал, до сегодняшнего дня. Теперь можно было над этим шутить, потому что два года назад начальник очень счастливо женился и любил свою молодую жену.

– Тебе деньги нужны? – спросил он почти с отеческой заботой.

– Наверное, нужны.

Сергей достал свой кошелек, не считая вытащил пачку купюр, все какие были, и сунул ей.

– Возьми, потом заедешь, отпускные получишь. И постарайся не расстраиваться сильно. Как ни банально это звучит, но всем было понятно, что он тебя не достоин. Я рад, что для тебя эта каторга закончилась. Езжай с глаз долой, пока я не передумал.

Вечером приехала Ритка. Выслушав подробный рассказ подруги, самому факту измены Лешки почему-то не удивилась, только возмутилась:

– Это так странно, что это была Людка! Мы же дружили, да и столько для нее сделали! Не понимаю! – поражалась она людской неблагодарности, посмотрела на Тину и заметила: – Ладно, я тебя знаю: дней через десять поговорим, когда ты со всем в себе разберешься. Только, прошу тебя, не отключай телефон, я буду звонить всего раз в день, обещаю! Узнать, как ты тут.

– Только не надо драм! Что со мной делается?

– Да знаю я тебя! Начнешь себя во всем обвинять, вспомнишь трудное детство и придешь к выводу, что никому не нужна! Просто ты еще не встретила своего мужчину!

– А ты встретила? – усмехнулась Тина.

– Я тоже не встретила. Значит, у нас все впереди, подруга! Радуйся!

– Я попробую. Все, Ритка, иди, мне надо побыть одной.

Ритка обняла ее, поцеловала и, уже стоя в дверях, сказала:

– Ты не одна, чтобы ты помнила: у тебя есть я и Дениска, и мама с папой.

– Да, Ритуль, спасибо тебе.

На следующий день Тина собрала все вещи Алексея, выставила сумки в прихожую, позвонила ему на работу и попросила забрать их.

Он приехал вечером и с порога принялся отчитывать:

– Тина, ты дура! Зачем принимать скоропалительные решения?! Мы же семья, мало ли что бывает между людьми. Зачем все рушить?

Я не понимаю!

– Леша, мы уже давно не семья и никогда ею не были, – устало разъяснила она. – Был только ты со всеми твоими желаниями, потребностями, бизнесом, капризами. Со всем только твоим, и все было посвящено исключительно тебе.

– Не надо, Тина, не изображай из себя жертву эгоистичного мужа!

– Леша, я не хочу ни о чем говорить! Все! Забирай вещи и желаю тебе счастья в жизни! Честно, очень искренне желаю тебе всего хорошего!

– Ладно, я понимаю, тебе надо успокоиться, подумать. Мы потом поговорим, – проворчал он.

– Лешка! Пошел в задницу! – с удовольствием послала его она и принялась активно выносить вещи из квартиры на лестничную площадку, торопясь выставить его из своей жизни.

Оставшись одна, Тина стала слоняться по квартире, то в одном углу, то в другом, пытаясь понять себя, свою жизнь, свои ошибки. Она старалась никого не обвинять, отодвинув на время Людмилу и этот ее поступок, чтобы расставить все по местам в голове, а не придумывать и примерять на себя маску несчастной обиженной жены.

Тину никто не тревожил – все знали эту ее привычку разбираться с проблемой в одиночестве и тишине, тщательно обдумывая все факты.

Но через несколько дней ее затворничество нарушили.

Утром раздался звонок в дверь. Тина никогда не спрашивала: «кто там?», за что ее всегда ругал Лешка, она просто открыла.

На пороге стояла Людмила.

– Тина, нам надо поговорить! – просительным тоном, вместо приветствия, заявила она.

– Я пока не могу с тобой разговаривать, извини.

Тина попыталась закрыть дверь, но Люда придержала ее рукой.

– Я так и знала, что ты еще не готова, но решила попробовать. – И попросила: – Ладно, хоть воды дашь? Жарко очень.

– Зайди, – подумав, кивнула нехотя хозяйка.

Тина пошла в кухню. Оказалось, что Людмила идет за ней и все-таки села за стол, пытаясь объяснить.

– Хотя бы выслушай! – быстро заговорила она. – Лешка меня просто пожалел. Я жутко разругалась с Витей, шла вся в слезах по улице, а он ехал мимо, остановился, усадил меня в машину и попытался успокоить. Ну а потом...

– Получилось?

– Что? – удивилась Люда.

– Успокоить. Получилось?

– Да, – пряча глаза, ответила Людмила. – Ты прости меня.

– Потом поговорим, я пока не могу.

– Тогда я пойду!

Закрыв за ней, Тина уперлась лбом в обивку двери и с тоской подумала:

«Это тоже надо пережить! Все равно с ней придется разговаривать, она обязательно появится еще раз! О господи!»

Тина решила, что ей срочно надо чем-то заняться, чтобы отвлечься от этого визита, отодвинуть его анализ на потом.

«Приготовлю-ка я обед!» – приняла она решение.

Тина все эти дни затворничества практически не ела горячего, обходясь кофе и изредка бутербродами.

Она замечательно готовила. Исключительно. Среди ее друзей и знакомых ходили легенды о ее кулинарных способностях. Щи были одним из ее фирменных блюд, на приготовление которых уходила масса времени, но результат всегда оказывался превосходным. Этими знаменитыми щами можно было вылечить даже самое злое похмелье. На них собирались целые компании, которые постепенно исчезли с появлением в ее жизни Алексея. Но, стоило ему уехать в командировку или в отпуск, узнав, что Тина готовит свои грандиозные щи, друзья съезжались к ней в дом, привозя водочку, грибочки и соленые огурчики, превращая ужин в посиделки до утра.

В дверь опять позвонили. Ах ты ж господи! И чего это она именно сегодня всем понадобилась?!

Оказалось, пришел их участковый. Весьма колоритная личность, надо заметить. Звали его Тарас Петрович Кучеря. Маленький, толстенький, кругленький, с пышными «хохляцкими» усами, с хитрым прищуром вьедливых глаз, улыбчивый, усталый служака, лет под пятьдесят.

– Я опять к вам, Валентина Игоревна! – вместо приветствия начал извиняющимся тоном он.

Тина рассердилась – ну не до него ей сейчас, не до разборок кляуз соседей друг на друга! Она постаралась унять в себе всплеск негодования – все-таки это его работа, причем довольно тяжелая. Не по своей воле и не удовольствия ради он таскается по домам и квартирам.

– Проходите, Тарас Петрович, – пригласила она.

Они прошли в кухню. Он уселся на стул, как-то очень основательно уселся, расположился, можно сказать: пристроил на стол свою папку и демонстративно принялся к запаху готовящейся еды.

– Мастерница вы готовить! Наслышан!
– А про это-то вы откуда знаете? – удивилась Тина.
– Так по специфике своей службы я о многом осведомлен! – хитро прищурился участковый.

– Хотите щей, Тарас Петрович? Им, правда, еще потомиться надо бы, но они уже готовы, – предложила Тина.

– Хочу! С превеликим удовольствием! – тут же весело согласился хитрый хохол.

Тина налила суп в большую тарелку и поставила перед гостем, выставила на стол сметану, блюдечко с зубчиками чеснока, плетенку с черным, как и положено к этому блюду, хлебом, нарезанным толстыми ломтями.

Тарас Петрович умудрялся одновременно кушать, побрякивать от удовольствия, крутя головой из стороны в сторону, подчеркивая степень вкусоности, и говорить.

– Я по поводу вашего соседа Олега, Валентина Игоревна. Жалуются на него: музыка громкая до полночи, гости постоянно, шум. Что, балует парень?

– Да бросьте вы, Тарас Петрович, все вы знаете, – махнула на него рукой она. – Замечательный мальчишка! Такая трудная семья, а он не пьет, не колетса, по притонам не шатается. В институт поступил, работает! И ребята к нему нормальные ходят, не шантрапа какая-нибудь. А что музыка громко – так они же молодые, они тихо не умеют! Вы вот, когда молодой были, тоже наверняка на всю округу музыку врубали?

– Было дело, – признался он усмехнувшись и переспросил: – Значит, считаете, ничего криминального?

– Да вы лучше меня знаете! – негодовала немного Тина.

– Проверить я обязан, – вздохнув, напомнил участковый.

Он доел, не отказался и от добавки, нахваливая ее мастерство. Они поговорили о происшествиях в округе, о соседских сварах. Тарас Петрович пожаловался на жизнь, маленькую зарплату, огромный участок, повздыхал и наконец отбыл, поблагодарив за щедрый обед и понимание его проблем.

Проводив его, Тина с удовольствием поела и сама, первый раз за все это время по-настоящему пообедав. С удивлением обнаружила, что, по обыкновению, приготовила очень много, и прикинула, что с этим добром теперь делать.

«Буду есть всю неделю!» – решила оптимистично она.

Вымыла посуду и вернулась к своим непростым мыслям.

А вечером устроилась на своем любимом месте – на полу, напротив входной двери, с чашкой кофе и сигаретой, где Тину и застал звонок следующего незваного гостя.

«Да что же это такое?! Прямо день открытых дверей! Им тут музей, что ли?! – подумала Тина и поинтересовалась у себя: – Может, не открывать?»

Звонок повторился громко и весьма настойчиво, она поднялась с пола и, поколебавшись еще мгновение, все-таки открыла.

– Я понимаю, что это нетактичные вопросы, но вынужден их задавать, – вернул ее к действительности низкий голос следователя.

– Извините! – встрепенулась Тина, поняв, что надолго замолчала. – Я не уйду от ответа, просто задумалась.

Она помолчала и вдруг спросила:

– Артем Константинович, вы сегодня обедали?

– Нет, а что? – удивился он.

– Давайте я вас накормлю обедом или, скорее, уже ужином.

– Взятки должностному лицу? – усмехнулся Артем.

– Горячим обедом? – переспросила она и пояснила: – Нет, просто попытка накормить голодного мужчину. И потом, пока вы ужинаете, мне будет проще отвечать на ваши вопросы, а то как-то очень официально получается. А вопросы вы задаете щекотливые.

Он удивился еще больше этой ее откровенности.

Беркутов призадумался – есть ему хотелось страшно, аж подсасывало в животе, – он мотался сегодня целый день, не успев даже перекусить на ходу, но у него в кармане лежали «вещдоки» с места происшествия, указывающие прямо на хозяйку квартиры. И предъявлять обвинение после сытого ужина и гостеприимного радушия было бы более чем некрасиво.

И еще он был сильно раздосадован нестыковкой ее образа и психологического портрета, который уже себе сложил в голове, с самим происшествием.

Раздражаясь еще больше, оттого что придется отказаться от предложенной еды, ароматы которой он чувствовал только войдя в кухню, Артем подумал:

«Ну что тебе, вот такой умнице, красавице, сильной, интересной, нужно прямо вот так до убою от мужика?! А?! Бабки? Или такая офигенная любовь?! И мужик-то так себе, был бы хоть с характером! Вот какого тебя во все это потащило, девонька?!»

От этих мыслей, от искреннего недоумения, как такая вот женщина

могла решиться на криминальный поступок из-за совершенно неинтересного, дешевого мужичонки, у него с новой силой свело желудок.

Артем уж собрался резко ответить отказом, переводя разговор из дружеской беседы в рамки холодного допроса, но хозяйка его опередила.

– Соглашайтесь, Артем Константинович! Что вы так задумались? Вы же голодный. До вас один мужчина уже попробовал, ему очень понравилось, честное слово, – улыбалась дружески она.

– Какой мужчина? – осторожно уточнил Беркутов.

– Участковый приходил, – пояснила она, – Тарас Петрович Кучеря, поговорить о делах житейских. Так уплетал щи за милую душу, еще и добавки попросил. – И почти серьезно поинтересовалась: – Или об этом нельзя говорить, тоже считается взяткой должностному лицу?

Удерживая готовое хлынуть, как прорвавшаяся плотина, облегчение, мысленно останавливая преждевременную радость, Артем ответил:

– Можно. – И искренне улыбнулся. – Участковому можно. А во сколько он приходил?

Сердце замерло в ожидании ответа. Осознав, что даже дыхание затаил, Артем одернул себя: «Ты чего это, Беркутов? Что за эмоции? Остынь!»

– Это важно? – взглядываясь в выражение его лица, серьезно спросила Тина.

– Да!

– Так. Я попробую сообразить. – Она задумалась, вспоминая. – Я как раз приготовила щи и сверяла время, чтобы они настоялись.

«Ну давай, девочка, не подведи меня!» – просил про себя Артем.

– Около часа дня, – задумчиво сказала она и тут же заявила совершенно уверенно: – Нет, в час, точно! Мы поговорили минут сорок, и он ушел. А что случилось-то?

– Ничего страшного, – ответил Артем, поражаясь облегчению, которое испытал, и почти радостно согласился: – Давайте! Давайте ваш обед или почти ужин! С удовольствием отведаю, раз вы предлагаете! Только, не обижайтесь, я позвоню, поговорю с вашим участковым.

– Пожалуйста, если это так важно.

Тина принялась хлопотать: разогревать еду, накрывать на стол, а он тем временем достал записную книжку, нашел телефон местного отдела милиции и позвонил. Разговаривая с Тарасом Петровичем, Артем незаметно наблюдал за Тиной и думал. С чего это он так реагирует? Откуда эмоции? Он профессионал и никогда не позволял себе во время работы чувств. Конечно, они возникали всегда, но он умел загонять их очень далеко, абстрагироваться, чтобы не мешали трезвой оценке ситуации,

и выпускал только после окончания дела, разрешая себе симпатии, антипатии, жалость и злость.

– Спасибо, Тарас Петрович, – закончил он разговор.

Щи оказались очень, ну очень вкусными, ничего подобного он не пробовал в своей жизни. Шедевр какой-то! И этот штрих Артем добавил к портрету подозреваемой как немаловажный.

– Это просто фантастика! – похвалил Артем.

– Спасибо! Приятного аппетита, – пожелала она и предложила: – Давайте я попробую ответить на ваши вопросы.

– Давайте.

– Вы спросили: почему мы расстались?

– Да.

– Причина самая простая: обнаружилось, что мы чужие люди. Просто я долго себе в этом не признавалась. Я вот отпуск взяла, чтобы разобраться во всем, и уже две недели пытаюсь по местам расставить в голове прошлое и настоящее. Попробую вам коротко сформулировать.

– Можно и пространно, – усмехнулся он.

– Мы никогда не были близкими и родными людьми. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Надеюсь, но поясните.

– Не было такого родства душ, что ли? Да и любви настоящей никогда не было. Сначала Лешка строил свой бизнес и все крутилось вокруг этого, и не до копаний в собственных чувствах тогда оказалось – вкалывали оба, уставали так, что имелась только одна мечта – выспаться. Потом, уж когда он встал на ноги, как-то все вошло в привычную колею – у него своя работа, у меня своя. Но последнее время мне стало тяжело рядом с ним. Я все чаще смотрела на него и удивлялась – совершенно чужой мне человек, почему же мы живем вместе? Интересы разные, восприятие жизни разное, даже юмор разный. Я раньше этого не замечала, занятая бесконечной работой, бытом. Даже странно.

Тина замолчала, обдумывая, как объяснить правильно то, что она поняла и осмыслила за последние две недели про их с Лешкой жизнь.

– Значит, подумали и решили расстаться? – уточнил Артем.

– Да нет, нашелся веский повод.

– Какой же?

– Банальный, – усмехнулась невесело Тина. – Я случайно приехала днем домой и застала Алексея в постели с моей подругой.

– Да уж, действительно, банальный, – хмыкнул следователь.

Он опросил всех на работе Алексея. И с удивлением выяснил,

что Тину там очень хорошо знали и ценили; оказывается, госпожа Игнатова много сделала для их фирмы. Особые дифирамбы ей пели два полноправных партнера ее мужа. И никто словом не обмолвился об упоминаемом Тиной «эпизоде»! Значит, не знали. Наверняка бы какая-нибудь из сотрудниц «порадовала» такой пикантной новостью. Это уж сто пудов.

«Интересно», – отметил Беркутов.

– Как зовут эту подругу?

– Людмила Викторовна Шлях.

– Как давно вы дружите?

– С института. Мы с ней учились вместе, в одной группе. Дружили.

Не так чтобы поверять все свои секреты, но довольно близко.

– Она живет в Москве?

– Да.

– Как давно?

Тина вздохнула, она поняла, что придется рассказать, хотя бы коротко, об их отношениях с Людмилой.

– Когда мы с Риткой более-менее встали на ноги, выбрались из нищеты и могли себе позволить хоть чуть-чуть помогать родителям, я поехала с Дениской – это Ритин сын – навестить наших родителей. Там случайно встретила Людмилу, она работала продавцом в коммерческом ларьке. Мы разговорились, и оказалось, что они ужасно трудно живут. Людмила рано, в восемнадцать лет, вышла замуж и сразу родила. Муж ее, Виктор, бросил институт и стал шоферить, пытаясь их прокормить. Мы на почве детей и сдружились с ней сильнее – у нас Дениска, у нее Альбина, мы часто и по врачам детским вместе ходили. После института никаких связей не поддерживали, а тут встретились, и я очень за них расстроилась. Люда спросила, нет ли у меня на примете какой-нибудь работы в Москве, чтобы нормально зарабатывать. Когда я вернулась в Москву, то стала искать, куда бы ее пристроить на хороший заработок. Помогла Ритка – у нее был клиент, который искал себе менеджера на фирму, он только что уволил одну сотрудницу. Мы Людмилу сразу вызвали, послали ей деньги на дорогу. Она прошла собеседование, и ее приняли. Чуть позже Ритка уговорила этого своего клиента взять и Виктора шофером. Мы договорились со своей бывшей квартирной хозяйкой в коммуналке, которую снимали раньше, и она взяла Люду с Витей туда жить, мы с Риткой заплатили половину квартплаты за три месяца, пока ребята на ноги не встанут. Витя до сих пор работает на этой фирме, хорошо зарабатывает, а Люда ушла с повышением в деньгах и в должности

на другую фирму. Альбинку они давно перевезли к себе. И все у них наладилось... – Тина задумалась. – Хотя, судя по последним событиям, не так уж наладилось. Но это дела семейные.

– Вы кому-нибудь рассказывали об инциденте? – продолжил опрос Артем.

– Нет, конечно, только Ритке и Сергею пришлось объяснить.

– Сергей – это кто?

– Это мой начальник, но он Людмилу не знает. Понимаете, Люда с Виктором часто ругаются, но все равно всем понятно, что они никогда не расстанутся. У них нормальная семья, ну любят они повывяснять отношения, не обращая внимания на окружающих, это было у них всегда. Но даже мысли о разводе оба не допускают. Они так живут. Витя – он спокойный, надежный, трудяга, Альбинка у них замечательная. Конечно, я никому не расскажу про измену, и Людка об этом знает. Зачем разрушать семью?

– А как ваш муж объяснил связь именно с вашей подругой?

– Никак. Мы об этом не говорили.

– А Людмила как все объяснила?

– Я пока не готова с ней общаться. Она приходила, именно сегодня, пыталась что-то объяснить, но я особенно не слушала. Немного времени пройдет, мы и поговорим. Хотя это уже ничего не изменит.

– Это точно. А Рита, как я понял, еще одна ваша подруга?

– Да, она мне как сестра – мы выросли вместе, Дениску, это ее сын, растили вместе. Это совсем другие отношения.

– Понятно. И в Москве вдвоем жили?

– Да, но это длинная история.

– Хорошо, вернемся к нашей теме.

– Что все-таки случилось, Артем Константинович? – тревожно спросила Тина.

– Я вам обязательно объясню, но позже. Расскажите, пожалуйста, как Алексей начал свой бизнес?

– Артем Константинович, – усмехнулась саркастически она, – бывшие мужья и жены – это не очень надежные свидетели: можно такого наговорить! Потом, каждая из сторон при разводе считает себя пострадавшей и обиженной, как водится.

– Вы правы, но мы опрашиваем и друзей, и знакомых, и родственников, и из всего этого складывается общая картина.

– Нелегкая у вас работа.

– Что есть, то есть. И все-таки, как начиналось его дело?

– Их было трое, в общем, трое и осталось по сей день. Они все однокурсники. Идея принадлежала Александру Батурлину. Сашка случайно, во время какой-то выставки, познакомился с немецким представителем компании по производству аксессуаров для автомобилей, и тот предложил ему – ищите деньги, а мы на выгодных для вас условиях будем поставлять свою продукцию. Он с этой идеей прибежал к нам с Лешкой, они вызвали Юрика Ревина, третьего партнера, и стали думать, что делать. Вообще, вся их фирма рождалась у нас на кухне, мы тогда еще жили на съемной квартире, на «Южной». Юрик предложил взять кредит в банке, заложив квартиры родителей. Это было очень рискованно, но они это сделали. Переговоры с Германией уже вовсю шли, а юридического лица у них еще не было. Лешка предложил просто купить «толкушку», ну знаете, что это такое – печать левой фирмы для разовой сделки. Все трое согласились, и мне пришлось целые сутки их уговаривать не делать глупостей, а официально открыть свою компанию и оформить все документы как положено. Они настойчиво звали меня работать у них бухгалтером, я тогда уже занималась бухгалтерией помимо своей основной работы, но я отказалась. Нет, конечно, всю начальную бухгалтерию я им вела, но с работы уйти не могла – мы бы с Лешкой с голоду умерли. Потом, через два года, когда объем работы стал очень большим, я «сосватала» им Нину Илларионовну – замечательную женщину и гениального бухгалтера.

– А что с начальным капиталом, как они его распределили?

– Здесь тоже без боя не обошлось. Они почувствовали деньги на руках и решили все сразу, скопом, вложить в первую поставку. Такая эйфория людей, начинающих бизнес и торопящихся как можно скорее получить прибыль. Пришлось заставить их сесть, посчитать до запятой, кто сколько вкладывает, вычислить, соответственно, проценты участия каждого. Привела Ритку, она юрист по гражданским делам, очень грамотный юрист. Рита помогла составить документы, где оговаривалось все до мелочей – вклад каждого, потенциальная должность, права, обязанности, выход из фирмы – все. Они сопротивлялись, ныли: «Мы друг другу доверяем на все сто, никто никого не подставит!» Сами знаете, как это бывает обычно, но я настояла. Просто за время работы бухгалтером – одно время я вела сразу три мелкие фирмы, деньги нужны были, – я такого насмотрелась: как распадаются фирмы и вчерашние друзья только что не стреляют друг друга. Поэтому и настояла: «Вы должны договориться здесь, «на берегу», и договориться железно, иначе потом утонете в разборках». Паи у них были одинаковые, и все трое стали полноправными совладельцами. Вот так они и начинали. Первые три года

было очень тяжело – сначала отдавали кредиты, потом все деньги вкладывали в развитие. В конце третьего года они позволили себе потратить какие-то деньги на себя.

Артем слушал, делал в блокноте какие-то пометки.

– На что они жили эти три года?

– Юрика содержали родители, они в него верили и во всем поддерживали, Саше помогали родители его и жены, да и Света, его жена, работала все это время, а мы с Лешкой жили на мою зарплату.

– У них были серьезные разногласия?

– Разногласия есть у всех и всегда, но серьезных – нет, никогда, насколько я знаю. Ну покричат, доказывая каждый свое, но всегда приходили к единому мнению. У них очень здорово сложилась команда – Саша явный лидер и руководитель, Юрик пробивной, проницательный, может достать все что надо, умеет ходить по кабинетам и добиваться нужных бумаг, а Лешка исполнитель, ему надо поставить задачу, и он будет кропотливо претворять ее в жизнь. Они друг друга дополняют идеально, поэтому у них и дела идут в гору.

– Последнее время были ли у них трудности? Может, «наехал» кто-нибудь, может, денежные недоразумения?

– Насколько мне известно – нет. Но я давно не интересуюсь их делами, не то что не интересуюсь, но не вдаюсь в подробности. Хотя, если бы что-то серьезное было, я бы знала. Так что все-таки случилось?

– Я объясню, только ответьте еще на несколько вопросов.

Артем не хотел об этом спрашивать, но все-таки спросил, оправдываясь перед собой тем, что это необходимо для полноты картины:

– Как вы познакомились?

– Как обычно – в гостях у общих знакомых. Была свадьба моей коллеги по работе, естественно, присутствовала вся наша фирма – тогда у нас был начальный период становления и людей работало еще мало, но все очень дружили. Лешка оказался гостем со стороны жениха. Так и познакомились, он принялся за мной ухаживать, а через полгода мы стали жить вместе.

Не удержавшись, Артем спросил:

– А почему вы стали жить вместе? Это была большая любовь, я имею в виду, с вашей стороны?

Тина задумалась. Для себя она уже нашла ответ, расставив все по местам и нужным полочкам и честно признаваясь себе во всем.

Все дело в ее детстве.

Она могла бы написать целый трактат, что-то вроде «Пособие для толстых девочек, или Как выжить среди сверстников». Тина в детстве была толстой – для подростка это приговор! Практически смертельный.

Как-то мама сказала ей:

– Знаешь, когда вылупляются кукушата, то самый сильный из них выпихивает из гнезда более слабых птенцов, и не потому, что он плохой, а потому, что в нем срабатывает инстинкт. Так у него больше шансов выжить. В детях гораздо сильнее, чем у взрослых, развиты инстинкты, и их жестокость продиктована чем-то примитивным, на уровне выживания. Если кто-то из сверстников физически или умственно не соответствует принятому стандарту, значит, его надо уничтожить – больше шансов пробиться самому. Я уверена, что твоя полнота пройдет сама собой, ты ее перерастешь, а сейчас тебе просто надо выстоять и не озлобиться.

Мама оказалась права – после семнадцати лет фигура Тины начала стремительно меняться, а в восемнадцать о былой полноте напоминали только фотографии и комплекс неполноценности, оставшийся на всю жизнь.

Тина нашла свой способ защиты от жестокости сверстников – утвердилась, став лидером класса, а потом и всей школы. За ней никогда не ухаживали мальчики, никто не носил ее портфель и не провожал домой. Нет, в гости к ней ходили постоянно, но целой компанией, чтобы обговорить и воплотить в жизнь ее очередную идею – спектакль, концерт, маскарад, пикник и еще много, много всяких придумок, которые сыпались из нее как из рога изобилия. Все мальчишки числились друзьями: Тина раз и навсегда решила, что романтическая влюбленность со стороны мужского пола – это не для нее. Одноклассники уважали ее, дружили с ней и даже защищали, если кто-то со стороны пытался ее обидеть, но их первые романтические чувства были направлены совсем на других девочек.

Тина выстояла! Ее фантазии, энергии, умения воплотить в жизнь самые невероятные проекты хватило на то, чтобы достойно выжить среди сверстников, но комплекс толстой, неинтересной девочки остался навсегда.

После ухода Алексея Тина слонялась по квартире, все размышляя и размышляя и пытаясь ответить себе на вопрос – почему?

Почему так долго жила с этим человеком, почему не хотела видеть реальность – его слабость, безволие, жадность, трусость? Почему терпела бесконечные мелкие придирки, вечное ворчание и недовольство?

От них разбегались друзья – мало кто мог выдержать постоянные указания, как надо что делать. Алексей никогда не готовил, но всегда

приходил на кухню, когда Тина стояла у плиты, садился на стул и поучал – лук надо резать мельче, сильно не жаривай, убавь огонь под кастрюлей и т. д. Он никогда не стирал, но приходил в ванную, когда Тина там вручную стирала белье, и давал указания – здесь надо сильнее тереть, ты неправильно выжимаешь. Он очень редко мыл посуду, но всегда ворчал – ты слишком много наливаешь моющего средства, мало ополаскиваешь тарелки. И так далее и так далее...

Первые два года Тина раздражалась, скандалила с ним из-за этого, бросала все и предлагала делать самому, раз он лучше знает, а потом махнула рукой и просто перестала слышать, решив для себя: «А пули летят, пули шальные летят и не очень!», пропуская мимо, как эти пули, занудство гражданского мужа.

Он давно перестал быть ей интересен как человек, как личность. Ей было с ним откровенно скучно – Лешка почти ничего не читал; кино, театры оказались ему не интересны.

Путешествия – это вообще отдельная статья!

Дважды съездив с ним за границу – в Прагу и в Вену, – она зареклась на веки вечные куда-нибудь совместно ездить! Он экономил на всем. Оплачивая счет в ресторане, Лешка расстраивался так, что ей приходилось часа два отвлекать его от этих мыслей. Но это цветочки! Каждый вечер, когда Тина уже лежала в кровати, Алексей ходил по номеру и отчитывал спутницу:

– Ты знаешь, сколько мы сегодня потратили?! Мы не можем позволить себе такие траты – мой бизнес только развивается, все деньги надо вкладывать туда!

Отвечать было совершенно бесполезно и спрашивать, какого черта ты вообще тогда поехал, тем паче. Она и не отвечала и очередной раз, махнув рукой на Лешкин характер, стала ездить с Риткой и Дениской, благо к тому времени зарабатывала уже неплохо и могла себе это позволить.

Леша был прав, когда обвинил Тину в том, что она сама виновата в его измене, – они давно не спали вместе, ей это тоже давно перестало быть интересно с ним, да, если честно, никогда не приносило особой радости.

Конечно, она виновата! А кто еще?

Сейчас, закрывшись в квартире от всех, Тина перебирала эти бесконечные мысли, ясно и четко видя всю картину, как будто вымыла грязное окно и наконец рассмотрела улицу.

У Тины появилось ощущение, будто она отмывает себя изнутри, честно признаваясь себе в том, что долгие годы не хотела замечать. Ей было так тяжело, что она не могла ни лежать, ни ходить. Она брала

чашку с кофе, сигарету и устраивалась на полу – вытянув ноги и опираясь спиной о стену. Сидела все время в разных углах, перемещаясь по комнатам квартиры. Ее любимым местом стала прихожая – девушка садилась в угол на пол, напротив входной двери, и часами раскладывала в своей голове все по порядку, стараясь не поддаваться жалости к себе и не врать. Она очень не любила, когда в помещении пахло табаком, поэтому открывала все окна и двери нараспашку, и по квартире гулял свободный августовский ветер, успокаивая ее шелестом штор и газетных страниц.

Когда Тина поступила в институт, вокруг нее вдруг обнаружилась целая толпа поклонников. Тина стала очень интересной девушкой. В ней появились какая-то утонченность, изысканность и тайна.

В ее жизни толстушки было одно преимущество – зная, что не может интересоваться противоположный пол как девушка, Тина воспринимала парней иначе, чем ровесницы, видела их характеры, привычки и истинные мотивы очень четко. Не забывая себе голову размышлениями на тему «понравилась я ему или нет?», она присматривалась, слушала, пытаясь понять, что это за человек. Наверное, поэтому понимала мужчин гораздо лучше, чем многие женщины.

Она видела, что все эти мальчики, танцующие перед ней, – это всего лишь молодые стрекозлы, у которых гормоны только из ушей не лезут. И все, что им нужно, – это как можно больше секса с как можно большим количеством женщин. А если девушка еще и интересная, недоступная и красивая, то можно и наизнанку вывернуться, чтобы завоевать, – что-то типа спорта.

Себя красивой и интересной она категорически не считала и отделялась шутками. Правда, на третьем курсе Тина решила вкусить «прелести» секса, не отставая от других. К тому времени поклонников сильно поубавилось, мало кто мог выдержать ее язвительный острый язычок и холодный тон. Ее называли «Тина – льдина». Из наиболее стойких ухажеров она выбрала того, кто был ей хоть как-то интересен.

Месяц они не вылезали из постели, но для себя Тина так и не поняла, почему вокруг этого столько шума. Когда ей окончательно стало скучно, она рассталась с партнером, с недоумением пережив сцены ревности и попытки ее вернуть, честно считая, что он что-то там перепутал в своих мужских мозгах, – она совсем не та женщина, из-за которой можно страдать или которую хочется вернуть.

Поняв все про постель, как ей тогда казалось, она полностью ушла

в учебу, закончив институт с красным дипломом и окончательным диагнозом «Тина – льдина».

Вся ее совместная жизнь с мужем строилась на ее бесконечном извращенном чувстве благодарности и долга ему. Да потому что это был первый мужчина в жизни Тины, который сумел убедить ее в том, что она нужна кому-то не просто как личность, но и как интересная женщина.

Он долго и упорно за ней ухаживал, восхищался ее умом, ее очарованием, оглушив своим напором. Он признался ей в любви и делал это так часто, что она поверила. Поверила и прониклась такой благодарностью, которая затопила ее разум на долгие годы, породив бесконечное чувство долга перед Алексеем за то, что он разглядел ее настоящую и полюбил.

Как гипноз, вернее самогипноз.

Ну хорошо, а ему-то что от нее надо было? Или он действительно так любил Тину? Нет, не любил, это сейчас совершенно понятно, он просто не умеет этого. Леша нужна была сильная женщина рядом, и неосознанно он искал именно такую, которая будет толкать вперед, брать на себя ответственность, вытирать сопли, принимать все его капризы и тащить, тащить, посвящая всю себя этому мужчине. Алексей, как тот слабый кукушонок, чувствовал, что самому ему не выжить и не справиться, ему нужен кто-то сильный и желательно вечно благодарный.

Вот он и нашел Тину!

Да! Плохую шутку сыграло с ней детство!

Артем смотрел на нее, не мешая ей думать.

Он не понимал, почему не послал Гришкиных ребят просто арестовать ее – для этого имелись все основания, почему поехал к ней сам, без звонка и предупреждения. Он был готов к тому, что ему придется лично задержать подозреваемую, как говорится, «до выяснения», но что-то помешало такому прямолинейному решению с самого начала. Артему не понравился ее муж, ах да, извините, бывший муж. Это его лепетание, бегающие перепуганные глазки, слегка повизгивающий от страха голос. Ему сразу все не понравилось в этом мужике и в этом деле. Что-то подсказывало, что, просто поговорив с подозреваемой, он узнает гораздо больше, чем арестовав, и не ошибся, впрочем, как всегда, прислушавшись к своей интуиции.

– Я задал сложный вопрос? – все-таки поторопив ее, спросил следователь.

– Да непростой, – ответила Тина.

Она встала, достала с полки сигареты и закурила.

– Нелегко говорить на такие темы. Одно время я увлекалась психологией и изучала массу специальной литературы. Так вот, психологи утверждают, что большая часть наших проблем тянется из детства. Не знаю, как там большая, но у моего замужества точно ноги растут оттуда.

– У вас было трудное детство?

– Трудное! Но не в смысле голодное или проблемы с родителями – здесь как раз все в полном порядке. Родители у меня просто замечательные! Но. Я была толстой все свое детство, до самого института. Сильно толстая! Представляете?

Он представил! Он представил себе ее подростком – толстенькой, пухленькой девочкой, и улыбнулся.

– Вот-вот! Никаких мальчиков, ухаживаний, влюбленностей. Никаких красивых платьев – только прямой силуэт, каблуки нельзя, короткие юбочки тоже. Девочка-изгой! У меня была одна-единственная настоящая подруга – Ритка, и осталась на всю жизнь.

– И какая связь между вашим детством и замужеством?

– Я всегда точно знала, что не могу заинтересовать противоположный пол. В институте у меня неожиданно оказалось много ухажеров, но все их ухаживания носили весьма однозначный характер, и поэтому было скучно и не интересовало меня. А Лешка стал первым мужчиной, который всерьез и настойчиво доказывал мне, что я ему интересна и нужна не только как личность, но и как женщина, и он миллион раз признавался мне в любви, пока я не поверила. Я была ему бесконечно благодарна за это.

«Ну да! Понятно! – подумал Артем. – И содержала три года, пока он изволил бизнес с товарищами поднимать, и работала на их фирму бесплатно!»

Он уже понял многое про хозяйку дома и был уверен, что она вкалывала на этого мужика, на его капризы, жизнь, бизнес, все пять лет их совместной жизни.

– Скажите, Тина, эту квартиру купил Алексей?

– Нет. Когда нас прижало с деньгами, то выбор был небогатый – либо идти к его родителям, они живут в ближайшем Подмосковье, либо что-то придумывать. На оплату съемной квартиры уходила половина моей зарплаты. Лешка ныл, уговаривал меня поговорить с моими родителями. Ну я и сдалась. Дело в том, что у моих родителей была шикарная четырехкомнатная огромная квартира, доставшаяся папе от бабушки. Мой дедушка был в нашем городе, да и вообще в стране, личность известная. Легендарный боевой генерал, вот государство ему и дало

генеральские апартаменты в сталинском доме. Ну я и попросила родителей поменяться на Москву или продать квартиру, а купить что-нибудь здесь. Они согласились, но при одном условии, на котором настояла Ритка: эту квартиру оформят на них. Что мы и сделали. Я здесь прописана, а квартира принадлежит родителям.

– А где живут они?

– Они живут с бабушкой, маминой мамой, в двухкомнатной квартире. Переезжать в Москву отказались. На оставшиеся от покупки деньги мы сделали ремонт. А элементы евродизайна и мебель – это Леша оплачивал.

– Понятно.

– Артем Константинович, я ответила на все ваши вопросы?

– Почти.

Он достал из кармана целлофановый пакет, в котором находилась какая-то ткань, и протянул Тине.

– Это ваша вещь?

Тина вытащила из пакета и развернула красивый шелковый шарфик.

– Да, моя. Его Лешка привез из Германии, ему немцы презентовали для супруги. Это авторская работа, роспись по шелку, и он существует в единственном экземпляре. Мне надо спросить, откуда он у вас, или вы сами расскажете?

– Расскажу. Сегодня в тринадцать тридцать на вашего бывшего мужа – Алексея Ивановича Потапова – было совершено покушение. В него стреляли из пистолета. Преступника пытались задержать, но он сумел скрыться с места преступления, оставив в руке у охранника этот шарф.

– Так, – сказала ошарашенная Тина. – Лешка жив?

– Да. И сильно не пострадал: две пули навывлет в мягкие ткани, одна по касательной. Он в порядке, в сознании и очень скоро поправится. Я с ним беседовал. Тина, можно попросить еще кофе?

– Да, конечно! – Она быстро поднялась, но остановилась, не дойдя до плиты, и спросила: – Может, чего-то покрепче? Не хотите водки под добавку щей на закуску? А?

Артем задумался. В принципе, это не лезло уже ни в какие ворота – он вел допрос, правда, без протокола, но, с другой стороны, он понимал, что Тина, наверное, в шоке от известия. Да, что-то сегодня он весь день поступает вопреки логике и правилам ведения следственных мероприятий, а заодно и всем инструкциям, вместе взятым.

– Тина, вы хотите выпить, но вам неудобно одной? – прямо спросил он.

– Вы угадали. – И пояснила: – Вообще-то я редко употребляю,

но знаете, не каждый день сообщают, что твоего бывшего пытались застрелить.

– Да, не каждый, – согласился Беркутов и махнул рукой, посылая про себя все подальше. – А давайте! С удовольствием съем добавку ваших щей. Очень уж вкусно, просто великолепно.

– Спасибо, – поблагодарила она и попросила: – Вы рассказывайте, а я накрою на стол.

– Это очень странное покушение, – начал подробнее объяснять следователь. – Если в бизнесмена стреляют, то его, как правило, убивают. А тут или очень нерадивый стрелок какой-то попался, или, наоборот, снайпер. Сразу все непонятно и нелогично. Но вы наверняка знаете, что офис, который занимает фирма Алексея, находится в одном подъезде с очень серьезной государственной конторой. Один из высокопоставленных чиновников внешне весьма похож на Алексея Ивановича: такое же телосложение, рост, цвет волос. Нам стало известно, что их часто путали в коридоре здания.

– Да, мы всегда шутили над Лешкой, мол, уйдешь с работы – пойдешь к нему в двойники.

– Вот именно! И машины у них часто стоят рядом, правда, у чиновника есть шофер, но это не важно. Сразу возникла версия, что ждали этого господина, вот там как раз есть за что стрелять: он отвечает за большие финансовые потоки, вы, наверное, знаете. А где бюджетные деньги, там всегда что-то кому-то надо. Есть предположение, что в последний момент стрелок понял, что обознался, но все равно стрелял – не убить, так лишний раз напугать. Поэтому дело передали нам, в Генеральную прокуратуру.

Пока Артем рассказывал, Тина, внимательно слушая, разогрела еду и, разлив по тарелкам, поставила на стол. Выложила в вазочку маленькие соленые огурчики, поставила сметану, хлеб, две рюмки, достала из морозилки бутылку дорогой, редкой марки водки и передала Артему.

– Ого! – удивился он, рассматривая этикетку.

– Мой папа всегда учил, – пояснила она, – в доме, в котором уважают и любят своих гостей, обязательно должны быть три вещи: бутылка очень хорошего коньяка, бутылка самой лучшей водки и пачка самых лучших, настоящих сигарет.

– У вас очень мудрый папа!

– Да, мне повезло!

Артем разлил водочку по рюмкам и предупредил:

– Не больше двух рюмок, – и поднял одну из них, как бы поясняя

размер посуды: грамм по двадцать, не больше.

Тина кивнула, соглашаясь, и посоветовала:

– Вы закусывайте водку щами, они разогреты именно до нужной температуры, чтобы быть закуской.

Они выпили, закусили, и Артем восхитился:

– Это что-то невероятное! Я теперь понимаю профессора Преображенского. За такую водку и закуску можно душу продать!

– Спасибо! Это не обязательно, лучше рассказывайте.

– Ну что ж, не хотите душу, расплачусь рассказом. С самого начала для меня в этом деле было много непонятного. Во-первых, стрелок долго стоял возле подъезда и ждал. На него обратили внимание несколько человек, но это центр, Китай-город, там полно офисов, рядом нотариальная контора. Поэтому никто и не придал значения появлению незнакомца – ну стоит человек в тенечке, кого-то ждет. Во-вторых, он был очень странно одет – не то женщина, не то мужчина, не поймешь. В-третьих, он оставляет шарфик в руках охраны и окурки на том месте, где стоял. Сигареты женские, которые мало кто курит, без следов губной помады.

Артем глянул на ее ненакрашенные губы, и на него внезапно нахлынули совсем нерабочие мысли. Сидеть стало неудобно.

«Ты что?! Опупел?!» – мысленно прикрикнул на себя ошеломленный Беркутов, поражаясь такой реакции. Артем взял бутылку и налил еще по одной, поднял свою рюмку, предлагая Тине присоединиться. Они чокнулись, выпили. Он доел щи и поблагодарил:

– Большое спасибо! Очень вкусно!

Тина убрала его пустую тарелку. Артем достал из кармана сигареты, жестом спросил у хозяйки разрешения, получив которое с удовольствием закурил, расслабляясь и чувствуя приятную, добрую сытость.

– Шарф ваш сразу опознали сотрудники потаповской фирмы, и я уверен на сто процентов, что анализ окурков будет идентичен с теми, что лежат сейчас в вашей пепельнице. Вы ведь курите именно эту марку сигарет?

– Да.

– Тогда ответьте мне, Тина, кто может иметь причины вас подставить? – задал он вопрос почти задушевым тоном.

– Никто! – сразу ответила она.

Артем внимательно посмотрел на девушку и вкрадчиво спросил:

– Вы хотя бы понимаете, осознаете, как вам невероятно, сказочно повезло, что именно сегодня и именно в час дня у вас находился в гостях участковый?

– Артем Константинович, я, конечно, сильно обескуражена, но у меня нет врагов в прямом понимании этого слова, – уверила следователя Тина. – У каждого человека, разумеется, есть кто-то среди знакомых, кто его недолюбливает или кому он не нравится, имеются такие и в моем окружении, это понятно. Но чтобы так! Нет, таких нет, да и зачем?

– Тина, этот человек вас хорошо знает. Ему известны ваши привычки и то, что вы разошлись с мужем и теперь целыми днями сидите дома одна, размышляя о жизни, и то, что никто не сможет подтвердить вашего алиби. Или он специально долго следил за вами и наводил справки, что, если честно, маловероятно. Он точно входил в ваш дом: ведь где-то он взял этот шарф и окурки. И, кстати, когда последний раз вы надевали этот шарфик?

– Давно, весной, может, в мае, лето ведь, жара. Вы меня пугаете, Артем Константинович, – призналась Тина и принялась рассуждать: – Я не могу понять, кому это надо и зачем? Бред какой-то! Деньги? Да какие у меня деньги: зарплата, ну приличная, но не тысячи же долларов?! Квартира родителей, джип Лешкин. К Лешкиной фирме и его делам я не имею никакого отношения, к его деньгам тоже. Любовников у меня отродясь не бывало: я это не практикую, мужиков ни у кого не отбивала в жизни. Может, какая дама имеет виды на Лешку? Так логичнее было бы подставлять меня, пока мы жили вместе, а сейчас-то зачем, ведь все знают, что мы расстались и он теперь совершенно свободен для новых отношений. Нет, что-то здесь не то, Артем Константинович!

– Вы не волнуйтесь, Тина, мы разберемся. Но вы должны четко отдавать себе отчет, что сегодня были главной и единственной подозреваемой в покушении. К тому же стрелок оказался похож на вас ростом и телосложением. Вот так! У вас есть пистолет?

– Нет! Зачем?

– Ладно, Валентина Игоревна, на сегодня все. Мы с вами еще встретимся и запротоколируем некоторые вопросы. Если вам не трудно, подъедете к нам?

– Хорошо, мне не трудно, тем более что, как выяснилось, мне очень полезно бывать в обществе представителей власти, – усмехнулась Тина.

– Я рад, что вы сохраняете чувство юмора. Как мне найти вашу подружку Риту? Мне надо с ней побеседовать.

– Ее полное имя – Маргарита Юрьевна Корзун.

Тина продиктовала Риткины телефоны. Дала координаты Людмилы, своих и Лешкиных родителей, попутно ответив еще на несколько вопросов.

Артем, записав все данные, протянул ей визитку.

– Если хоть что-то покажется вам подозрительным, звоните в любое

время, тут указаны все мои телефоны.

– Хорошо, спасибо.

Артем встал из-за стола и пошел к выходу. Он поймал себя на мысли, что ему совсем не хочется уходить. Ему было уютно, приятно сыто и не хотелось думать о том, что дома его ждет друг и соратник, майор уголовки с Петровки – Бывалый Григорий Павлович, до кончиков волос соответствующий своей фамилии.

Гришка был следаком от бога и имел в послужном списке уйму ранений, раскрытых дел, задержаний и совершенно уникальное сыщицкое чутье. Он чувствовал интригу преступления печенкой, и часто, вопреки сложившейся уже, казалось бы, железной версии, именно это его чутье и помогало раскрыть дело.

Гришке чуть за сорок, и он всю свою жизнь был холостяком, потому что весь, с потрохами, принадлежал одной-единственной «женщине» – своей работе. Он со своей «бригадой» и занимался этим делом вместе с прокуратурой в лице Артема. Сейчас они сядут за стол, выложат друг другу, что накопили за день, и попробуют выработать хоть какое-то направление поисков.

– До свидания, Тина, – попрощался Артем, в который раз за время, проведенное с ней, пытаясь унять непонятную досаду.

– До свидания, Артем Константинович, – отозвалась Тина.

Тина позвонила Рите.

– Ритуля, здравствуй!

– Здравствуй, солнышко! Как ты там?

– Ритка, бери Дениску и приезжайте ко мне с ночевкой.

– Что опять случилось?! – заорала Ритка.

– Рит, ты приезжай, я все расскажу, только не гони, бога ради!

– Мы сейчас приедем, жди! – проорала Ритка и бросила трубку.

После ухода следователя Тине вдруг стало тоскливо в этой большой, притихшей, как перед бедой, квартире. Такого приступа одиночества она не испытывала, пожалуй, никогда в своей жизни.

И еще. Ей стало страшно! По-настоящему страшно! По-честному!

Кому могло понадобиться представлять ее преступницей? И зачем? Так! Она не будет паниковать! Сейчас приедет Ритка, они все обсудят и обязательно что-нибудь придумают! Они найдут выход, как случилось уже не раз.

Они дружили всю жизнь. С самого рождения. Их родители были

соседями по дому, и так получилось, что Тина с Риткой родились в один день, в одном роддоме, а их мамы лежали в одной палате.

Они ходили в одни ясли, в один садик, а вот в школы пошли разные – Ритка в английскую, а Тина в обыкновенную.

Ритка была единственной ее ровесницей, которая откровенно не понимала, почему полнота подруги может служить причиной шуток или нежелания с ней дружить. У нее совсем иначе были устроены мозги, чем у большинства детей.

Девчонки являлись полными противоположностями – Тина большая, высокая, крупная, а Ритка маленькая, миниатюрная. У Тины темно-рыжие волосы, а у Ритки совершенно белые. Тина была спокойной и дотошно размышляла над любой проблемой, прежде чем что-то предпринять, кроме драк, конечно, – на оскорбления она всегда давала сдачи без лишних размышлений. А Ритка, непоседа, сначала что-то вытворяла, а потом уж обдумывала, что натворила. У Тины имелись явные способности к точным наукам, а у Ритки – к гуманитарным. Тина спокойно выслушивала рассказы подруги о сто первом поклоннике, а Ритка замазывала йодом ее раны после очередной драки с мальчишками, успокаивая ее и искренне не понимая, как ребята не видят, какая Тинка классная. Тина делала за нее уроки по алгебре, геометрии и физике, а Ритка переводила с английского и писала за двоих сочинения.

В выходные они обязательно ночевали вместе, рассказывая друг другу нехитрые секреты, то у Тины дома, то у Ритки. Когда их родители поняли, что с этим бесполезно бороться, то просто договорились, в какие выходные кто из них отдыхает от детей.

У Ритки очень рано умер папа – когда им было по десять лет. Семья у Ритки самая обыкновенная, простая, доходов особых не водилось, перед смертью папа сильно болел, и все средства, которые имелись в доме, ушли на лечение. Мама Тины собрала деньги на похороны со всех соседей, сходила в месткомы Риткиных родителей и настояла на материальной помощи семье.

Тина долго и часто лежала в больницах – ее много лет безуспешно пытались лечить от неправильного обмена веществ, вызывающего ее неестественную полноту, и единственным человеком, кто ходил навещать ее два раза в день, была, конечно, Ритка.

После школы Ритка поступила в университет на юридический, а Тина в институт. В студенческие годы у Ритки случилась большая любовь, всепоглощающая страсть к старшекурснику. Они стали жить с ним у Ритки. Кавалер объяснил ее маме, что как только его родители смогут взять

отпуск, они приедут и состоится свадьба. Ритка забеременела, потенциальный муж был счастлив, говорил, что с нетерпением ждет рождения ребенка. Но когда Ритка была на шестом месяце, будущий папаша скрылся в неизвестном направлении, тайно переведясь в другой институт и оставив записку, в которой сообщал, что не готов стать отцом и взять на себя ответственность за семью.

Врачи предложили преждевременные роды – Ритке еще не исполнилось восемнадцати. Тогда на кухне у Ритки состоялся семейный совет, в состав которого входили Тина, ее родители и Ритка с мамой.

Ритка открыла «заседание» категоричным заявлением:

– Ребенок ни в чем не виноват! Я не согласна ни на какие преждевременные роды! Он замечательный и только мой!

– Ну, слава богу! – выразила общее мнение мама Тины. – А мы всем скопом собрались уговаривать тебя рожать!

– Правда? – спросила Ритка и расплакалась.

– Конечно правда! – сказала ее мама и прижала дочь к себе.

– Риточка! – вступил папа Тины. – Мы посоветались и решили, что тебе ни в коем случае нельзя бросать учебу! Мы с ребеночком справимся, все вместе, а ты учись!

После папиного выступления открылись «шлюзы», и все присутствующие долго с удовольствием и облегчением рыдали.

Ритка родила замечательно здорового – четыре двести! – сына.

Дениска получился эдаким сыном полка.

Его перекидывали из семьи в семью. Отводили и забирали из яслей по очереди – тот, кто был свободен. Родители работали, девчонки учились. Тина с Ритой бегали в детскую кухню и по врачам, которые так и не смогли понять, кто же из девушек мама. Таскали его с собой на экзамены, когда некому было с ним сидеть, перекидывая его из рук в руки, как мячик.

Когда Дениска стал говорить, то никогда не называл Риту мамой, а Тину тетей, для него они были Тина и Рита. Да и как он мог называть их по-другому, если, читая ему сказки, они сами умирали со смеху, а играя в мяч, заводились и устраивали соревнования друг с другом под его веселый хохот, и так далее и так далее.

Ритка закончила с отличием университет. На последнем курсе она участвовала в каких-то конкурсах, один из которых проходил в Москве и на котором она завоевала первое место. Призом в этом конкурсе была работа стажером, по окончании учебы, в крупной и довольно известной московской фирме.

Ритка решила не ехать – ее мама сильно болела, получила

инвалидность, ходила с трудом, да и Дениске всего четыре годика – какая Москва при таком раскладе?! Об этом решении она и сообщила на очередном семейном совете. Но Вероника Андреевна, Риткина мама, категорически отвергла такую жертву:

– Маргарита! Ты обязана ехать! Если ты останешься со мной, упустишь шанс чего-то добиться в жизни и для себя, и для сына. Ты не имеешь права потратить лучшие годы жизни на уход за больным человеком. Да мне это и не надо – ну не при смерти же я! И с Дениской мы справляемся. Езжай, а когда начнешь зарабатывать, нам всем станет полегче. Здесь ты никакой карьеры не сделаешь. Такой шанс дается один раз.

И Ритка поехала.

Прорыдав все время до отъезда и зацеловывая без остановки Дениску, как будто расставалась с ним на всю жизнь. Дениска ее успокаивал:

– Рита, не плачь, я же с Тиной останусь. Чего ты?

Тина устроилась работать в фирму, занимающуюся компьютерами, и забрала Дениску к себе.

Через полгода она поехала навестить подругу в Москве, а заодно в командировку – договариваться о закупках деталей и программного продукта.

Ритка снимала комнату в самой дешевой коммуналке. Когда Тина пришла к ней и увидела, как она живет, у нее волосы встали дыбом! Вечно пьяные соседи-алкоголики, которые два дня из трех пили до утра и устраивали разборки друг с другом с элементами тяжелого рукоприкладства. Тараканы, непролазная грязь. Копеек, которые получала Ритка на своей работе стажера, хватало только на это жилье и самые дешевые макароны с маргарином.

Тина подписала необходимые договоры, нашла более приличную комнату с замечательной соседкой – интеллигентной бабушкой, перевезла туда Ритку и уехала. А через неделю вернулась вместе с Дениской и стала работать сразу на трех работах: курьером в той фирме, с которой заключала договор, уборщицей там же и ночной уборщицей в садике, куда они устроили Дениску, – иначе его никак не брали.

И началась их московская эпопея втроем.

На выживание!

Они вгрызались в эту жизнь, не позволяя себе расслабляться, не позволяя ныть и малодушных попыток сбежать назад, домой, от холода, голода, неустроенности, нищеты и житейской несправедливости.

Как-то раз, придя в одну из фирм в качестве курьера, Тина посмотрела

на людей, работающих там, уловила атмосферу, запах нового дела, интересной работы и напрямиком прошла в кабинет к директору, с порога сообщив:

– Я хочу у вас работать. У меня есть красный диплом и желание чего-то достичь в этой жизни. И мне очень понравился ваш коллектив.

Сергей Владимирович Коротов, оторвавшись от бумаг, которые изучал, и оторопев от такой наглости, присмотрелся к ней и сказал:

– Хорошо! Но мне нужен еще и бухгалтер. Сможете совместить?

– Да!

– Приступаете завтра, в качестве младшего менеджера, и завтра же поступите на курсы бухгалтеров.

Так она стала менеджером... и еще немного курьером и уборщицей.

Тина отметила это дело с Риткой, позволив себе первый раз за все время, прожитое в Москве, купить чекушку дешевой водки и незамысловатую закусочку под нее.

– Девчонки! Вы такие умницы, – сказал им Дениска, застав дамочек за праздничным распитием, вернувшись после просмотра мультика у соседки.

– А это откуда, Денис? – спросила Ритка.

– Так говорит баба Люда!

Бабой Людой он называл их чудную соседку по коммуналке, которая души не чаяла в мальчике и часто помогала – то Дениса из садика забрать, то отвезти или просто присмотреть, когда они были на работе.

Ритка приходила со своей сверхурочной работы часов в десять вечера и заставляла Тину с Денисом сидящими на кровати, укрывшись с головами одеялом, и рассказывающими друг другу страшилки. Она скидывала обувь и залезала к ним третьей. Тина приходила со своих курсов так же поздно и заставляла Ритку с Денисом раскрашивающими масляными красками апельсины, подаренные Ритке клиентом для ребенка, – для красоты, как объяснял Денис. Она снимала обувь, закидывала портфель подальше, брала кисточку и присоединялась к ним.

Закончив курсы и немного разобравшись в бухгалтерии, Тина попросила разрешения у начальника подрабатывать – делать балансы для маленькой фирмы. Это было большое подспорье, так необходимое ей. Он разрешил, но предупредил:

– Если увижу, что это вредит основной работе, выгоню к чертовой матери!

– Конечно! – обрадовалась Тина.

– Игнатова! Ты что, двуязыльная? Ты же загнешься!

– Я точно знаю, – уверенно заявила она, – что наша фирма скоро станет очень солидной, и надеюсь к тому времени занимать хорошую должность и получать такую же хорошую зарплату. А пока я и бухгалтерию лучше выучу, и деньги заработаю.

– Твои бы слова да богу в уши, – проворчал начальник.

Она уже выходила из кабинета, когда Коротов добавил:

– Тина, не надорвись. Лучше давай я тебе дам займы, потом отдашь.

– Нет, так не лучше. Мы сможем, мы с Риткой сильные, пока у нас получается без долгов.

И у них получалось!

Ритку повысили, она работала как каторжная. Тина от нее не отставала, и постепенно они начали вылезать из беспросветной, отупляющей нищеты, позволив себе наконец снять однокомнатную хрущевку.

Однажды, придя вечером домой после того как сдала в двух налоговых три баланса, отстояв безумные очереди, Тина накормила ужином Дениску и спросила:

– Слушай, у тебя есть чем сейчас заняться?

– Конечно, Тина! У меня книжка новая. А что?

– Мне надо поспать, а то я умру!

– Иди, спи, я тебе мешать не буду, – очень серьезно ответил Денис.

– Ты не можешь мне мешать, даже если будешь орать мне в ухо, – рассмеялась Тина его серьезности.

– Почему?

– Во-первых, потому, что я тебя люблю, а во-вторых, потому, что безумно устала.

Она заснула мгновенно, еще до того как коснулась головой подушки, и проснулась от непонятных звуков. Войдя в кухню, Тина застала следующую картину: Ритка, сидя за столом над тарелкой с пережаренной яичницей, навзрыд рыдала, а Дениска стоял рядом и успокаивающе гладил ее по плечу.

– Так! – громко спросила Тина. – У нас трагедия?

– Не-е-ет, – рыдала Ритка. – У нас большая радость!

– Почему рыдаем?

– Пре-едставляешь, я прихожу, а Дениска го-оворит, – захлебываясь слезами, рассказывала Ритка, – Тина спит, она о-очень устала, не-е будем ее будить, я сам тебе ужин приготовлю. И по-ожарил яичницу. Ты-ы, говорит, сиди, отдыхай!

– Рита, чего ты плачешь? – удивился Денис. – Я же у вас единственный

мужчина в доме, мне надо о вас заботиться! – И вызвал этой тирадой еще более бурный поток материнских слез.

Тина села за стол, притянула к себе Дениса, прижала, поцеловала в макушку и тоже зарыдала, составив подруге компанию.

Так они и жили!

Потом Ритка быстро и очень серьезно начала делать карьеру, обросла дорогими клиентами и поперла в гору.

А Тина встретила Алексея.

– Ну где тебя носит, мой друг прокурор? – прокричал из кухни вместо приветствия Гришка.

– Кто Гамлета зовет? – ответил ему в тон Артем, снимая обувь в прихожей.

Они часто так встречались у Артема в квартире, чтобы поужинать, как правило далеко за полночь, спокойно обсудить текущее дело, иногда и выпить по рюмке, если совсем как-то тяжело и умотались до предела. У Гришки так душевно посидеть было невозможно, разве что на третий день крутого запоя, когда все уже пофиг – жил он в однокомнатной квартире в Бутово и вел абсолютно холостяцкий быт – то есть имел полное его отсутствие.

Артем прошел на кухню и присвистнул, увидев накрытый стол:

– Какая лепота! Тут тебе и селедочка, и соленые огурчики, и... – Он поднял крышку стоящей на столе кастрюли и понюхал пар, вырвавшийся оттуда. – А-ах! Картошечка! И бутылочка, я смотрю! Беленькая, холодненькая!

– Дык, барин, как положено!

– С чего гуляем? Зарплату получил или штраф с кого взял за переход в непопознанном месте?

– Авансик сподобился в кассе получить-с.

– Прелестно! Ладно, пойду переоденусь.

Артем прошел в спальню, снял костюм, повесил его в шкаф, натянул на себя любимые, протертые до дыр джинсы, футболку без рукавов и пошел в ванную мыть руки.

– Драгоценная влага испаряется! – поторопил его Гришка.

– Бегу, бегу, – послушно отозвался Артем.

Они сели за стол, подняли наполненные рюмки, и Артем признался:

– Я сегодня уже изволил две мензурки откушать.

– Размялся, значит, – резюмировал Гришка. – Ну, тогда с новым делом вас, Артем Константинович!

– Нас, Гришаня, нас! – ответил Артем, они чокнулись и выпили.

Быстро закусив кусочком селедочки, Гришка стал наполнять тарелку едой, но Артем расслабиться товарищу не дал.

– Ну что, Григорий Павлович, выкладывай, что накопал, порадуй меня чем-нибудь, – потребовал Беркутов.

– Опросил сослуживцев подозреваемой, а также ее директора, – приступил к отчету Бывалый. – Фирма существует восемь лет, занимается поставками оборудования для столовых, ресторанов и производства общепита. Мадам Игнатова работает там семь лет, сейчас занимает должность заведующей отделом. Очень ценный работник: множество придуманных и реализованных идей, принесших фирме большие доходы. Спокойная, уравновешенная, ответственная. Коллектив ее обожает, правая рука директора. С директором на короткой ноге, но никакого интима – просто друзья и соратники. Две недели назад рассталась с гражданским мужем – Алексеем Ивановичем Потаповым, в связи с чем взяла внеплановый отпуск, чтобы, как говорит ее начальник, подумать. Она всегда так делает, если надо решить какую-то трудную проблему или придумать что-то – запирается в одиночестве и размышляет, а потом выдает очередную гениальную идею. Причина расставания Игнатовой с мужем никому не известна, кроме начальника, но он отказался это обсуждать, предложив спросить у нее самой.

– Пятнадцать дней назад Валентина Игоревна, внезапно приехав днем домой, застучала мужа в кровати со своей подругой, – сообщил Артем.

– О как!

– Да, собрала его вещи и выставила из дома.

– Квартира ее?

– Ее родителей.

– Не она это, Артемушка, – тяжело вздохнув, расстроено покачал головой Гришка, – я чувствую! Если бы она задумала его убить или пугануть, она бы кого-нибудь наняла и обдумала бы все до мелочей, да так, что и запаха ее близко не витало бы. За семь лет работы на ее идеях фирма обогатилась – она очень умная, схемы такие придумывала, ого-го! Уж шарфик свой точно не надела бы и курить там не стала. Это точно не она. Зачем уравновешенной, здравомыслящей женщине стрелять, да еще самой, в бывшего мужа? Есть, конечно, одна причина.

– Деньги? – усмехнулся Беркутов.

– Ну а куда ж без них! – вздохнул тягостно Гришка. – Если бы он погиб, его доля в фирме перешла бы ей. Для этого необходимо только зафиксировать в суде факт совместного проживания. Кстати, ее ближайшая

подруга очень серьезный юрист по гражданским делам, так что Игнатовой даже в суде не надо было бы появляться, за нее бы все сделали. Часом, не с той подругой был застукан муж?

– Нет, с другой дамочкой.

– Деньги там довольно большие, – продолжил рассуждать Гришка. – У фирмы ее мужа миллионные обороты. Завтра Лидусю отправлю покопаться в их финансовых документах, она точно скажет, сколько Игнатовой обломилось бы.

Лидуся, а точнее Лидия Горева, была капитаном милиции и работала в бригаде у Гришки. Владела боевыми искусствами и стреляла с завязанными глазами в десятку. Но это были не все ее таланты. Она имела особый нюх на цифры. Могла вытащить нужную информацию из самой запутанной документации. Много раз ее переманивали к себе налоговики, но Лида оставалась беззаветно предана своим ребятам и Петровке.

– Ради денег даже самая уравновешенная дама может рискнуть, – сказал Гришка.

– Покопать, конечно, надо и разобраться, что у них там творится на фирме. А что с версией о нашем «любимом» госчиновнике?

– Работаем. Твой Генеральный дал добро на «разговор» с господином. Завтра в двенадцать дня договорились встретиться. Предварительная беседа по телефону ничего не дала – никто не угрожал, никаких наездов и требований. Странное какое-то покушение, нелогичное.

– Гриня, нам срочно нужна рабочая версия, – вздохнул тяжело теперь и Беркутов и пояснил: – У Игнатовой Валентины Игоревны стопудовое алиби. В это время, с часу дня и до без двадцати два, у нее в гостях находился участковый и откушивал ее божественные щи!

– Так! – недовольно хмыкнул Гришка. – Так, – повторил он и сообразил: – Постой, а откуда ты знаешь, что «божественные»?

– Отпробовал! – расплылся довольной улыбкой Артем.

– Что, берем взятки у подозреваемых?

– К тому времени она была уже не совсем подозреваемая. С участковым я, кстати, побеседовал, он все подтвердил. Ну, Гриня, и что мы имеем?

– Хрен мы имеем! Кто-то специально наводит нас на Игнатову. Он уверен, что у нее нет алиби, зато есть мотив, даже два – деньги и измена мужа. Либо это все-таки по линии госчиновника – маскировка замечательная в данном случае. Мы бы Игнатову уже сегодня арестовали, и все! Есть раскрытое дело! Либо покушение связано с Потаповым и кому-то очень надо его напугать, а не убрать. И этот кто-то Игнатову хорошо

знает или специально узнавал ее привычки, чтобы подставить ее следствию. Я же говорю – не дело, а полная жопа!

– Ладно, Гриня, прорвемся, не впервой. Давай пройдемся по основным этапам на завтра.

– Сначала мне надо принять от таких известий! – сказал Бывалый, разливая водку по рюмочкам. – Как, кстати, дамочка?

Они выпили, закусили, и Артем поделился своим впечатлением:

– Как ты и сказал: спокойная, рассудительная, умеет сдерживать эмоции – все это выработано годами: в детстве была толстенькой и, видимо, доставалось ей от сверстников по полной программе, вот и научилась скрывать чувства. Тридцать лет, семь из них живет в Москве. Очень интересная женщина!

– Ну-ну! – язвительно заметил Гришка. – Напоминаю: она проходит по делу о покушении на убийство!

– Да знаю я! – с досадой ответил Артем. – Что ты нервничаешь?

– Это я нервничаю?! – возмутился Гриша. – Это по твоей роже видно, что ты на дамочку запал. Я тебя первый раз таким вижу, а знакомы мы, заметь, очень давно. Эй, «важняк», напоминаю: дама – основная подозреваемая по делу!

– Ладно! – оборвал его Артем. – Что мы имеем?

– Мы имеем два направления: Потапов и госчиновник. Будем копать, – сказал Григорий и поднял рюмку.

– Будем копать, – ответил Артем и, поддержав товарища, тоже поднял рюмку.

– Тина! – закричал с порога Дениска и кинулся ей на шею. – Что ты пропала так надолго?

– Дениска, солнышко, я так рада тебя видеть! Дай я тебя расцелую!

– Только без лишнего усю-сю! – сразу стал вырываться он из Тининых объятий.

– Тинка! Говори немедленно, что случилось! – потребовала входящая следом за сыном Ритка.

– Вы с ночевкой?

– Ну конечно!

– Тогда мы пойдем на кухню, а Деничка найдет чем заняться.

– Мне же проще, – пожал плечами пацан, – я пошел за компьютер: вы меня не трогаете, я вас! Все довольны! Я с собой и игры свои взял. Идите, сплетничайте.

– Ну не сын у нас, а золото! – рассмеялась Ритка и поцеловала его

в лоб.

Дениска отправился играть, а Ритка с Тиной устроились на кухне.

– Ты что, до сих пор переживаешь из-за того, что выгнала Лешу? – спросила Ритка, усаживаясь за стол и доставая из сумки телефон и сигареты. Со своим сотовым телефоном она не расставалась никогда, даже на ночь клала его возле себя.

– Переживаю, но не потому, что его выгнала. Все думаю: почему я раньше с ним не рассталась. Знаешь, у меня такое чувство, как будто я тяжесть непомерную с себя скинула.

– Слава богу! Проняло наконец! А то я уже бояться стала, что ты с ним всю жизнь проживешь! – возрадовалась подруга.

– Ладно, Ритуль, я знаю, что ты Алексея недолюбливаешь. Я с этим в себе уже разобралась. Правда, с Людмилиным участием никак еще не примирилась, хотя мне ей спасибо надо бы говорить, что помогла все по местам расставить. Она сегодня приходила, пыталась что-то объяснить, но я еще не готова с ней разговаривать, мне время требуется, чтобы ее понять.

– Нет, ну какова?! Она еще и приперлась грехи замаливать! – возмутилась Ритка.

– Да перестань ты! Банальная ситуация, я где-то читала, что процентов семьдесят измен происходит с близкими родственниками и друзьями семьи. Просто пока это не касается тебя лично, ты не можешь прочувствовать всей глубины переживаний, и нам всем кажется, что с нами подобное никогда не произойдет!

– Это точно! Уж я-то знаю, через меня такие семейные разборки проходят только держись! «Санта-Барбара» отдыхает!

– Знаешь, – усмехнулась Тина, – я, когда вспоминаю то, что увидела, умираю со смеху. Представь: он такой толстенький, пузатенький, под ним даже Людку не видно было, скачет на ней, матерится. Прямо по Жванецкому – «в раздетом виде был широк, в одетом скуповат!».

И они расхохотались, громко, от души, так, что выступили слезы, сгибаясь пополам от приступов смеха. На хохот прибежал Дениска.

– Вы чего? – заражаясь их весельем, спросил он.

– Ничего. Веселимся! – ответила Ритка.

– Вот и правильно! Надо радоваться, что от этого придурка отделались!

– Слушай, что ребенок говорит! – продолжая смеяться, сказала Ритка Тине.

– Дениска, – удивилась Тина, – ты же никогда его не критиковал.

– Мне Рита не разрешала, говорила, что муж и жена должны разобрататься сами, на них нельзя давить мнением со стороны.

Между Денисом и Алексеем сразу установились холодные отношения. Лешка не понимал, почему Тина носится с Денисом, как с родным сыном, а тот называет Тину и Риту по именам, почему на него нельзя кричать и указывать, как и что правильно делать? Он же просто ребенок, его надо воспитывать! «И вообще, ты же ему не мать, чтобы с ним так возиться, и тем более не ровесница, чтобы с ним разговаривать, вместо того чтобы дать подзатыльник, когда он не прав?!»

Дениска раздражал Алексея, но Тина один раз и навсегда расставила все по местам, объяснив Лешке, что так было, есть и будет всегда. И либо Алексей принимает все как есть, либо жить вместе они не будут. Этот разговор произошел в самом начале их отношений, и он смирился, но своего отношения к Денису не изменил, правда, старался его не демонстрировать так уж откровенно.

– Деничка, – спросила Тина, – ты есть хочешь? Я щи сварила.

– Щи? Клево! – восхитился Денис. – Только мы с Ритой поужинали. Я попозже, ладно?

– Я буду! – заявила Ритка. – Даже если лопну!

– Я пошел играть дальше, – махнул им рукой Дениска и умчался.

Тина стала хлопотать, который уж раз за день накрывая на стол.

– Выпить не хочешь? – спросила она у Риты.

– А что, есть повод?

– Есть, но странный. Я предлагаю скорее для поддержания духа.

– Игнатова! – повышая голос, спросила Ритка. – Что случилось-то?!

Ты меня в гроб загонишь своим молчанием!

– Ритуль, давай сядем уже спокойно за стол, и я все расскажу.

– Давай!

Ритка поднялась и стала помогать Тине накрывать на стол, чтобы не отвлекаться от разговора, а сесть, как она говорила в таких случаях, «почеловечески, а не скакать каждые пять минут».

Наконец они устроились за столом, все-таки выпили по рюмке, Ритке потребовалось для «нервов» от таких новостей, закусили, и Тина, собравшись с духом и мыслями, выложила сразу все новости.

Зная Ритку, она рассказывала подробно, стараясь не упускать ни одной детали. Во всем, что касалось работы или трудных жизненных ситуаций, Ритка проявляла редкую дотошность и скрупулезность. И любила повторять: «Из самых мелких деталей складывается полная картина, и все, казалось бы, незначительные вещи и являются самыми главными в деле.

Говорят же, суть кроется в деталях».

Ритка была замечательным, талантливым юристом и именно благодаря своему вниманию к этим самым мелочам умела безошибочно ориентироваться в трудных делах. Эта ее черта характера, невероятное трудолюбие и светлая голова помогли ей делать столь успешную, быструю карьеру.

– Ну хорошо, – заканчивая рассказ, недоумевала Тина, – то, что стрелявший специально указывал на меня, это понятно. Мне непонятно, какие, по его мнению, у меня могут быть мотивы, чтобы уконтропупить Лешку?

– Тина, – строго сказала Рита, – у тебя целая куча мотивов. Целых два очень весомых мотива: деньги и измена мужа!

– Рита, ты о чем? Какие деньги? Это же смешно! И с чего мне так убиваться от его измены, если, честно говоря, это был для меня прекрасный повод с ним расстаться?

– Это знаем мы, а для милиции это мотив! Еще какой мотив! – принялась разьяснять она. – А деньги... В случае Лешкиной смерти ты его единственная наследница как жена, пусть и гражданская. Никаких других родственников у него нет, насколько нам известно. Тебе только надо через суд доказать факт вашего совместного ведения хозяйства и жизни в течение пяти лет. А сейчас так вообще проще – выписка из уголовного дела за подписью прокурора о том, что этот факт установлен следствием и есть официальные свидетельства о вашем совместном проживании, – ты ее представляешь в суд, и все! Его партнеры и все сотрудники Лешкиной фирмы в один голос убедительно и неоспоримо заявят о вашем семейном статусе и совместном быте. Его мужики тебя так вообще обожают! И все, понимаешь? Лешкины активы: движимость, недвижимость, в том числе и его доля в фирме, переходят к тебе! А его партнерам это просто подарок, они же понимают, что в таком случае ты бросишь свою работу и займешься их делами. Ты крутая и очень умная, уж это они точно знают, значит, от твоего участия только выиграют. Поэтому и не станут препятствовать передаче его доли тебе, а ровно наоборот. Вот и выходит, что тебе Лешкина смерть выгодна и твое покушение на него логично – он от тебя ушел, и ты, боясь потерять деньги, стала действовать!

Рита говорила жестко, спокойно. Она старалась не пугать Тину, а обдумывала ситуацию, рассуждая отстраненно и холодно, как профессионал.

– Ритка... – у Тины округлились глаза от испуга, – я об этом не подумала, а ведь точно! Это еще какой мотив! Вот черт! Что же теперь

с этим делать?

– Тебе невероятно повезло, – потрясла ладонями в утверждающем жесте Ритка. – Просто какое-то чудо, что именно сегодня у тебя был участковый и именно в нужное время! Это для нас огромная помощь!

– Вот и Беркутов так говорит!

Тина улыбнулась, вспомнив его.

Она вспомнила его сильные, большие руки, обаятельную улыбку, как он произнес: «Взятка должностному лицу?» – и в глазах у него вспыхнули смешинки. Вспомнила его так четко, так подробно, как будто увидела перед собой. Эти воспоминания успокоили ее, невероятно удивив всплеском сильных эмоций и чувств.

– Кстати, – добавила Ритка, – надо узнать, что это за птица такая, твой Беркутов. Я что-то слышала о нем, но не помню.

Рита взяла телефон, пролистала в нем записную книжку и набрала номер. Она выглядела такой деловой, сосредоточенной, что Тина улыбнулась, глядя на подругу, – маленькая, миниатюрная Ритка была самым большим ее защитником и никому не даст ее в обиду!

Какое счастье, что у нее есть Ритка и Дениска!

– Артур! – поздоровалась Ритка, когда ей ответили. – Здравствуй, дорогой! Извини, что поздно, но мне нужна твоя консультация. Скажи, ты знаешь Артема Константиновича Беркутова, следователя Генпрокуратуры?

Рита слушала, что рассказывает ей коллега, а Тина смотрела на нее и, как обычно, когда видела подругу в работе, поражалась. В обыденной жизни Ритка была веселой, легкой, вечно придумывала какие-то розыгрыши и втягивала в них окружающих. Постоянно теряла ключи, перчатки, зонтики, умудрялась забыть обед на плите и мчалась через всю Москву, чтобы его выключить. Могла, ничего не объясняя, посадить Тину с Дениской в машину и увезти за город – смотреть на закат, или придумать неожиданный пикник – «просто так, от хорошего настроения!». Она была как сгусток веселой, неуправляемой энергии. Но если Ритка занималась делом или нужно было разрешить серьезную жизненную ситуацию, она совершенно преображалась, становясь сосредоточенной, деловой, внимательной. Она менялась даже внешне – нос и скулы заострялись, взгляд становился строгим, пронизательным, делая ее старше. В ней уживались две Риты, идеально дополняя друг друга. Наблюдая подругу за работой, Тина понимала, почему люди доверяют ей как юристу безоговорочно.

– Да! – сказала Рита собеседнику. – Спасибо тебе большое. Конечно,

если что, я сразу к тебе обращусь! Пока!

Ритка заметно повеселела и, бросив трубку на стол, сверкнув глазами от интереса и интриги, принялась рассказывать:

– Твой Беркутов личность весьма известная, можно сказать, героическая! Я вспомнила, что о нем слышала, и Артур сейчас многое рассказал. Он следователь по особо важным делам – «важняк» на их сленге. Слышала?

– А что, должна?

– Темная ты, Тинка, сериалы не смотришь. Ну, про Турецкого в исполнении Домогарова слышала?

– Да, даже видела пару серий.

– Ну вот! Он как раз такого Беркутова и играет. Правда, не все так лихо, как в кино, а гораздо прозаичнее и страшнее.

– На Домогарова он не похож, – улыбнулась Тина.

– А на кого похож? – тут же живенько поинтересовалась Ритка.

– На Терминатора, – ответила Тина, рассмеявшись.

– А он такой и есть! Этот Беркутов один из самых лучших, если не самый лучший. Взятки не берет, зато брал очень многих серьезных «клиентов». Он раскрывал безнадежные дела и вычислял такие комбинации, в которых путались сами преступники. Несколько раз вел дела, которые выводили на очень высоких «мальчиков».

– И что? – Тине было ужасно интересно узнать о нем как можно больше.

– Ничего. Дела пытались прикрыть, но он доводил до конца, приходил к Генеральному, выкладывал на стол доказательства и объяснял, что уже сообщил подробности в средства массовой информации.

– Попадало ему?

– А что это ты так заинтересовалась? – очнулась от делового тона Ритка. – Ты что, на него запала?!

– Не знаю. Он мне понравился, я как-то с ним рядом успокоилась сразу. А как только он ушел, перепугалась и кинулась тебе звонить.

– Тина, ты меня настораживаешь! Он, конечно, мужчина – орел, точнее беркут, но ты себе представляешь, какая у него жизнь?

– Ты о чем? – пришла в себя Тина. – Я же ни любиться, ни жениться с ним не собираюсь!

– Тина, ау! «Але, гараж!» – помахала перед ее лицом ладонью Ритка. – Это я, твоя подруга Рита! Я тебя как себя знаю и еще ни разу за всю жизнь не слышала, чтобы ты так о мужике говорила!

– Ритка, не дави! И вообще, о чем ты? Я его один раз в жизни видела,

и то он меня допрашивал!

– Поверь мне, этого бывает вполне достаточно!

– Не о чем говорить, Рита!

– Есть о чем! – Ритка разволновалась. – Тина, когда ты о Беркутове сейчас говорила, у тебя даже глаза загорелись! Ты с этим Лешкой дурацким жила, потому что цены себе не знаешь – вбила в голову, что неинтересная женщина, и носишься со своим комплексом, как с тухлым яйцом в кармане. Я тебя со сколькими мужиками знакомила – холостыми, богатыми, а ты ни на кого не реагировала – все Леше долги отдавала за «великую честь», что он тебе, дурнушке оказал! Ты даже не обращала внимания, как они все на тебя стойку делали! Идиотка! Ты же умница, красавица, талантище! Да! И не спорь со мной! Красавица! И нечего рожу кривить! Детство давно за горой, а ты все не очнешься! Слава богу, от козла твоего отделались!

Ритка покраснелась, махала рукой, заведясь праведным возмущением.

– Ритуль, ты чего разошлась? – удивилась Тина.

– Я все время, что ты с ним жила, молчала, теперь могу и сказать! – пояснила с напором она. – Небось в больницу к нему побежишь?

– Нет, ему шарф предьявили для опознания, он, наверное, думает, что это я в него стреляла, от большой любви. Вдруг, увидев меня, перепугается и концы отдаст?

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, уходя от щекотливой темы и снимая напряжение.

Их веселье прервал телефонный звонок. Тина встала и сняла трубку с аппарата, который висел на стене, возле стола.

– Да, слушаю!

До нее донеслось приглушенное ругательство, и, не разобрав, что говорят, Тина повторила:

– Да, говорите!

В трубке было слышно только чье-то дыхание.

У Тины побежали мурашки по коже – она всем телом вдруг почувствовала, как через ухо, прижатое к трубке, в нее переливается чья-то жгучая ненависть!

Чувство этого человека было таким явным и такой мощной направленной на нее силы, что Тина, прикрыв глаза, ощутила, как нечто черное, липкое проникает в ее сознание, вызывая безудержный страх... и поняла – ничего не кончилось, этот человек ни перед чем не остановится и объектом этой ненависти является не Лешка, а именно она!

Тина бросила трубку, не выдержав напора этой черноты!

– Тина! Что случилось?! – закричала Ритка и вскочила, уронив стул. –

Очнись! Что-то страшное? Ты вся побелела!

Рита бросилась к ней, обняла и тут же отстранилась, всматриваясь в ее лицо.

– Рита, это звонил тот, кто стрелял, я точно знаю, – безжизненным голосом ответила Тина.

– Что он сказал?! – потребовала ответа Ритка.

– Ничего, сначала выругался матом, тихо так, еле слышно, и замолчал, только дышал.

– Мужчина, женщина?

– Непонятно.

– Так почему ты решила, что это он?! Может, номером ошиблись? – Рита успокаивающе гладила Тину по спине.

– Он меня так сильно ненавидит, что я это почувствовала! Представляешь? – посмотрела она ей в глаза, ища поддержки и понимания, и повторила почти шепотом: – Так сильно.

Рита тоже внимательно смотрела подруге в глаза и в этот момент, когда она говорила, поняла, что Тина не ошиблась! Она почувствовала, как подруга дрожит, и будто бы тоже ощутила всплеск этой чужой ненависти.

Ритка испугалась! Всерьез! Потребовала:

– Тина, звони Беркутову!

– Нет, – приходя в себя и изгоняя из тела чужую черноту, ответила Тина. – Что я ему скажу: мне звонили и дышали в трубку?

Рита, неосознанно поглаживая подругу по спине, прижав ее посильнее к себе, пыталась обдумать ситуацию.

– Может, тебе уехать к родителям?

– Нет, Рита, это не выход. – И Тина уцепилась двумя руками за Ритину руку. – Если это все направлено на меня, а не на Лешку или того дядьку чиновничьего, то мой отъезд ничего не решит: когда я вернусь, все продолжится. А вот вам с Денисом надо уехать. Вы самое дорогое, что у меня есть, эта ненависть может зацепить и вас.

– Нет, мы никуда не уедем, ты тогда совсем одна останешься! – категорически отвергла такую возможность Ритка и твердо пообещала: – Мы что-нибудь придумаем!

Она расцеловала Тину в обе щеки, вздохнула громко и вернулась на свое место.

– Давай выпьем, что ли, от нервов! – предложила деловым тоном она и потребовала: – Игнатова, достань ты нормальные рюмки, из этого же пить невозможно – по три капли!

Тина поставила на стол другие стопки, побольше, Ритка разлила в них водку, и они выпили молча и без тостов. От стресса.

– Тебе надо быть среди людей! Завтра же выходи на работу! – заявила строго Ритка.

– Точно! Завтра и пойду!

– Наверное, нам с Денисом стоит переехать к тебе, на время.

– Нет, – решительно отвергла предложение Тина. – Вы можете попасть под раздачу, у нас ребенок, его надо держать от всего этого подальше. Я справлюсь сама!

– Может, тебе тогда где-нибудь в другом месте пожить? У Сергея или у кого-нибудь из коллег?

– Нет, нельзя никого в это втягивать, они могут пострадать из-за меня!

– Тина, этот человек стреляет! Он пытался убить Лешку! – вразумляла подруга.

– Тем более нельзя, чтобы кто-то еще пострадал!

– Может, тебе у твоего Беркутова пожить? – вдруг ошарашила предложением Маргарита.

– Как ты себе это представляешь? – рассмеялась Тина. – «Я к вам пришел навеки поселиться!», вернее, пришла? К тому же он вполне может быть женат, да и вообще, что мы обсуждаем!

– Да, «навечно» некрасиво как-то получается, – поддержала ее Рита и отмахнулась, сообщив рассеянно: – Артур сказал, что он не женат. И все-таки, – посмотрела она на Тину и задала самый главный вопрос: – Кто может и, главное, за что тебя так ненавидеть?

– Не знаю! Даже не могу предположить. До этого звонка я думала, что кто-то уводит следствие в сторону, пытаюсь все свалить на меня. А теперь точно знаю: этот человек преследует именно меня!

– Не паникуй! – Ритка все-таки была профессионалом и пыталась искать выходы из ситуации. – Давай подумаем, кто это может быть!

Они просидели до утра, обсуждая варианты и пытаясь понять, кто мог с такой жгучей ненавистью преследовать Тину и, главное, иметь возможность подставлять. Они вспоминали всю свою жизнь, людей, прошедших через нее, поступки и дела Тины, события.

В двенадцать на кухню пришел Денис и спросил, где ему ложиться спать. Отправив его в ванную умываться, Ритка перестелила белье в спальне, на кровати, понимая, что Тина не хочет туда лишний раз заходить. Они уложили Дениску, поцеловали его на ночь и вернулись в кухню, продолжить разговор.

Уже под утро, так и не придя ни к какому выводу и не найдя ни одной

кандидатуры на роль мстителя, совершенно разбитые от бессилия перед чьей-то чужой волей, они отправились спать.

Тина устроилась на диване, укрылась с головой одеялом. На самой грани, отделяющей сон от реальности, она увидела перед собой следователя Беркутова, и что-то теплое и спокойное разлилось у нее в груди, словно убаюкивая и обещая, что все будет хорошо. Она улыбнулась и так и заснула – с улыбкой на губах.

Человек бросил трубку на аппарат и громко выматерился.

«Как она смогла выкрутиться?! Она должна сейчас сидеть в КПЗ, а не у себя на кухне!! Все так хорошо продумано, в чем прокол?!»

Человек схватил тарелку, со всей силы швырнул ее в стену и стукнул кулаком по столу, не зная, куда выплеснуть кипевшую в нем бессильную злобу.

– Спокойно! Я что-нибудь придумаю, обязательно! Это только начало! Ты у меня легким испугом не отделаешься! – пообещал он.

И начал быстро ходить из угла в угол, пытаясь взять себя в руки.

«Надо гнуть эту линию. Если ее не посадили, значит, у нее есть алиби. Но как? Она же целыми днями дома одна сидит! Не важно как! Значит, менты думают, что ее специально подставляют. Надо разыграть все так, чтобы они убедились, что это она заказала мужа, а все улики и свое алиби состряпала для отвода глаз! Правильно! Перевернуть все наоборот!»

Человек расслабился, улыбнулся и щелкнул пальцами от удовольствия.

«Это даже интересно! Я обязательно придумаю, как все устроить. Так даже лучше!»

Артем, уставший от целого дня беготни, пробок, разговоров, голодный как волк и не менее злой, чем этот хищник, держа в руках коробку с бутербродами и банку с кофе, ввалился в кабинет к Гришке.

Вся команда Григория Павловича, с ним во главе, находилась в сборе.

– И как старому дяде Артему прокормить такую ораву ищущих истину людей? – ворчал он. – Лидуся, прими пищу телесную!

Лидия забрала у него коробку и банку кофе. Артем плюхнулся на небольшой диванчик, стоявший в углу, и вытянул ноги.

– Ну что, господа сыщики, приступим к совещанию? – предложил Гришка.

В кабинете находились его «орелики», как он их называл, всем составом. Старшей по званию, после Гришки, была Лидия Горева – капитан, затем шел старлей – Алексей Скрябин, и самый младший –

лейтенант Саша Конев, прозванный среди своих Горбунок.

Когда он только пришел работать в команду, Лидия взвалила на него кучу работы и молодой летеха возмутился:

– Что я, верблюд, столько сделать?

– До верблюда ты еще не дорос, – ответила Лидия. – Даже до коня недотянул. Пока ты просто конек-горбунок!

Так и привязалась к нему эта кличка, хотя он уже давно показал себя замечательным оперативником и обижался первое время на «Горбунка». Гришка его успокаивал:

– Ну ладно, вот станешь старлеем, мы тебя «конем» будем звать!

Алеша Скрябин был тихим и спокойным, лишних слов не говорил, но, если чувствовал, что идет по правильному следу, вцеплялся намертво и с упорством бульдога раскручивал дело.

– Давай, Лидуся, начнем с тебя, – предложил Гриша.

Лида уже успела выложить бутерброды, выставить на письменный стол начальника чашки, сахар, включить электрический чайник. Дальше, по принятой традиции, начиналось самообслуживание.

Она открыла свои записи, просмотрела их и приступила к изложению:

– Ну что, господа, «не все спокойно в Датском королевстве»! Девять месяцев назад Алексей Иванович Потапов, наш пострадавший, передал часть своей доли, точнее двадцать процентов от нее, что составляет приблизительно четыре миллиона долларов в активах, то есть не в наличных деньгах, своему партнеру – Юрию Львовичу Ревину. Соглашение сие было заверено нотариусом и до сведения третьего партнера, а также бухгалтера и коллектива не доведено!

– Уже интересно! – сказал Гришка.

– Это только начало! – успокоила его Лида. – В течение этих девяти месяцев были переданы проценты и, соответственно, доля участия в предприятии, еще дважды, каждый раз по двадцать процентов от его оставшихся денег. Причем последний договор об этом был подписан за день до того, как Алексея выгнала жена.

– Лидуся, – обратился к ней нежно Гришка, – поясни для нас, дураков, что мы имеем в конечных цифрах.

– А в цифрах мы имеем, что Юрий Львович Ревин на данный момент является хозяином предприятия и имеет основной, решающий голос, так как у него чуть больше пятидесяти процентов участия, что составляет около тридцати одного миллиона зеленых. А его «друг» и соратник Алексей Иванович Потапов имеет, соответственно, шестнадцать с половиной процентов, что составляет чуть больше девяти миллионов.

– Здорово! И на чем он его поймал? – спросил Артем. – Я в тебе не сомневаюсь: ты, конечно, узнала.

– Я его, легонечко так, приперла к стенке и объяснила, что если он не расскажет чистосердечно, естественно, то я его арестую как основного подозреваемого. Он немного потрепыхался в моих нежных объятиях, потребовал своих юристов, но все-таки сдался и со слезами на глазах поведал банальную историю.

– Лида! – вмешался Григорий. – Опять незаконные действия!

– Так на благое ж дело, Григорий Павлович, – покаянно, тоном провинившейся школьницы ответила Лида.

– Я вам дам «на благое дело»! – так, для порядку, шумнул Гришка, погрозив пальчиком. – Давай, излагай дальше!

– Как он говорит, произошло все случайно. Врет! Он все хорошо и давно рассчитал. И намешано здесь всего – и ревность, и жадность. Началось все с того, что Ревин влюбился в жену Алексея, Игнатову Валентину Игоревну, откровенно не понимая, что она нашла в Потапове. Несколько раз он к ней подъезжал, но она все переводила в шутку и старалась общаться с ним как можно меньше. Однажды на даче у Батурлина, их третьего партнера, мужики все сильно напились, и жены уложили их спать, всех, кроме Ревина. Господин Ревин застукал мадам Игнатову в одиночестве, убирающую посуду в беседке, где происходило застолье, и стал страстно признаваться ей в любви. Когда признания не возымели результата, он попытался ее там же завалить. На сей раз госпожа Игнатова не стала переводить все в шутку, а просто саданула ухажера коленом в весьма чувствительное место и оставила «отдыхать» там же, где его настигло «большое чувство». Данный инцидент не охладил чувств Ревина, а только укрепил в мысли ее добиться, а заодно развестись с нелюбимой женой. И он решил подмять под себя все предприятие. Батурлин был ему не по зубам, и Юрий Львович взялся за Потапова, которого считал единственным препятствием к руке Валентины Игоревны. Ревин знал все слабости приятеля еще с института. Когда он все просчитал и понял, что это просто, тут уж вступило чувство жадности и азарт. Девять месяцев назад он затащил Потапова в казино, якобы отметить удачную сделку. Проследив, чтобы тот хорошо напился, он подбил его играть в рулетку. Потапов вошел в раж и не мог остановиться. Он проиграл все деньги, которые у него были с собой, занял у Ревина и тоже проиграл, стал требовать еще. Тогда Ревин, как он говорит, чтобы остановить друга, предложил подписать договор на двадцать процентов. На самом деле он знал, что Потапова это не остановит. Как вы знаете, в крупных казино

всегда есть нотариус. Они подписали и заверили документ. Юрий Львович выдал Потапову пятьдесят тысяч зеленых и пустил играть дальше, а сам отбыл домой. На следующий день господин Потапов не помнил ничего, он болел еще два дня после такого разгула страстей. Ревину это было на руку, он даже напоминать не стал о долге.

– Как я понимаю, Ревин проделал этот трюк еще дважды? – спросил Артем.

Он удивлялся своей реакции на рассказ о том, как этот Ревин приставал к Тине.

«Да что такое?! Чего я завелся? И сейчас, и там, у нее на квартире! Совсем ты «поехал», Беркутов! А вот любовницу надо иметь, чтобы на фигуранток по делу так не реагировать! И сексом почаще заниматься!» Но данные рассуждения не остудили странной реакции на эту женщину, и Беркутов понял, что с трудом подавлял в себе желание хорошенько въехать в морду Ревину.

«Ладно, потом разберемся, что тебя так завело, а сейчас займись делом!»

– Совершенно верно! – продолжила Лида. – Но на этот раз он пошел дальше. Он нанял заранее проститутку, чтобы она увезла Потапова к себе на ночь, а еще оплатил скрытую съемку на видео всего происходящего. В этот раз Алексей Иванович помнил события прошлой ночи и потребовал аннулирования документа. Ревин обещал, но только после того, как Потапов расплатится с долгом, и предъявил ему расписки, которые всегда с него брал в казино. Мало того, цифры там были совсем другие и составляли сумму около полумиллиона зеленых. Они договорились «по дружбе», что Потапов будет отдавать частями, и это растянулось на несколько месяцев. На очередное требование аннулировать документ Ревин пригрозил, что расскажет все Батурлину. Потапов очень испугался – он понимал, что Александр попросту турнет его из фирмы, мужик он грамотный, тертый и найдет способ отделаться от раззявы-партнера. Ревин потребовал еще двадцать процентов и закрепил свое требование демонстрацией фильма с участием Потапова в главной роли, пригрозив показать это «произведение искусства» Игнатовой. Расставаться с женой Потапов категорически не хотел, невзирая на то, что последнее время у них были разногласия. И, как утверждает Ревин, напившись, Потапов жаловался ему, что они уже давно не спят вместе, пролив тем самым бальзам на «израненную» душу господина Ревина. Алексей подписал документ на очередной транш, а на следующий день жена выгнала его из дома. Кстати, она совершенно не в курсе этих дел.

– Значит, мы имеем подозреваемого, как я понял? – спросил Гришка.

– Сомневаюсь, – ответила Лида. – Судя по тому, как Ревин говорил об Игнатовой, он действительно в нее влюблен и подставлять ее не стал бы ни за что. У меня все.

– Умница ты моя! – похвалил Гришка.

Бутерброды, под рассказ Лиды, были съедены, но кофе в банке еще оставался. Она встала, чтобы сделать себе чашку кофе, и подошла к чайнику.

– Лидуся, не откажи, сделай и мне, – попросил Артем.

Лида взяла у него пустую кружку и, наливая кипяток, спросила:

– А что экспертиза, Горбунок?

– Окурки, что передал Артем Константинович, идентичны тем, что нашли на месте преступления. Судя по гильзам, пистолет «чистый» и у нас в картотеке не числится. Участковый Кучеря подписал показания о своем пребывании у Игнатовой в момент совершения покушения. Очень за нее переживал, долго охал и ахал. Грозился, цитирую: «навалить тому гаду, що на такую женщину гадить!»

– Что у тебя, Саша? – спросил Бывалый.

– Имел беседу с пострадавшим. Он перепуган страшно. Врачи говорят, что, в принципе, он вполне может идти домой, но пациент категорически отказывается до полного выздоровления покинуть больницу. В то, что стрелять могла жена, не верит. По-моему, ему даже обидно, что это не она. Говорит мне: «Вот вас бы жена застучала, наверное, кричала бы, плакала, тарелки била! А эта спокойная, холодная, никаких эмоций. Просто бери вещи и пошел вон! А мы пять лет прожили, трудных, голодных. Она даже не подумала прощать, хотя бы выслушала!» – и так далее по тексту. Намекнул на финансовые разногласия с партнером, утверждает, что это все временно. Но видно, что испуган сильно.

– Что, если этот Юрик Ревин, поняв, что пара распалась и Игнатова вполне может подать на раздел имущества, испугался, что все всплывет, и выстрелил? – спросил Артем.

– Ему невыгодно, – ответила Лида. – Если бы Потапова убили, то его деньги Игнатова получила бы по наследству. Предприятие их ее не интересует, в том смысле, что у нее своя работа есть. Она, скорее всего, взяла бы деньги, а Юрик надеялся Потапова до конца обобрать. Подставлять ее он ни за что бы не стал, он собирается к ней с предложением руки и сердца подкатить, тем более она сейчас свободна.

«Хрен тебе, а не Тина! – возмутился мысленно Артем и тут же обругал себя: – Куда тебя несет?! Ополумел! Успокойся!»

– Но теоретически он мог, – заметил Алексей.

– Не будем пока эту версию отбрасывать, – согласился Гришка.

Он встал, сделал себе кофе, попеняв Артему:

– Вот мне моя любимая подчиненная кофе не делает, все тебе, ненаглядному «важняку»!

– О то ж! – усмехнулся Артем. – Давай хоть ты чем-нибудь порадуешь!

– Давай сначала ты, уже обсудим все вокруг Игнатовой, а потом к госдеятелю перейдем.

– Хорошо. Ее подруга, можно сказать, родственница – росли вместе, как сестры, – Маргарита Юрьевна Корзун, одна из ведущих юристов по гражданским делам в очень солидной фирме. – Он назвал фирму, и Лидия присвистнула.

– Вот именно! Да, там ребята весьма серьезные работают. Ты, кстати, помнишь, Гриша, нам как-то приходилось с ними пересекаться по делу об ограблении банка: Артур Ставройтов.

– Да, точно. Третий мальчик! – кивнул Гришка.

– Госпожа Корзун тоже девочка очень серьезная. Клиентура у нее весьма впечатляет, даже перечислять не буду фамилии, а то придется встать по стойке «смирно». Начинала она стажером, сразу после университета. Жили они втроем, снимали комнату в коммуналке: она, Валентина и сын Денис. Прошли нищету, тяжело жили, вкалывали от зари до зари, но, как мы видим, не напрасно. Потапова Рита с сыном не любили с самого начала, но свое мнение не высказывали, предоставляя возможность подруге разобраться самой, а вот радости по поводу их расставания не скрывали, особенно Денис. За подругу Корзун горой, в огонь и в воду. Сразу взяла быка за рога и выложила все свои размышления по этому поводу, весьма грамотные размышления, во многом облегчив нам работу. Они вдвоем с Игнатовой перебрали всех знакомых, все ситуации, когда Валентине Игоревне пришлось кого-то случайно или намеренно обидеть. Ей приходилось увольнять людей, довольно жестко. Их было трое: две женщины и мужчина. Мужчина сразу после увольнения три года назад уехал в Сибирь, там и живет. Одна из уволенных сидит дома, смотрит за внуками и весьма довольна жизнью. Сказала мне, что даже благодарна Игнатовой за увольнение, сама бы не решилась уйти, все детям деньгами помогала, а сил работать уже не было. Когда уволили, ей сразу полегчало, теперь с удовольствием с внуками возится. Вторая работает в риелторской фирме, денег таких, чтобы нанять кого-то стрелять, у нее нет, да и уже два года прошло после увольнения. Ей и алиби не надо – она центнер весит. Из всех людей, что они вдвоем перебрали, кандидатуры этих троих

наиболее возможны, но отпадают. Я проверил всех. Конечно, был назван и Ревин, но в очень мягкой форме: «она ему сильно нравится», что-то в этом роде.

– А сама Корзун могла? – спросила Лида.

– Нет. Во-первых, у нее лично железное алиби – она в это время находилась в суде по делу своего клиента. Во-вторых, у них очень близкие, родственные отношения. Они втроем как одна команда. И делить им нечего. Никаких мотивов.

– Может, ревность к сыну?

– Тоже нет. У них совсем другие отношения. Без подруги и ее родителей Маргарита бы вообще сына не вырастила: у нее мать инвалид, отец давно умер, а Игнатовы воспринимали ее как дочь родную и всем скопом поднимали мальчишку, двумя семьями растили. Это мимо.

– А подруга, с которой Потапова застукали?

– Людмила Викторовна Шлях, – вступил с отчетом Горбунок, именно он встречался и разговаривал с ней. – Они с Игнатовой вместе учились в институте, в одной группе. Дружили, но не близко. Валентина и Маргарита помогли Людмиле перебраться в Москву, Корзун устроила ее на работу к своему клиенту на фирму, туда же взяли ее мужа шофером. Игнатова с Корзун даже за комнату в коммуналке за первые месяцы проживания Шляхов заплатили. В общем, эта семья им многим обязана, по крайней мере своим благополучием на данный момент. Людмила рыдает все время, кается, говорит, что это случайно получилось. Они разругались с мужем, и она встретила Потапова, тот стал ее успокаивать и продолжил в постели. В день совершения преступления Шлях была на работе, отлучалась только на обед, на час. Толком вспомнить не может, кто ее видел в столовой. У нее на фирме тоже точно сказать не могут, сколько она отсутствовала и видел ли ее кто-то в столовой, но вроде видели. Денег таких, чтобы нанять стрелка, у нее точно нет. Скорее всего, это тоже мимо.

– Нет, ну каковы бабы бывают! – возмутилась Лида.

Ее эта ситуация очень сильно задела. Почему-то стало очень обидно за девчонок, за эту Игнатову.

– Девки ее в Москву вытащили, на работу устроили, денег дали, а она с мужем поругалась и бах, «случайно» в постель!

– Лидуся, ты чего разошлась? – удивился Леша Скрябин. – Ты что, первый раз с дерьмом сталкиваешься?

– Не первый! Но мне эта Валентина нравится! Ни сопель, ни нытья, так тяжело работала, сама себя сделала и, смотри, как не везет: муж придурак полный и дешевка, подруга предательница, да еще какой-то

козел подставить хочет!

– Вот давай, Лидуся, мы его и найдем, все ей полегче будет! – рассмеялся Гришка. – Ну что, Артем, припас что-то напоследок?

– Да так, есть кое-что. Маргарита сказала, что, когда они вчера вечером разговаривали, был странный звонок по телефону, который сильно напугал Валентину. Когда она сняла трубку, кто-то, похоже от неожиданности ее услышать, выругался сквозь зубы и молча дышал в трубку, словно еле сдерживался, чтобы не обложить ее. Игнатова уверена, что звонил наш «стрелок». Может, просто ошиблись номером или у нее нервы разыгрались, – успокаивал сам себя Артем.

– А может, и стрелок. Проверял, арестовали ее или нет, – задумчиво сказал Горбунок.

– Что у тебя, Гришань? – спросил Артем, уходя от этой темы.

– Тоже все не слава богу! Оказывается, наш госчиновник занят сейчас очень серьезным проектом, на который выделяются бюджетные деньги. Первая часть денег поступила на счет именно вчера. Проект долгосрочный, всех деталей он мне не объяснил, но я понял, что они имеют кучу льгот и... самое интересное, кое-кто уже пытался с ним разговаривать на предмет «поучаствовать» в большом пироге. Правда, никаких наездов и прямых просьб в лоб пока не прозвучало, но воняет от всего этого сильно!

– Значит, вполне может быть и с этой стороны, – уточнил Артем.

– Может! Первый претендент – Храпов. Кто такой, объяснять не надо – управляющий банком, основным капиталом которого являются отмытые криминальные деньги. Все об этом знают, но доказать ничего не могут. Обращался, конечно, господин Храпов не лично, а через посредников и очень легко в виде предложения умножить капитал, прокрутить пару раз и самим заработать, и государство не обидеть. Без нажима, очень остороженько. Вторым был всем известный Сява, в прошлом лидер бандитской группировки, а ныне законопослушный бизнесмен. Он выступил с предложением своими силами и за свои, гораздо меньшие деньги выполнить государственную программу, а остаток мирно поделить. И тоже без нажима и ласково, на уровне прощупывания почвы. Думаю, имеются и другие предложения в этом ключе, о которых наш любезный госчиновник мне не рассказал. Ведет он себя спокойно, уверен, что стрелок приходил не по его душу, а если и по его, то ему бояться нечего. Так, пугали от ума невеликого. Надо выяснить, кто еще на него выходил и с какими предложениями. Итак, господа сыщики, что мы имеем?

– Это может быть Ревин. Надо поговорить с его женой, узнать, есть ли у него любовница, если есть, встретиться с ней. Может, он решил ускорить

события или его женщина: та же жена или та же любовница из ревности пыталась подставить Игнатову, – начал подводить итоги Артем. – Лидуся, коль ты занялась, может, ты и продолжишь?

– Нет, – возразил Гришка, – лучше Лида пойдет в госучреждение. Оснований для проверки налоговой или отдела по экономическим преступлениям нет, а она с бухгалтерами, с коллективом документы посмотрит.

– Да, так лучше, – согласился Артем. – Второй вариант: это все-таки танцы вокруг госчиновника. Нельзя скидывать со счетов и самого Потапова, он вполне мог задолжать деньги или влезть в какую-нибудь аферу, раз так азартен до казино и выпивки, и получить небольшую «разборку».

– Это могут быть и недавние финансовые проблемы у любимого госчиновника, – выдвинул версию Гришка и тяжело вздохнул. – Тогда там копать не перекопать. Черт, терпеть не могу все эти финансовые дела!

– Я завтра поработаю вокруг госучреждения, а Лида внутри, может, что и выплывет, – сказал Артем.

– Я беру на себя Потапова, – ответил Гришка. – А ребята Ревина и третьего компаньона, Батурлина. И на фирме их с народом побеседуете, присмотритесь. Да, проверьте на всякий случай алиби этой Шлях. Все! По домам и отдыхать! Всем до завтра!

– Лидуся, тебя подвезти? – подскочил к Лиде Скрябин.

Он ездил на старой «копейке», доставшейся ему от отца. Будучи тайно и безнадежно влюблен в Лиду, все время пытался за ней неуклюже ухаживать.

– Подвезти, солнышко, на метро у меня сил нет, – ответила Лида.

– А меня? – влез Горбунок.

– А ты общественным транспортом, такие перегрузки моя «копеечка» не выдержит.

– Да нам почти по пути! – не сдавался Саша.

– Ну да, пол-лаптя по карте!

Продолжая вяло спорить, они втроем вышли из кабинета. Артем с Григорием направились вслед за ними, Гришка закрыл и опечатал дверь, и приятели не спеша двинулись к выходу.

– Вот чувствую я, Артем Константинович, не там мы копаем, и дело это гораздо говнистей, чем мы можем предположить!

– Да не причитай ты! Что-нибудь накопаем.

– «Глухарем» пахнет, как на токовище! – ныл Гришка.

Тине на мобильный позвонил Лешка.

«О господи!» – с тоской подумала она, увидев на определителе его номер, но все же ответила, не поддавшись соблазну отключить телефон вообще напрочь.

– Да!

– Тина! Что за дела?! Ты совсем сдурела?! Тебе мало того, что ты меня выставила и по твоей милости в меня стреляли?! – Алексей был так возмущен, что голос срывался на фальцет. – Ты еще и в суд подала на раздел имущества!! Тебе мои деньги понадобились?! Ничего не получишь!

– Леша, успокойся, с чего ты решил, что я подала в суд?

– Не прикидывайся! Ты решила меня обобрать, наверняка твоя подружка надоумила!

– Подожди. Кто тебе сказал, что я подала в суд?

– Не изображай из себя невинность! – возмутился он. – Мне только что звонили из суда и уведомили, что заседание состоится такого-то числа, по твоему исковому заявлению! Я и не подозревал, что ты такая сука!

– Прекрати орать! – не выдержала и прикрикнула на него Тина. – И перестань со мной так разговаривать! Объясни, из какого суда. Я никаких заявлений не писала, мне твои деньги не нужны, мне своих вполне хватает. И успокойся, я во всем разберусь!

– Значит, это Ритка! Точно, она меня всегда терпеть не могла, вот и решила подсуеетиться для подруги!

– Леша, я сейчас отключусь и не буду с тобой больше разговаривать! Немедленно успокойся и прекрати кричать!

– Хорошо.

– А теперь скажи, в каком именно суде мое заявление?

– По месту твоей прописки.

– Я все узнаю. В любом случае никакого суда не будет. Все, до свидания!

Она отключилась. Задумавшись, Тина вертела в руках телефон, постукивая им о стол.

«Надо выяснить у Ритки!» Она набрала номер подруги.

– Рита, привет! Я тебя не отвлекаю?

– Нет, я в кафе, перекусываю. Что-то опять случилось?

– Ритуль, ты не подавала заявление в суд на раздел имущества с Лешкой от моего имени?

– Ты что? О чем ты? Конечно, нет! – сильно удивилась Ритка.

– Риточка, не обижайся, но я должна была спросить, – извинилась

Тина.

– А что, ты решилась? Тык я с великим удовольствием!

– Нет, зачем мне это? Но сейчас позвонил Лешка и устроил истерику. Ему сообщили из суда, что от меня поступило исковое заявление на раздел имущества. Я точно не подавала, ты – тоже. Тогда кто?

– Этого не может быть, Тина. Тут какая-то ошибка.

– Ритуль, ты очень занята?

– Не особенно. Ты хочешь, чтобы я съездила и узнала?

– Да, пожалуйста, тебе проще, ты об этом все знаешь. Съезди, узнай, что там, и сразу позвони.

– Конечно, не волнуйся. Это просто ошибка. Я все узнаю.

В ожидании звонка от Маргариты Тина не находила себе места. Она точно знала, что это не ошибка, что тот человек, который стрелял в Лешку, начал широкомасштабное наступление на нее, объявив ей непримиримую войну ненависти.

Ей было очень страшно!

Она не знала, кто и за что преследует ее, не понимала, откуда ждать удара и беды, но чувствовала, что просто так он от нее не отстанет и не успокоится, пока не достигнет своей, только ему известной цели.

«Господи! Дай мне силы – как же мне страшно! Считается, что больше всего человек боится неизвестности. Я даже не подозревала, как это может быть страшно! Только без паники, Тина! Соберись! Он именно этого и добивается: чтобы ты испугалась, начала паниковать и совершать ошибки. Он хочет довести тебя до сумасшествия твоим же собственным страхом! Правильно, умница! Одну его цель ты уже разгадала. Вот и молодец! Надо держаться, иначе он победит!»

Работа валилась у нее из рук в буквальном смысле – она дважды уронила контракт, которым занималась, и уже десятый раз читала одну и ту же фразу в документе, совершенно не понимая ее смысла. Тогда Тина бросила бумаги на стол, встала и начала ходить из угла в угол кабинета, уговаривая себя успокоиться.

Зазвонил телефон, определился Ритин номер.

– Тина, тут непонятная история. Приходил адвокат, мужчина, и от твоего имени подал заявление. Я взяла его координаты, но пока ничего выяснять не стала. Запиши.

Тина схватила ручку и записала все, что продиктовала Ритка, в том числе и адрес суда и дату заседания.

– Спасибо, Ритуль!

– Тина, звони Беркутову! Это все очень серьезно! – помолчав, строго

потребовала Ритка.

– Да, позвоню, – железно пообещала Тина и попросила: – Пожалуйста, ты сама никуда не суйся и не выясняй, кто это был, ладно?

– Хорошо, – согласилась Рита и мягко поинтересовалась: – Ты вообще как?

– Немного напугана, но в порядке.

– Звони прямо сейчас! Мы вечером с Денисом к тебе приедем!

– Это было бы замечательно. Все, до вечера!

– Держись!

Тина достала визитку, которую дал ей Беркутов, и положила ее перед собой на стол. У девушки дрожали руки, когда она набирала номер его мобильного. Она вдруг осознала, что волнуется не из-за непонятных событий, происходящих вокруг нее, а потому, что сейчас услышит его голос. Эти эмоции, чувства были Тине незнакомы, не испытаны никогда и приятно удивляли и волновали.

– Беркутов, – ответил Артем.

У Тины быстро-быстро где-то в горле застучало сердце, кровь прилила к щекам от звука его голоса. Растерявшись от этой своей реакции, она не сразу начала говорить.

– Слушаю вас, – настойчиво повторил он.

– Артем Константинович, – слегка запинаясь, проговорила наконец она. – Это Игнатова, здравствуйте.

– Здравствуйте, Тина! Что-то случилось?

– Вообще-то да. Мне бы надо поговорить с вами.

У Тины вспотела ладонь, державшая трубку. Девушка переложила телефон в другую руку, вытерла ладошку об юбку и с удивлением на нее взглянула – никогда в жизни у нее не потели руки!

– Я освобожусь через десять минут, мы можем встретиться и поговорить. Вы где находитесь? – спросил он.

– Я на работе.

– Очень хорошо. Я как раз недалеко от вашей фирмы. Давайте выпьем кофе, я знаю одно уютное кафе, и вы мне все расскажете, Тина.

Они договорились встретиться у входа в метро и попрощались.

Тина шла по улице и чувствовала, как звенит все у нее внутри от предвкушения встречи и ожидания. Куда-то отодвинулись все проблемы, став мелкими и совсем не страшными, и только бухало сердце, как ненормальное.

Она увидела Артема издалека, и ее захлестнуло странное желание кинуться бегом к нему, чтобы он обнял ее своими большими сильными

руками и погладил по голове, успокаивая и обещая, что все будет хорошо.

«Совсем сдурела! Тиночка, ты что, влюбилась?» – спрашивала она себя, стараясь контролировать каждый шаг и выражение на лице.

Она на мгновение забыла, для чего они вообще встречаются. Оглохнув от грохота в ушах – так сильно стучала кровь, – Тина остановилась, чтобы перевести дух и немного успокоиться, не отрывая взгляда от Беркутова, и видела, что он ее еще не заметил.

«Давай, дыши! – приказала она себе. – Несколько глубоких вдохов. И думай, что ты выпала из нормального состояния! Так, у тебя к нему дело, очень важное для тебя дело. Вспомни какое, успокойся!»

Успокоив немного свое предательское сердце и дыхание, она пошла навстречу Беркутову.

– Здравствуйте, Артем Константинович!

– Здравствуйте, Тина!

Артем увидел ее, когда она была в нескольких шагах от него. От одного взгляда на эту женщину у него перехватило дыхание, как будто он получил сильный удар в живот.

Она была одета в легкий льняной костюмчик цвета слоновой кости: свободная юбка до колен и приталенный пиджачок. Цвет и фасон ей очень шли, выгодно подчеркивая все достоинства фигуры.

Глубоко вздохнув, он ощутил, как его накрывает волна тепла.

– Идемте в кафе? – спросила Тина.

– Да, кофе сейчас очень кстати.

Кафе действительно было симпатичным, уютным, и кофе хорошего качества. Тина расслабилась, понемногу успокаиваясь.

– Что у вас случилось? – спросил Артем.

– Артем Константинович...

– Тина, – перебил ее Артем, – давайте вы будете называть меня по имени, без отчества. Договорились?

Тина кивнула.

– Хорошо. Артем... – Она запнулась, но продолжила: – Я не знаю, насколько это важно и серьезно, но меня пугает то, что происходит.

Она рассказала про заявление в суд, протянула ему бумажку с координатами адвоката и информацией, которую ей продиктовала Рита.

– Вы не волнуйтесь, Тина, мы все выясним, хотя хорошего здесь мало.

– Если честно, меня это напугало.

– Расскажите про телефонный звонок.

– Откуда вы знаете? – удивилась Тина.

– Мне рассказала Маргарита Юрьевна. Она за вас очень беспокоится,

а вот вы почему-то промолчали.

– Я не думала, что это важно. Может, у меня просто воображение разыгралось.

Артем слушал ее, откинувшись на спинку стула. Он расслабился, разрешив себе наконец перестать сопротивляться.

Она ему нравилась, вся. Очень сильно! С самого начала, с первой минуты знакомства всерьез зацепив все мужское в нем!

Ему нравились ее лицо, глаза, руки, фигура – все, что и составляло Тину Игнатову. Ему нравилось, как она двигается, как говорит, как смотрит, как переводит дыхание и даже как молчит. Она не просто ему нравилась, рядом с ней он испытывал незнакомый какой-то небывалый внутренний восторг. Приподнятость какую-то. Она совпадала со всей его жизнью, с ним самым идеально, вызывая постоянный, весьма ощутимый отклик тела в положенных местах.

«Просто она единственная женщина, которая когда-либо была и будет тебе нужна! Вот так! – вдруг совершенно четко понял Артем. – Все очень просто! Каких только женщин у тебя не было за твои тридцать семь лет! И жена имела, и страсти невероятные, и секс до полного одурения! А чтобы вот так хотеть женщину, и не просто в постель, а всю, со всей ее жизнью, трудным детством, комплексами, проблемами. Чтобы она существовала постоянно в твоей жизни, в твоей постели, в твоих мозгах, в крови! Не бояться и не избегать этого, как ты делал это всю жизнь, а страстно желать! Так не бывало никогда! Никогда! Все, Беркутов, ты попал! Как бы это все быстро решить? Да еще это дело ее, будь оно неладно! Может, позвать ее к себе жить под предлогом, что ей нельзя оставаться одной? Хорошая идея!»

Он очнулся от своих мыслей, поняв, что она задала какой-то вопрос и ждет ответа.

– Простите, что вы спросили?

– Я спросила, что мне с этим делать?

– Вам – ничего! Делать будем мы. Вы сейчас спокойно возвращайтесь на работу, а вечером я позвоню. Во сколько вы заканчиваете?

– Часов в семь.

– Вот и хорошо. Никуда не уходите из офиса. Я позвоню, и мы решим, что делать. Договорились?

– Да. Вы думаете, что все так серьезно? – заглядывая ему в глаза с плохо скрываемой тревогой, спросила она.

– Я пока не знаю, – честно ответил Артем. – Но лучше перестраховаться.

- Ко мне вечером Рита с Денисом приедут.
- Хорошая у вас подруга.
- Да, – улыбнулась Тина, – мне повезло!
- Ей тоже. Идемте, – предложил Артем, расплатившись с официантом. Они вышли из кафе.
- Я отвезу вас на работу, – сказал Артем.
- Спасибо, это очень кстати, я уже опаздываю.

Они подошли к стоявшей у тротуара машине. Артем отключил сигнализацию и протянул руку к дверце, чтобы открыть ее для Тины.

И в этот момент какой-то прохожий, видимо, очень куда-то торопясь и опаздывая, обгоняя их, толкнул Тину к Артему, а шедший навстречу ему мужчина сделал резкий шаг в сторону, пропуская бегущего, и оказался прямо перед ними. В следующую секунду он выкинул вперед руку и направил в лицо Артему струю жидкости из баллончика. От неожиданности Тина замерла на месте, не попытавшись даже уклониться.

Она видела происходящее, как в замедленной съемке, словно все вокруг погрузилось в липкий сироп: вот рука мужчины перемещается вместе со струей брызгающего спрея в ее сторону, боковым зрением она видит, как рядом падает на тротуар Артем, и в следующее мгновение сама получает порцию распылителя в лицо.

«Как глупо!» – успела подумать Тина перед тем, как отключиться.

Тина пришла в себя очень быстро, через несколько мгновений и в полном сознании. Тело было как парализованное, поэтому ей даже не пришлось изображать обморок и беспмятство, но, как ни странно, мозг работал четко и ясно. Всего на какие-то секунды она отключилась, и не от препарата, которым их с Артемом поливали, а скорее от неожиданности и страха. И теперь слышала все и осознавала, что происходило вокруг нее, и, чуть-чуть приоткрыв глаза, через ресницы, старалась увидеть как можно больше.

Возле них остановилась пассажирская «газель», из нее выскочили два парня. Вчетвером, вместе с теми, которые так успешно разыграли столкновение, они подняли Артема и запихали в машину.

– Тяжелый, сволочь! – сказал кто-то.

Они бросили его на пол машины, и Тина почувствовала, как ее хватают грубые руки, причиняя боль, поднимают с асфальта и, как мешок с картошкой, тащат и кидают на пол рядом с Артемом.

– Ходу! Ходу, Леший! – крикнул кто-то.

Машина рванула с места, вызвав целый оркестр возмущенных

сигналов проезжающих мимо автомобилей.

– Куст, давай скорее укол! «Важняк» здоровый, как боров, сейчас очнется, устроит нам тут Курскую битву! Боня, надень на них наручники!

Артем лежал лицом вниз. Сквозь ресницы Тина увидела, как ему, заведя руки за спину, защелкивают наручники.

Она лежала на правом боку, ее не стали переворачивать, а резко дернули за правую руку, застегнули наручники на запястьях впереди и откатали от Артема, но только затем, чтобы парню, которого назвали «Куст», было удобнее сделать укол, прямо через ткань брюк, в ногу бесчувственному следователю. Затем и ее, как бревно, перекатали, уложив таким образом, что она наполовину лежала на Артеме. Прямо перед глазами оказались его губы.

И в этот момент Тина почувствовала болезненный укол в попу.

– Куст! – заржал кто-то. – Ты бы с девушкой поделикатнее. Задрал бы юбку, спустил трусы и уколол!

– Все, ша! Прикалываться потом будем! Надо Косарю позвонить.

Тина ощутила, что теряет четкость мысли, все начало расплываться перед глазами и мышцы непроизвольно расслабляются.

«Что они вкололи?»

В детстве у нее обнаружили неправильный обмен веществ. Каких только исследований с ней не проводили врачи! Один даже диссертацию защитил на ее уникальной нервной системе. В семнадцать лет Тина стала стремительно худеть, решив, что все наладилось, но врач ей объяснил:

– У вас уникальный организм. В целом он работает правильно, но на определенные химические препараты реагирует нестандартно. Такие случаи в медицине встречаются крайне редко! Единично! И это не аллергическая реакция, это защитный механизм. Не буду углубляться в физиологию и медицинские термины, объясню проще: снотворные, нервно-паралитические, даже обезболивающие препараты отвергаются вашим организмом. Он их просто нейтрализует и выводит из крови. В этом есть как положительная сторона, так и отрицательная. Положительная – вы никогда не станете наркоманкой, алкоголичкой или зависимой от лекарств и любых препаратов. Отрицательная – вам очень трудно будет сделать анестезию.

Первый раз за всю свою жизнь Тина поблагодарила свой организм за такую особенность и усмехнулась про себя – воспеть хвалу тому, что не принимала и отвергала в себе и считала уродством полжизни, лежа на грязном полу машины со связанными руками! Воистину – жизнь полна импровизаций!

– Косарь, это Воля. Мы его взяли, вместе с какой-то девкой. Не знаю, но, видимо, его баба, они вдвоем в кафе сидели.

Он посмеялся, услышав ответ.

– Куст вколол им обоим. Он боров здоровый, часа через три очухается, а баба дольше в отключке будет. – Говорящий выслушал указания и закончил разговор: – Хорошо!

– Значит, так, – обратился он к поделщикам, – все по плану: мы их отвозим под замок, Боня останется на стреме, машину отгоняем, едем за Косарем и подруливаем назад, когда эта сука очнется.

– Слушай, Воля, а бабу можно того...

– Я тебе дам «того»! – ответил Воля и разразился матерной тирадой. – Пока Косарь с ними не разберется, чтобы волос не упал! Понял?

– Да врубился я! Что ты психуешь? Да и не интересно совсем, она же никакая. Я про потом и спросил, когда очухается.

– Потом и решим! Да, Боня, сумки их, кошельки, телефоны чтобы пальцем не тронул. Ну-ка, дай сюда, я сам обшмонаю, потом проверю, если увижу, что что-то взял, удушю! Для всех говорю – пока Косарь с ними не разберется, чтобы волос не упал! Ясно?!

Слабость, наступившая после укола, прошла через несколько минут, Тина все слышала и теперь полностью чувствовала свое тело.

«Так! – размышляла она. – Значит, у нас есть три часа. Это уже что-то!»

Ей было страшно! Ей было ужасно страшно!

Все свое детство она дралась. Тина не мирилась с ролью пассивной толстой жертвы, над которой издеваются сверстники, а отстаивала свое «я» с кулаками. При всем своем лишнем весе она была быстрой, подвижной и гибкой, что помогало ей в любой драке. После очередной потасовки, когда папа замазал йодом ее разбитый локоть, он посадил Тину напротив себя и сказал:

– Если у тебя не хватает ума и выдержки, чтобы решать все переговорами и тебе всенепременно нужно драться, то хотя бы делай это правильно.

– Что, в секцию по карате пойти? Меня не возьмут.

– В драке главное не умение, а внутреннее состояние. Побеждает тот, кто перед боем не представляет себе возможные картины поражения и то, куда его могут ударить, и как больно ему будет, и что их больше, а ты один, или что противник сильнее.

– Как же их не бояться? Вон их трое мальчишек было! Конечно, страшно!

– Но ты же не побежала, а полезла с кулаками! А если решила драться – выкинь из головы возможность поражения и, самое главное, страх! Бояться, плакать, считать раны, пугаться будешь потом. Если что решила – делай. Если обстоятельства приперли – иди и преодолевай их, откинув страх, а переживать будешь после боя. Хотя я, как отец, против твоего поведения, для меня лучше и безопасней тебе самой, если бы ты убегала, ты же не мальчишка! А еще лучше, чтобы ты умела разрешать любой конфликт диалогом.

Она научилась!

Научилась в сложных ситуациях выкидывать из головы страх и думать только над тем, как решить проблему. Это было нелегко. Иногда паника затапливала мозг, не давая возможности думать, но Тина справлялась!

До сих пор!

«Да уж, в такой заднице я еще не была! Какая тут выдержка и самоконтроль! Страшно же ужасно! – И тут же прикрикнула на себя мысленно: – Так, Тина, прекрати ныть! Немедленно возьми себя в руки! Главное – не паниковать! Не паниковать! Держись, ты сможешь! Думай, слушай, что они говорят! Ты справишься!»

Машина остановилась. Парни, перешагнув через следователя и девушку, выбрались наружу.

– Выгружайте их! – скомандовал Воля.

Ее грубо подтащили к двери за ноги, так, что задрался подол юбки почти до талии, подняли, уложили кому-то на плечо и понесли. Она старалась, очень старалась изображать полную бесчувственность, все время контролируя свои мышцы и не давая им напрягаться. Чуть-чуть приоткрыв веки, Тина всматривалась, куда ее несут, пытаясь определить, где они находятся.

Из того малого, что она рассмотрела, девушка поняла, что это какой-то склад или ангар, во всяком случае, это было огромное производственное крытое помещение. Парень, тащивший ее на плече, вошел в железные двери, миновал весь этот не то склад, не то заброшенный заводской цех, дойдя до противоположной от входа стороны. Стараясь не крутить головой, Тина осмотрелась – кучи мусора, какие-то ржавые станки вдоль стен, высокие окна справа и слева без единого стекла, кое-где заделанные фанерой.

«Какой-то заброшенный завод, точно как в дурацких американских фильмах!»

Тина молилась про себя, чтобы их не разъединили с Артемом, заперев в разных помещениях. Несший ее мужик открыл ржавую скрипучую дверь,

за которой находился коридор метров пять и еще одна дверь, возле нее стоял старый полуразломанный канцелярский стол и колченогий стул. Тину сняли с плеча и усадили на этот стул, придерживая рукой, чтобы не свалилась на пол. Следом вошли остальные трое, натужно волоча Артема, и кинули его возле двери.

– Ну и тяжелый, скотина!

– Леший, обшмонай его! – приказал Воля.

Леший быстро и как-то весьма умело обыскал Артема, достал сигареты, зажигалку, не найдя больше ничего.

– Давай сюда. Боня, давай их шмотки.

Воля подошел к столу, открыл дверцу и покидал туда сумку Тины, борсетку Артема, их телефоны, ключи от машины и сигареты с зажигалкой.

– Курево-то зачем? Сами оприходуем, – сказал Боня и тут же получил резкий удар в живот.

– Я, кажется, объяснил! – вкрадчивым голосом ответил Воля. – Ничего не трогать! Косарь должен все увидеть сам, как есть!

Он схватил согнутого пополам Боню рукой за подбородок и притянул к себе.

– Я проверю все вещи, когда вернусь! Ясно?

– Все, все, Воля! Я понял!

– Хорошо! – Он отпустил Боню и повернулся к двум другим: – Их в камеру. Боня, ты на стреме, они еще не скоро очухаются. Твоя задача по сторонам смотреть, чтобы кого попало сюда не занесло. Мы часа через два-три приедем.

Открыв дверь, двое из бандитов, взяв Артема за руки, втащили его в комнату, и Тина услышала непонятные звуки, похожие на удары, но иные, более рваные. А через пять минут она поняла их происхождение – от двери вниз в помещение шли три крутые ступеньки, о которые, видимо, и бились ноги Артема, издавая эти звуки. С девушкой обошлись более гуманно: перенесли, снова взвалив на плечо, как тащили через цех, но когда небрежно бросили на пол, она сильно стукнулась боком и тут же прикусила язык, чтобы не охнуть. Перед тем как выйти, Воля сильно ударил ногой бесчувственного Артема в живот.

– Я эту суку ненавижу! – пояснил он.

Тина еле удержалась от вскрика, на сей раз до крови прикусив губу, заставляя себя не реагировать и притворяться бесчувственной. Она лежала в очень неудобной позе – лицом на грязном, каком-то мокром и скользком полу, навалившись на скованные наручниками руки.

«Потерпи, сейчас они уйдут!» – уговаривала она себя.

Мужчины вышли. Тина услышала, как закрывается скрежещущий замок.

– Все, мы отваливаем! Боня, ты там в халупе не засиживайся, обходи территорию каждые двадцать минут и смотри не напейся, убью! – донеслось из-за двери.

«Значит, есть еще какое-то помещение, где он будет сидеть, – размышляла Тина. – Наверное, что-то вроде сторожки. Это хорошо! Главное, что не под дверью!»

Она прислушивалась к звукам снаружи: удалялись шаги, и вот грохнула, закрываясь, вторая дверь.

Тина перевернулась на спину и села. Руки ужасно болели. Она подняла их к глазам и осмотрела: синяки, кровоподтеки, царапины и ссадины на коже. Тина и не подозревала, что наручники – это так больно!

– Так, так, спокойно! Эмоции потом! Что у нас самое главное? – спросила девушка громко, чтобы приободриться.

От звука голоса стало полегче.

– Первое: успокойся! – уговаривала себя девушка. – Бояться будем потом! Ладно? Господи! Господи, господи, как страшно!! – Она постаралась взять себя в руки, отодвинуть страх куда-нибудь подальше. – Тиночка! Не распускайся! Так, что у нас сначала? Сначала надо осмотреться! Да, осмотреться, правильно! Давай!

Встав сначала на четвереньки, она поднялась на ноги и внимательно осмотрелась по сторонам, поворачиваясь вокруг своей оси.

Комната была квадратной, метров двадцать по площади, пустая, только по углам валялись кучи хлама. Тина поняла, почему пол оказался мокрым и скользким – с потолка капала вода, а по стене возле двери она стекала несколькими ручейками.

– Куда-то же она вытекает? – прокомментировала девушка результаты осмотра. И двинулась дальше. – А что у нас с окном?

Окно находилось справа от входа на уровне головы Тины, вровень с землей, из чего следовал логичный вывод, что они находятся в полуподвале. В окне не было стекла, но стояла старая ржавая решетка. Тина попробовала ее подергать и расстроилась – несмотря на внешнюю трухлявость, держалась она крепко.

– Это мы еще посмотрим! – поспорила с обстоятельствами девушка.

Тина обошла кучи мусора, валявшегося по углам, и, преодолевая отвращение и подкатывающую тошноту, покопалась в них и нашла пластмассовый ящик и несколько кирпичей. Перетащив все это к окну и соорудив себе подставку, осторожно влезла на ящик и стала внимательно

осматривать крепления решетки.

– Спасибо тебе, советское производство! – поблагодарила она, обнаружив, что решетка крепится к стене гвоздями, а не припаянными скобами.

Тина слезла со своего «постамент» и опять вернулась к изучению мусорных залежей, выискивая какую-нибудь железку, чтобы расшатать или расковырять гвозди из стены.

Вдруг застонал Артем. Девушка бросилась к нему, встала на колени, повернула его лицо к себе. Он все еще находился без сознания, но что-то уже, видимо, чувствовал.

– Сейчас, милый мой, сейчас! Подожди немного, я с гвоздями разберусь и попробую тебя разбудить! – пообещала она. Затем поцеловала его в лоб, устроила поудобней его голову на полу и вернулась к своему занятию.

– Ура! Я нашла то, что нужно! – теперь Тина обращалась к Беркутову, хотя он и не мог ее слышать.

Ей предстоял целый аттракцион – как-то забраться на ящик, держа в скованных наручниках руках толстую ржавую железку, которую Тина нашла. Первые две попытки не увенчались успехом. Тогда она взяла железный прут в зубы и, упираясь плечом в стену, наконец смогла подняться на ящик.

Первый гвоздь разлетелся сразу, от одного сильного удара, отделившись от шляпки. Со вторым пришлось повозиться, выковыривая его из стены. На счастье, гвозди были вбиты не в кирпич или бетон, а в какой-то состав – бетон с чем-то непонятным, который от старости и сырости легко крошился.

Тина справилась со всеми гвоздями, до которых смогла дотянуться, остались только верхние, но это уже не имело значения. Девушка надавила на решетку, потом потянула ее на себя, решетка поддавалась, но у Тины соскальзывали руки. Рассмотрев их, она неожиданно обнаружила, что в борьбе с гвоздями сильно разбила запястья наручниках. Да так, что кровь сочилась потихоньку по рукам до локтей и залила ладони. Надо же, в пылу борьбы с гвоздями она и не заметила этого, а рассмотрев только сейчас, почувствовала жгучую боль. От этого жжения, обиды и страха вдруг на глаза навернулись слезы, готовые вылиться ручьями.

– Нельзя, Тина! – прикрикнула она на себя. – Только не сейчас!

Она посмотрела на решетку и поняла, что справилась – отогнуть ее наружу будет совсем просто!

– Сколько я провозилась? – строго спросила она у себя. – Сколько

у нас осталось времени?

А кто его знает, сколько! Надо действовать дальше! И она бросилась к Артему.

– Господи, помоги! Как же мне тебя разбудить?

Девушка опустилась перед ним на колени и принялась трясти, сильно хлопая по щекам, кричать в ухо – он стонал, но в себя не приходил.

– Артем! Ты мне очень нужен, прямо сейчас! Очнись, прошу тебя! – продолжая трясти его, просила она.

Отчаявшись, Тина села на пол, рядом с ним и на этот раз все-таки расплакалась. Бессильные горькие слезы текли по щекам сами собой, не слушая приказов и не подчиняясь ее воле.

И вдруг госпожа Игнатова разозлилась! Сильно! На всю катушку!

Нет, какие-то уроды, недочеловеки, будут руководить ее жизнью?! Будут издеваться над ней и мужчиной, который ей так нравился?! Единственным необходимым ей в жизни мужчиной, который разбудил в ней неведомые еще и такие пугающе глубокие чувства!! Рядом с которым замирало сердце и звенело все внутри, и очень хотелось узнать, как это будет, если он ее поцелует! И первый раз в жизни так хотелось, чтобы у них все получилось именно с этим мужчиной.

И что?! Оставить мечты, сдаться?! Смотреть, как будут над ним издеваться какие-то недочеловеки?! Как будут шантажировать его тем, что сделают с ней?! Позволить хоть на минуту этим гоблинам почувствовать свое превосходство над Артемом, над ней?!

Да ни за что!! Не дождетесь!

– Между прочим, Боня надеется тебя еще и поиметь! – подхлестнула она свои мысли. – Если не хочешь этих «нежных» объятий, то засунь свои сопли в одно место и действуй! Хватит ныть, Тина, думай давай!!

«Так! Как приводят в чувство человека? Хорошо бы иметь много сухого красного вина, чтобы вывести эту дрянь у него из организма, про это я где-то читала!»

– Хорошо бы оказаться дома в теплой ванне! Тина, не будь дурой, не отвлекайся! – одернула она себя и поняла: – Вода! Мне нужна вода! Вода у меня есть, у меня полно воды, только собирать ее некогда и нечем! Черт!

Перекатившись сначала на четвереньки, она поднялась, подбежала к стене и стала ее внимательно осматривать, пытаясь определить, куда вытекает струящаяся вода. Вода уходила под пол, нигде не накапливаясь.

– Ладно! И так справимся!

Тина вернулась к Артему, уцепившись за воротник его пиджака, попыталась его сдвинуть. Он оказался очень тяжелым и не передвинулся

ни на миллиметр. Тогда она села на пол, уперлась ногами и начала тащить его на себя. Ей удалось, совсем немного, передвинуть его.

Нет, это не подойдет!

Встав на четвереньки, Тина попробовала перекатывать Артема.

– Прости, но другого выхода нет! – повинулась она.

Докатив таким образом Беркутова вплотную к стене, Тина кинулась к куче мусора, в которой рылась раньше, вспомнив, что когда искала чем ковырять гвозди, видела кусок железного листа. Нашла, вытащила его, даже не пытаясь соблюсти тишину, и вернулась к Артему.

– Прости! – опять извинилась она.

Тина пристроила лист так, чтобы один его край упирался в стену, меняя направление текущей воды, а второй находился прямо перед лицом лежавшего мужчины.

И вода послушно полилась ему на лицо.

Девушка опустилась возле него на колени.

– Артем! Артем, очнись! – кричала она ему в ухо.

Беркутов крутил головой, бессознательно пытаясь увернуться от воды. Тина приподняла лист повыше, чтобы он не поранился, и направила струю ему на лоб. Вода, кстати, была относительно прозрачной.

– Артем! Давай, милый, просыпайся! – упрашивала она.

– Пить, – еле слышным голосом попросил он.

– Умница! – Тина, придерживая железку, наклонилась и поцеловала мужчину в лоб. – Сейчас, сейчас!

Она подвинула лист так, чтобы вода текла ему в рот.

– Господи! Чем я тебя пою? – возмутилась она. – Неизвестно, что это за вода вообще!

Но Беркутов жадно глотал, не открывая глаз.

– Выберемся отсюда, и я выпью целый стакан водки! – пообещала себе Тина. – Назло всем!

Она громко говорила, чтобы не дать ему снова отключиться, Артем отвернул голову от воды и спросил слабым голосом:

– Где мы?

– Не знаю! Но нам срочно надо отсюда выбираться!

Он почти не соображал, перед глазами все плыло, как в калейдоскопе. Единственное, что он понял сразу и ясно, еще не открыв глаза, – рядом находится Тина. Ее лицо расплывалось, утратив четкость контуров, но он точно знал и чувствовал, что это она. Болело все тело, даже не болело, а стонало как-то, и Артем его практически не ощущал.

– Попробуй подвигать руками и ногами! Давай! Это очень важно, прошу тебя! – уговаривала его девушка.

И продолжала держать железный лист так, чтобы вода постоянно текла на лицо Артема.

Он напрягся, преодолевая взрыв боли в мышцах и костях, и попробовал двигать ногами, медленно согнул и разогнул их. Рукам и больно-то не было – он на них лежал и совсем уже не чувствовал. Постепенно к телу возвращалась чувствительность, а с ней нараставшее ощущение боли.

– Помоги мне сесть, – с трудом произнес Беркутов.

Тина, поставив железку на пол, перебралась на четвереньках ему за спину и, подталкивая, помогла приподняться. И сразу подняла железный лист, устроив его таким образом, чтобы вода текла Артему на голову.

– Это тебе поможет, – объяснила она.

– Я в наручниках? – спросил он.

– Да, и я тоже. Как ты? Встать сможешь?

– Подожди, не так быстро, я еще не очень соображаю.

– Пей воду! Откинься, положи голову мне на плечо. Вот так. Пей!

Артем глотал и глотал мерзкую затхлую воду, но она действовала на него как лекарство, с каждым глотком все больше проясняя мозги и принося все нарастающее ощущение боли во всем теле.

– Ты уже можешь понять, что я говорю? – спросила Тина.

Он кивнул и резко втянул в себя воздух, вызвав этим движением жуткую головную боль, словно прут железный вкололи в мозг.

– У нас очень мало времени: минут сорок, чтобы отсюда выбраться, – принялась объяснять она. – Мне нужна твоя помощь. Я расковыряла гвозди на решетке, ее можно отогнуть наружу и вылезти в окно, но одна я буду долго возиться и уж точно не смогу тебя вытащить.

– Вода соленая, – заметил Беркутов.

– Это от крови, я разбила руки. Но не важно. Как ты? Попробуешь встать?

– Подожди! – Он отвернулся от воды. – Мне трудно говорить, голова очень болит. Меня что, били?

– Только один раз: ногой в живот, но сильно. По голове не били, это от лекарства, которое тебе вкололи.

– Тогда все в порядке, руки, ноги целы, а там разберемся! – оптимистично заявил он.

Беркутов перевел дыхание, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, постарался сконцентрироваться, отодвинуть болевые ощущения

на второй план.

Так. Нужна свобода передвижения!

– Тина, с меня ремень не сняли?

– Нет.

– Вот и славно! Надави посильнее в правый нижний угол пряжки.

Тина отодвинулась от него, придерживала руками и с сомнением поинтересовалась:

– Ты не упадешь?

– Нет, уже нет.

Она подползла к нему спереди. Пряжка ремня была маленькой, аккуратной с логотипом известной фирмы. Тина повозилась с ней, но смогла открыть, и в ладонь девушки выпал небольшой ключик.

– Это от наручников, – сказал Артем, – попробуй открыть мои.

– Ты Джеймс Бонд? – удивленно приподняла брови она.

– Нет, я только учусь.

Ей каким-то ловким образом удалось сразу, с первой попытки, открыть его наручники, или просто повезло.

Артем растер запястья, размял затекшие пальцы, повернулся к ней, кряхтя, как старый дед, – движения его все были еще заторможенными и плохо контролируемы. Он снял с нее наручники, рассмотрел пораненные запястья, поднес ее руки к губам и расцеловал.

– Очень больно? – спросил он.

– Да, но сейчас не до этого!

– Сколько у нас времени? – перейдя на деловой тон, спросил Беркутов, убирая ключ на место.

– Полчаса, может, и меньше, – ответила Тина.

– Нас охраняют?

– Да, один человек, но он не сидит под дверью, а наблюдает за территорией вокруг. Они вкололи нам что-то очень серьезное и уверены, что ты не очнешься так быстро.

– Это хорошо. Мне нужно несколько минут, чтобы собраться с силами.

Тина кивнула. Артем встал, прислушиваясь к своим ощущениям. Закрыв глаза и стал делать быструю дыхательную терапию, изгоняя боль и стараясь подчинить тело своей воле. Он несколько раз присел, нагнулся вперед, назад, сделал махи руками, какие-то резкие упражнения, покрутил головой.

– Все. Реакции, конечно, не те, но на большее, как я понимаю, нет времени, – вынес он вердикт и поинтересовался: – Кто нас взял, ты не знаешь?

– Ты отгибай решетку, а я буду рассказывать.

Артем подошел к девушке, взял в ладони ее лицо и поцеловал в губы. Быстро, без страсти и обещаний, но очень нежно. Еще раз внимательно посмотрел ей в глаза и отошел. Даже в такой странной и трудной ситуации его тело реагировало на эту женщину, как ему и положено.

«Ну что, Беркутов, ты скорее жив! – усмехнулся про себя Артем. – Ладно, попробуем вытащить, как выяснилось, единственную подходящую тебе в жизни женщину из этого дерьма! Хотя, похоже, что это она нас вытащит!»

От этого поцелуя Тина замерла, как под гипнозом, по телу разлилось такое приятное, необыкновенное тепло и захотелось закрыть глаза и побыть в этом ощущении подольше, и повторить поцелуй...

«Потом, Тина, – одернула она себя. – Это называется: в ненужное время и в ненужном месте!»

Артем встал на ящик и навалился на решетку, перенося на руки свой вес и отгибая ее наружу. Тина упиралась руками ему в спину, создавая дополнительный упор, и начала рассказывать подробно в деталях, как их схватили и все, что смогла увидеть, услышать и понять.

От напряжения у Артема перед глазамиплыли желтые и оранжевые светящиеся круги, но он отогнул решетку ровно настолько, чтобы можно было пролезть, закрыл глаза и перевел дыхание, давая себе пару минут, чтобы собраться с силами.

– А где мы находимся, они не говорили? – уточнил он.

– Нет. Ехали мы около часа, может, минут пятьдесят. Ты знаешь этих людей?

– Очень хорошо! Как родных! Нам бы с тобой телефон!

– Возле двери стоит стол, в него этот Воля сложил все наши вещи и телефоны в том числе.

– Давай-ка, Тиночка, выбираться!

Артем подтянулся на руках и, кряхтя и тихо матерясь сквозь зубы, вылез наружу. От этих упражнений у него закружилась голова, тошнота подкатила к горлу, но обращать на это внимание не было времени! Он лег на живот, протянул руки, ухватил Тину за локти, стараясь не задеть пораненные запястья, и вытащил девушку наружу. Они полежали, приходя в себя, потом присели, облокотившись на стену возле окна.

– Скажи мне, Тиночка, – тихо спросил Артем, – ты сможешь еще немного побыть такой же мужественной и сильной?

– Что, без боя не сдадимся? – уныло уточнила вводную Тина.

Единственное, о чем она сейчас мечтала, – бежать как можно дальше

и как можно быстрее! Бежать и прятаться!

– Надо добраться до телефона и вызвать Гришку с подмогой. Мы не сможем от них далеко уйти, понимаешь, а отсиживаться и прятаться где-то нам не дадут – они тут все в округе прочешут и найдут нас. Мы с тобой на свободе – для них сейчас как приговор!

– Ладно, пошли! – подумав, согласилась Тина. – Только там Боня, и он наверняка вооружен!

– Прорвемся! – оптимистично пообещал Артем и, не удержавшись, еще раз быстро поцеловал ее в губы.

– Идем? – спросила она.

– Ты бы лучше здесь посидела.

– Оно бы, конечно, и лучше, но с тобой мне как-то спокойней, да и вдруг тебе помощь понадобится?

– Ну, тогда идем!

Он взял ее за руку, и они, пригибаясь, двинулись вдоль стены здания. Входная дверь была распахнута. Тина с Артемом, стараясь не издавать лишних звуков, пробежали до двери на противоположной стороне.

– Створки громко скрипят и хлопают, – предупредила шепотом Тина.

Артем кивнул и осторожно открыл дверь, показывая девушке жестом, чтобы она не входила. Он проскользнул внутрь, осмотрелся, придерживая двери – никого не было, и махнул Тине – входи!

Они быстро нашли свои вещи. Артем нажал кнопку на телефоне – Гришкин номер в памяти, другой рукой рассовывая по карманам ключи и сигареты с зажигалкой. Тина повесила свою сумку наискось, через шею на плечо, чтобы руки оставались свободными.

– Положи к себе в сумку мою визитницу, – попросил шепотом Артем.

– Бывалый слушает! – ответили ему в трубку.

– Гриша! Нас с Тиной взяла бригада Косаря. Мы выбрались, но где находимся, не знаем. Какой-то заброшенный завод, минут пятьдесят, час езды от «Кузнецкого Моста». Косарь с товарищами прибывает минут через пятнадцать. Поднимай ОМОН, я попробую узнать, где мы, сам посмотри, что у нас по карте.

– Как ты?

– Целый!

– Девушка?

– В порядке.

– Беркут, ты там не геройствуй! Может, заляжешь, я вас по сотовому вычислю?

– Это долго, либо они нас найдут, либо смотаются! Все, перезвоню!

Послышался какой-то звук за дверью.

– Отойди за стол, – прошептал Артем.

Он сунул Тине в руки телефон и показал, как набрать Гришку, если что. Она кивнула и отошла туда, куда он ей показал.

Артем скользнул к двери неуловимым плавным движением и встал так, чтобы входящий его не видел.

«Ничего себе! – восхитилась Тина. – Только что еле двигался, прямо помирал, и такие танцы изящные выдает!»

Открылась дверь, вошел Боня и замер, увидев Тину.

– Привет! – сказала она и сделала ему ручкой.

– Какого...

Договорить он не успел, получив удар ребром ладони по шее. Боня рухнул на пол, издав непонятный булькающий звук, Артем быстро проверил его карманы, нашел пистолет и засунул его себе за пояс брюк.

– Тина, помоги мне! Быстрее! Его надо связать и вынести отсюда! Эх, жалко, наручники оставили!

– Чем связать? И зачем выносить?

– Пока они его искать будут, мы выиграем немного времени для Гришки.

Артем вытащил ремень из брюк у Бони. Быстро и как-то очень ловко связал ему руки за спиной и подхватил его под мышки, Тина взяла ноги. Как могли спешно, почти бегом, они потащили парня из здания. Выскочив на улицу, побежали к развалившейся сторожке у проходной, на которую кивнул Артем. Ворот уже не было, а сторожка осталась. Внутри высилась гора мусора, на которую Артем кинул Боню и довольно сильно похлопал его по щекам, приводя в сознание.

– А? Что? – очнулся Боня.

– Бонечка, – нежно обратился к нему Артем, – скажи-ка мне, где мы находимся?

– Тебя Косарь на куски порвет! – заорал Боня, пересыпая столь пламенную речь матом.

– Возможно, но только сначала я тебе кое-что отстрелю. – Артем достал пистолет, снял с предохранителя и ткнул Боне в пах.

– Не надо!! Я скажу! – не сильно сопротивляясь, торопливо «расколосся» Боня.

Тина уже набрала Гришкин номер и протянула трубку Артему.

– Бывалый!

Артем назвал место и как лучше подъехать.

– Выезжаем!

В это время зазвонил телефон на поясе у Бони.

– Так, слушай меня внимательно! – спокойно давал указания Артем. – Я пристрелю тебя не задумываясь, у меня есть все полномочия, основания и свидетельница, – он указал на Тину. – Сейчас ты ответишь, что все тихо и спокойно. Понял?

Он надавил на приставленный к паху Бони пистолет, нажал кнопку ответа и приставил телефон к его уху.

– Да, – прошептал перепуганный Боня. – Да нет, трезвый! Ты что, одна банка пива! – Он послушал, что ему говорят, и ответил: – Все спокойно, они еще не очухались, даже не двигаются! Никого не было! – Он выслушал ответ. – Хорошо, жду!

– Что сказали? – спросил Артем.

– Сказали, через сорок минут приедут.

– Вот и хорошо! Ты здесь полежишь.

Артем коротким, резким ударом отключил Боню и осмотрелся.

– Надо что-то для кляпа, на всякий случай.

Тина показала на порванный рукав своего пиджачка, Артем от предложения не отказался, кивнул, оторвал болтающийся кусок рукава и затолкал Боне в рот.

– Нам надо спрятаться, пока Гришка с ребятами подъедет.

Они выбрались из сторожки и вышли с территории завода. Впереди простиралась дорога, с одной стороны которой тянулся полуразвалившийся забор, огораживавший некогда заводскую территорию, а через дорогу высокий забор с колючей проволокой, за которым находились гаражи.

– Черт! – выругался Артем. – Придется прятаться на заводе! Это плохо – они нас быстро найдут! Остается надеяться, что Косарю будет не до нас.

Тина с Артемом вернулись к зданию, где их держали, и направились к следующему, «близнецу-брату», тоже некогда бывшему цеху.

Внутри такая же удручающая картина – ржавые разбитые станки, железные болванки, кучи мусора.

– Ты здесь спрячешься, а я вернусь к тому зданию, – сказал Артем. – Надо наблюдать за въездом и, если что, сориентировать Гришку по телефону.

– Нет! – возразила Тина. – Я понимаю, что это как в плохом детективе: героиня цепляется за героя, мешая ему действовать, но, во-первых, одной мне страшно, а во-вторых, ты держишься на одном адреналине и, если расслабишься, можешь отключиться. – Девушка усмехнулась. – И потом, всегда, когда эти дурацкие героини прячутся, их обязательно находят

злодеи.

Беркутов внимательно на нее посмотрел, усмехнулся в ответ и согласился.

– Тогда возвращаемся. Найдем удобную позицию.

Они вернулись к первому цеху, но внутрь не пошли, а заметив лежавшую недалеко от здания большую кабельную катушку, спрятались за нее. Артем сел на землю, устроившись так, чтобы видеть ворота и подъезд к цеху, а Тина села лицом к нему, облокотившись спиной о деревянную поверхность катушки.

– Так откуда ты их знаешь, Артем? – спросила девушка.

– Две недели назад мы с Гришкой и его ребятами арестовали некоего Фомина, он же Фоня, с одним из соратников, с поличным. Фоню разыскивали за убийство, он является лидером преступной группировки, а Косарь – его правая рука, тоже находится в розыске, как и остальные четверо. Все их деяния доказаны, есть свидетели и неопровержимые улики, так что всех ждет довольно внушительный срок. Вообще-то они проходят по другому ведомству, все это сложно и неинтересно, просто так случилось, что они засветились по одному из наших дел, мы их взяли и передали коллегам.

– Если я правильно поняла, убивать тебя эти типы не собирались?

– Да бог их знает! У них ко мне старые счеты, хотя такой мелкой «саявкой» я уже давно не занимаюсь, но крови им в свое время попортил немало.

– А я для них просто подарок небес, – добавила Тина, – они бы мною тебя шантажировали, заставляя закрыть дело?

– Дело закрыть нельзя, оно прошло через Петровку и через прокуратуру, это невозможно. Скорее всего, они хотели устроить с моей помощью побег Фоне.

– Понятно.

Она не стала выяснять, согласился бы Артем с их требованиями, когда Тина стала бы разменной картой, но он понял, о чем она думает, и ответил сам:

– Я бы согласился! Чтобы спасти тебя, я бы согласился на все, что они потребовали. Хрен с ним, с Фоней, в УБОПе очень толковые ребята работают, его бы быстро взяли, невзирая на всю его кажущуюся крутизну, и его шушеру тоже. Но это не гарантировало бы того, что люди Фони тебя отпустили бы.

– Я понимаю. Нам повезло, что этого не случилось!

Он положил ладонь ей на щеку, повернул ее лицо к себе, заглянул

в глаза и со всей серьезностью заявил:

– Случилось! Тина, я бы никому тебя не отдал и сделал бы все, чтобы вытащить!

– Я знаю!

Она действительно не сомневалась, что он бы ее вытащил! Даже и не из такой передрыги! Теперь она точно знала, что Артем вытащит ее откуда угодно!

– Тина, ты можешь рассказать еще раз подробно все, что запомнила?

– Могу.

Она начала рассказывать с того момента, как они подошли к машине, удивляясь, как все точно, буквально в деталях запомнила, буквально каждую мелочь. Страх обострил восприятие происходящего, помимо сознания, записав очень точно, как на видеопленку, все события.

– Кто-то едет, – прервал ее рассказ Артем.

Тина замолчала и услышала шум подъезжающей машины. Беркутов достал телефон и набрал Гришкин номер.

– Артем, мы у ворот, – сразу ответил Бывалый.

– Косаря с командой пока нет. Ждем-с. В сторожке отдыхает «упакованный» Боня. Давай, давай, Гришаня, машины скорее убирайте, они уже на подходе!

Он встал и помог подняться Тине.

– Бегом к машине! – скомандовал Беркутов.

И они побежали навстречу въезжающей на территорию черной «Волге», из которой выскочил Гришка, распахивая чуть ли не на ходу заднюю дверцу. Тина с Артемом заскочили на заднее сиденье, Гришка сел впереди, и машина рванула с места, объезжая здание цеха. За ними следовали два микроавтобуса с ОМОНа. В считанные секунды машины рассредоточились так, чтобы их стало не видно от ворот и входа в первый цех.

– Ну что, Гришань, – спросил весело Артем, – шоу начинается?

Тина видела, как из автобусов выскакивали бойцы ОМОНа и рассредоточивались, занимали позиции, а к ним подбежал командир отряда.

– Артем, ты как, живой?

– В порядке! Андрей, нас держали в дальней комнате цеха, перед ней есть небольшой «предбанник», метров пять. Они туда первым делом сунутся. И Боню искать не станут, поспешат пообщаться со мной.

– Разберемся, – пообещал командир и, посмотрев на окровавленные запястья Тины, предложил: – Девушку надо бы к нам в автобус, там врач.

– Я подожду, спасибо, – ответила Тина.

Из рации, которую держал в руке командир отряда, раздался голос:

– Две машины на подходе – «Вольво» и «БМВ».

– По местам, – отдал команду Андрей совсем другим, жестким тоном.

Артем вытащил и передал Гришке пистолет:

– Трофейный.

Гриша кинул его на полку к заднему стеклу, затем оба выбрались из машины и побежали к углу здания. Гриша на ходу достал два пистолета, один из которых передал Артему.

Само задержание произошло так быстро, что Тина ничего и не успела понять. Она услышала громкие крики, трехэтажный мат, и через пару минут, не произведя ни одного выстрела, ОМОН «упаковал» всех четверых. Их уложили рядком на землю – лицом вниз, руки сзади в наручниках, ноги широко разведены в стороны. Когда Артем проходил мимо «живописной группы», отдыхающей на земле, один из задержанных повернул голову и громко крикнул:

– Сочтемся еще, «важняк»!

– Уже, – ответил Артем. – Мне с такой шелупонью, как ты, возиться некогда, с тобой другие разбираться будут.

К Тине, которая стояла возле «Волги», подошел врач с большим медицинским чемоданчиком в руке.

– Идемте в автобус, милая, – обратился он к ней тоном, которым обычно разговаривают с душевнобольными, – вам надо руки перевязать и вообще осмотреть.

– А можно не в автобус? – спросила она. – Мне бы на воздухе.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться доктор. – Вы на подножку автобусную сядете, а я ваши ручки обработаю!

– Спасибо.

Он взял ее осторожно под локоток, подвел к автобусу и усадил на ступеньку. Внимательно осмотрев запястья девушки, раскрыл чемоданчик и принялся обрабатывать раны.

Тина отвернула голову, чтобы не смотреть. Она держалась из последних сил, не разрешая себе расслабиться и заплакать. Ведь все – все!! Бандитских дядек повязали, они с Артемом спаслись, и можно ничего больше не опасаться и расслабиться. Но именно этого и нельзя делать!

«Не смей плакать!! – прикрикнула она на себя. – Еще чего! Надо дотерпеть до дома! Совсем чуть-чуть!» – Она прикрыла глаза и стала себя уговаривать, успокаивать и даже поругивать, загоняя слезы назад.

Когда Тина открыла глаза, то с удивлением обнаружила, что вокруг

них с доктором собрались почти все участники задержания, кроме троих бойцов, охраняющих арестованных. Впереди, прямо за спиной сидящего на корточках доктора, стояли Гриша, Артем и Андрей, командир отряда, за ними омовцы в масках, с автоматами в руках и, вытягивая шеи, пытались рассмотреть, что делает врач.

Уже совсем стемнело, и место действия освещалось прожектором, установленным на одном из микроавтобусов, и фарами машин. Картина показалась Тине какой-то нереальной – темнота, ярко освещенная площадка перед автобусом; девушка, сидящая на подножке, перед которой присел доктор; стоящие полуколемом мужчины, ожидающие, что он скажет; лежащие на земле арестованные, о которых, казалось, все забыли.

Тине, охватившей все это сразу, одним взглядом, как бы со стороны, показалось, что она присутствует на спектакле или видит хорошо поставленную кульминационную сцену какого-то фильма.

– Почему они все на нас смотрят? – наклонившись к доктору, шепотом спросила она.

Он оглянулся на стоящих позади людей.

– А, это, – усмехнулся врач. – Все уже знают, как вы с «важняком» выбрались из комнаты. Вас считают героиней.

– Вы шутите? – с надеждой переспросила Тина.

– И не думал даже! – улыбнулся врач.

Тине стало неловко, и, чтобы разрядить обстановку, она быстро сменила тему и спросила деловым тоном:

– Скажите, доктор, у вас есть пустая пробирка или пузырек какой-нибудь?

– Есть, конечно, – удивился он.

– Я бы хотела попросить вас взять на анализ воду, которая стекает в той комнате по стене. Видите ли, мне пришлось поить Артема Константиновича. А в воде могут быть какие угодно микробы или вирусы или еще какая-нибудь дрянь, мы же не хотим, чтобы он заболел?

На секунду повисла полная тишина, которую нарушил Андрей:

– Конечно, не хотим! Будет очень обидно, если нашего «важняка» проберет понос!

И, разбивая ночь, тишину и нереальную картину происходящего, разразился, как раскат грома, всеобщий хохот. От дружного мужского «ржания» звенели стекла в машинах, а люди смеялись, хлопали друг друга по спинам, расслабляясь таким образом после проведенной операции и скидывая адреналин. Артем сел на землю, прикрыл глаза ладонью и хохотал так, что из-под пальцев по щекам текли слезы.

– Я что-то не так сказала? – спросила Тина смеющегося врача.

– Нет-нет! Вы сказали именно так и именно то, что надо! – продолжая смеяться, ответил он. – Сейчас я сделаю вам укол сыворотки, и мы отвезем вас домой, милая девушка. Руки ни в коем случае не мочить. Через день пойдете в поликлинику, сделаете перевязку. Что-нибудь еще беспокоит? Есть синяки, порезы, шишки?

– Наверное, есть, я пока не чувствую. Потом чем-нибудь намажу.

– Я дам мазь. – Он все еще улыбался.

Мужчины разошлись, поняв, что с ней все в порядке, и занялись более насущными делами. Возле Тины с врачом остались только Григорий и Артем.

– Артем Константинович, давайте я вас осмотрю, – предложил доктор.

– Со мной все в порядке, я просто мокрый и грязный.

– Мне надо обязательно узнать, что вам вкололи. – Врач усмехнулся и добавил: – Ну и, конечно, сделать анализ воды, девушка совершенно права.

– А сколько времени? – спросила Тина.

Ей казалось, что прошли, по крайней мере, сутки.

– Около девяти, – ответил Бывалый.

– Господи! – перепугалась она. – Ритка там с ума сходит, я же отключила телефон!

Тина быстро достала из сумки телефон и позвонила Рите.

– Тинка! Ты моей смерти хочешь?! – заорала подруга.

– Риточка, все в порядке! Я тебе все дома объясню. Ты где?

– Мы с Денисом давно у тебя дома, чуть с ума не сошли! На работе говорят, ты ушла на какую-то встречу и не вернулась, телефон у тебя отключен! Ты хоть представляешь, что я подумала?! – Рита сильно переволновалась и теперь орала, не обращая внимания на слова Тины.

– Рита, я скоро буду. – Она обратилась к Бывалому: – Сколько мне отсюда до дому ехать?

– Мы вас отвезем, – ответил он. – Где-то минут сорок.

– Ритуль, через сорок минут.

У Тины в горле стояли слезы, ей все тяжелее было держать спокойный ровный тон, особенно услышав голос Ритки, как совсем из другой, мирной жизни, – такой родной голос, даже когда подруга орет!

Тина торопилась закончить разговор, понимая, что еще совсем немного, какие-то миллиметры отделяют ее от истерики и бурных слез. Она почему-то очень стеснялась рыдать при этих мужчинах, но все-таки не отключала телефон, продолжая слушать Ритку, словно держалась

за нить, соединяющую ее через расстояние с любовью близких, заботой, уютной теплой кухней, где ее ждут.

Сделав глубокий вдох и несколько глотательных движений, Тина загнала тугой комком слез внутрь и сказала:

– Рита, наполни мне, пожалуйста, ванну. У нас есть что-нибудь из еды?

– Да полно у нас еды, ненормальная! Ты же целую гору наготовила, и я продукты привезла! – Тут подруга замолчала, почувствовав, что все гораздо серьезней, чем она себе представляла, и совсем другим, осторожным тоном поинтересовалась: – Тиночка, ты в порядке?

– Не совсем. Я не могу сейчас говорить. Скоро буду! – И она быстро отключила телефон.

Артем встал с земли, подошел к девушке, внимательно слушая ее разговор и вглядываясь в лицо. Он видел, что она держится из последних сил, исключительно на силе воли, видел, как заострились ее скулы и выступили темные круги под глазами. Как чуткий приемник, настроенный на эту женщину всем телом и умом, он улавливал ее напряжение, состояние, близкое к истерике.

– Все, Тина, поехали. Серега нас быстро доведет, – сказал Беркутов, беря ее за руку.

– Да, пожалуйста, мне действительно надо быстро.

Артем помог ей подняться со ступеньки, обнял одной рукой за талию и повел к «Волге», но Тина остановилась и обратилась к Бывалому:

– Григорий...

– Павлович, – подсказал тот и разрешил: – Можно просто Гриша. Вам, Тиночка, теперь все можно!

– Спасибо! Поехали с нами. Я думаю, нам всем срочно надо выпить! – пригласила она и, улыбнувшись через силу, добавила: – И закусить!

– Тиночка, драгоценная вы моя, да вам цены нет за мудрость и понимание! – воспел хвалу женщине Бывалый.

Ритка открыла сразу, Тина и не успела убрать палец от кнопки звонка, а дверь уже распахнулась.

– О господи! – воскликнула Ритка, обзрев внешний вид подруги, и отступила.

– Тина! – закричал Денис, выскакивая в прихожую.

Он остановился перед ней на полном скаку, широко распахнутыми глазами оглядывая ее всю, с головы до ног, и строго спросил:

– Тина, что случилось?! Почему вы с Ритой мне ничего не рассказали, мы же, кажется, договаривались – никаких секретов друг от друга!

Взрослые молчали. Григорий с Артемом поразились: перед ними стоял не двенадцатилетний мальчик, а маленький мужчина.

Этот маленький мужчина, не по годам много понимавший и видевший, любил обеих женщин глубоко и преданно, боялся за них и готов был защищать от любых трудностей.

И тут Тина не выдержала, наконец, отпустив все свои внутренние тормоза и перестав бороться с собой, шагнула в квартиру, протянула к Денису руки и заплакала.

– Деничка, я не могу тебе рассказать, у меня просто нет сил это рассказывать! Пусть кто-нибудь другой все объяснит!

Денис кинулся к ней, обнял и крепко прижался, став опять маленьким мальчиком.

– Тиночка! Не плачь, пожалуйста. – Он повернул голову к маме и сказал: – Рита, дай ей водки скорее, ей же больно! Тиночка, тебе очень больно?

– Да, очень! У меня как-то все сразу заболело! – плакала, уткнувшись ему в макушку, Тина.

Мужчины переглянулись, не понимая, что происходит и почему ребенок предлагает такое лечебное средство. У них что, заведено пить в семье? Водка в чести?

Рита очнулась от первого испуга, кинулась к Тине, обняла их с Денисом, начав плакать в унисон с подругой. Она посмотрела через плечо Тины на Артема и Гришку и, увидев их недоумение, смешанное с большой долей осуждения и настороженности, пояснила:

– На Тину не действуют никакие обезболивающие средства, вообще никакие! Только от водки она может немного опьянеть и, главное, ненадолго притупить боль. Там, в морозилке, на кухне, есть бутылка. Кто-нибудь, налейте ей скорее!

Артем отодвинул обнимающуюся и рыдающую троицу и быстро прошел в кухню. Схватив первый попавшийся стакан с полки, он скомандовал:

– Гришка, тащи их всех сюда! Надо остановить эти реки слез!

Конечно, Беркутов понимал: невзирая на то, что Денис сильный человек, он все-таки еще ребенок, а женщинам сейчас необходимо почувствовать мужскую защиту и силу и чтобы кто-то руководил и дал возможность побыть слабыми.

Гришка зашел в кухню, одной рукой обнимая за плечи Тину, другой таща за собой Риту, Денис шел впереди всей процессии.

Артем протянул Тине стакан, наполовину наполненный водкой.

– Выпей!

– Налей всем, кроме Дениса, конечно. Давайте вместе выпьем, – сказала она, принимая стакан из его руки.

Они не сели за стол, а выпили стоя и молча, понимая, что эта рюмка боевая, не требующая закуски, а ставящая точку в сегодняшнем испытании. Все остальное – застолье, питье – это уже расслабляющее, снимающее стресс и смывающее с души остатки страха.

– Рита, тебе придется меня помыть, мне нельзя мочить руки.

– Идем, моя хорошая, сейчас будешь чистая и красивая!

– Артем, вы втроем сможете на стол накрыть?

– Конечно! Иди купайся, мы разберемся. Денис, покажешь, что здесь и как?

– Покажу. А вы кто?

– Меня зовут Артем Константинович, – ответил он, провожая взглядом Тину с Ритой, заходящих в ванную. – А это Григорий Павлович. Мы оба следователи, я из прокуратуры, а он с Петровки.

– Ух ты! – восхитился Денис. – А вы расскажете про задержания всякие?

Денис обостренным детским чутьем принял этих двух мужчин сразу, почувствовав, что им можно доверять, и расслабился, передавая всю ответственность взрослым.

Они сидели за столом вчетвером. Денис стоял возле Тины, не отходя от нее ни на шаг, и все поглаживал ее по спине ладошкой.

Пока Тина мылась, она выплакала все свои слезы, страхи, воображаемые ужасы возможных вариантов развития событий. Она почти успокоилась, когда отправила купаться Артема, и они с Риткой перерыли весь дом, подбирая ему хоть какую-нибудь одежду. Торопясь поставить точку в отношениях с Алексеем, она собрала все до единой его вещи, впрочем, ни одна из них, даже если бы и осталась, Артему не подошла бы по размеру.

Тина достала свою любимую футболку огромного размера, которую привезла с Кипра. Футболка была мягкой, уютной и доходила ей до колен, а Артему оказалась слегка маловата. В углу шкафа девушка нашла джинсы, когда-то давно подаренные Лешке его мамой. При примерке джинсы оказались на несколько размеров велики Алексею. Посмеявшись, что мама купила сыночку штанишки «на вырост», Тина засунула их в дальний угол и забыла. Сейчас онигодились. Правда, оказались коротковаты героическому следователю.

Экипировав Артема, Тина затолкала в стиральную машину все его вещи и остатки своего костюма, окончательно сбрасывая с себя истерию этими нехитрыми бытовыми действиями.

– Все, все! Хватит суеты! – торопил всех Гришка. – Девочки, за стол!

Когда все наконец расселись, он поднял полную рюмку и предложил тост:

– Ну что, с боевым крещением, Валентина!

– Это точно! – согласилась она.

Они выпили и стали быстро закусывать, обнаружив, что все очень голодные, да и стол, уставленный яствами, располагал к этому.

– А вот скажите мне, Тина, – начал Гришка, с аппетитом наворачивая плов, приготовленный ею накануне, – как я понял, вам тоже всадили укол, такой же, как и Артему?

– Да.

– Тогда почему вы не отключились? А?

Он оставался следаком всегда, при любых раскладах, наверное, даже во сне.

– Все дело в том, что у меня с рождения неправильный обмен веществ, какой-то необыкновенный. В медицинских терминах это звучит очень заумно, а если просто, то я не воспринимаю никаких психотропных, снотворных, обезболивающих средств, организм их сразу нейтрализует. Мама все время боялась, чтобы я, не дай бог, что-нибудь не сломала или не пришлось бы делать операцию. Правда, мне не проводили анализ на уж очень сильнодействующие препараты, но все более или менее известные лекарства, влияющие на нервную систему, на мне испытывали.

– То есть тебе невозможно снять боль? – спросил Артем.

– Может, сейчас и есть какие-нибудь новые средства, которые на меня подействуют, но я таких пока не знаю.

– А спиртное, наркотики? – спросил Гриша.

– Нет, – засмеялась Тина. – Меня врач сразу обрадовал, что ни наркоманкой, ни алкоголичкой я никогда не стану. Единственное, что ненадолго притупляет боль и от чего я могу, тоже ненадолго, опьянеть, – это водка. Наверное, потому, что она натуральный продукт, но я ее не очень люблю.

– Я думаю, что как раз ваш обмен веществ самый правильный, – заявил Гриша и предложил: – Выпьем!

Предложение было поддержано и реализовано.

– Тиночка, – задушевым голосом попросил Бывалый, – я вас очень прошу, расскажите, как все произошло, если, конечно, это не вызовет

новый поток слез.

– Не вызовет, я уже в порядке. Только у меня большая просьба: не заставляйте меня излагать это на бумаге, вы лучше сами все напишите, а я подпишу.

– Конечно! – быстро согласился Григорий.

Тина усадила Дениску рядом и строго велела ему кушать. У него горели глаза от любопытства. Все переживания, слезы с чисто детской непосредственностью были мгновенно забыты.

Артем слушал рассказ Тины и не мог оторвать от нее взгляда. Он видел, что она совсем успокоилась, справилась со своей истерикой, пережив ее как быструю грозу, и восхищался девушкой. Рита с Денисом бросались гладить и успокаивать ее в особо напряженных местах повествования, вызывая в Артеме радость от того, что у Тины есть такие родные и близкие люди рядом, и... ревность.

Какого черта!

Это он хотел успокаивать ее, держать на коленях, прижимать к своей груди, вытирать слезы. Поймав себя на этих мыслях, Беркутов усмехнулся. Он старался смотреть в окно, по сторонам, себе в тарелку – куда угодно, только не на нее.

Но взгляд помимо воли возвращался к Тине, как стрелка компаса, всегда указывающая на одну сторону света, он весь был направлен на нее.

«Кого я пытаюсь обмануть? Я же все уже про нас понял, почувствовал! Так какого черта?! Да! Пора на пенсию, хреновый из тебя следователь, Беркутов, если пытаешься убежать от очевидных фактов! Ну и что теперь делать с этими фактами?»

Тина закончила рассказывать, но Гришка продолжал задавать вопросы. Он рассказал Рите про Фоню, так сказать, предысторию их с Артемом похищения.

Дениска только не пицал от восторга, уже безоговорочно обожая этих мужчин и предвкушая, как все расскажет друзьям. Григорий, уловив его настроение, спустил мальчика на землю:

– Дениска, ты же умный парень и понимаешь, что о том, что ты здесь услышал, никому нельзя рассказывать – тайна следствия! – напустив строгости, сказал он.

– Да? – разочарованно протянул Денис.

– Да! Или с тебя взять подписку о неразглашении?

– Не надо! Я все понимаю, не маленький! – возмутился Денис, тут же вспомнив про мальчишеские «понты».

– Вот и хорошо!

– Тина заснула, – шепотом сказала Рита, показав на подругу, которая спала, положив голову на сложенные на столе руки.

– Не буди, – прошептал, поднимаясь со стула, Артем. – Я ее отнесу, покажи куда.

Артем поднял Тину на руки, прижал к себе, постоял так пару мгновений, разглядывая ее лицо.

«Давно бы так!» – подумал он, успокаиваясь.

Он уложил ее на кровать, и она сразу, не просыпаясь, перевернулась на живот, устраиваясь поудобней. Артем погладил ее по голове, потрогал длинные тонкие пряди волос, которые так нравились ему и придавали ей некую незащищенность, наклонился и поцеловал спящую в щеку.

Они перешли на «ты» не раздумывая. В той ситуации, в которой они оказались, на «вы» было никак нельзя. А в «ситуацию» они, между прочим, попали по его вине! Беркутов подставил дорогую ему девушку и себя, а все потому, что ему, видите ли, ударили гормоны в голову, он расслабился и не контролировал происходящее!

Как можно было не заметить эти пассы вокруг машины!!

Ему хотелось улечься рядом с Тиной, прижать к себе, чтобы почувствовать, что она в порядке, здесь, с ним, но, пересиливая себя, все свои желания, погладив еще раз по голове, Артем тихо вышел из спальни и притворил за собой дверь.

Тина проснулась посреди ночи, как от толчка, сразу выходя из состояния сна.

Болело все: запястья, ладони, ссадины на коленях и локтях, длинная царапина на бедре, даже кончики пальцев, пораненные в борьбе с решеткой. Ныли все мышцы, запоздало реагируя на стресс и непривычные нагрузки.

Она села и осмотрелась.

На ней была надета шелковая ночнушка, в которую заботливо передела подругу Ритка. Рядом на кровати, обнявшись, спали Дениска с Ритой.

Стараясь не стонать и не кряхтеть от боли, Тина выбралась из постели, накинула шелковый халатик и поплелась в кухню. Сна не было ни в одном глазу, приходилось срочно как-то отвлечь себя от боли каким-нибудь действием.

Тина со студенческих лет любила ночь, она любила работать ночью в тишине, когда никто не мешает. Ей нравилась эта особая атмосфера и уютность ночи, ее загадочность. Не желая разбивать эту таинственность

ярким светом, девушка зажгла над столом бра и включила электрический чайник.

В кухне был наведен, наверное Ритой, полный порядок – никаких следов поздних посиделок.

«Спасибо, Ритуль!»

Тина любила свою уютную кухню и терпеть не могла, когда оставалась грязная посуда.

Ожидая, пока закипит чайник, девушка подошла к окну и уткнулась лбом в стекло, рассматривая ночную улицу.

Желтые фонари освещали деревья вдоль дороги, проехал одинокий автомобиль, слышалась песня, выводимая чьим-то пьяненьким хором, доносился низкий, никогда не затихающий гул ночной Москвы.

– Руки болят? – раздался голос за спиной у Тины.

От неожиданности она вздрогнула и резко обернулась.

В проеме двери стоял Артем, одетый только в джинсы, босиком и с голым торсом.

– Ты меня напугал!

– Извини, я не хотел.

Он притворил за собой дверь, подошел и посмотрел ей в глаза.

Они смотрели друг на друга, как будто остановив время и ощущая нечто нереальное – узнавание, признание, единение, проваливаясь куда-то в непознанное, может, друг в друга, в глубь веков, бог его знает!

Но точно – вместе!

Громко щелкнул в полной тишине, как выстрелил, закипевший чайник, разбивая это взаимное познание и возвращая их в действительность.

Артем дотронулся кончиками пальцев до щеки девушки и, забыв придать вопросительности предложению, сказал:

– Ты выйдешь за меня замуж!

– Ты спрашиваешь или утверждаешь? – почему-то шепотом, не отводя от него глаз, спросила Тина.

– Утверждаю!

Беркутов, оторвав ее от пола, крепко прижал к себе своими сильными, самыми замечательными в мире руками! Тина повисла на нем, сцепив руки и ноги у него за спиной. А он подтянул ее повыше, одной рукой подхватив под попку, другой крепко обняв за спину, и стал не спеша расхаживать по кухне, слегка покачивая, пытаясь унять ее боль в запястьях.

Он чувствовал ее всю и чумел от этих ощущений, точно зная, что она его, вся, вместе с этим халатиком и ночнушкой и всеми трудными мыслями в голове, и даже с не изжитыми до конца детскими комплексами.

Тина чувствовала возбуждение Артема, даже его мысли чувствовала, словно слышала! Положив голову ему на плечо, она вздохнула и сказала:

– Я о тебе ничего не знаю, кроме таких незначительных деталей, как то, что ты носишь ключ от наручников в пряжке ремня.

– А я тебе все расскажу! – весело пообещал он.

Беркутову приходилось постоянно напоминать себе, что Тине больно и единственное, что ей сейчас нужно, это успокоение и утешение. Ему казалось, что рука, поддерживающая ее под попку, посылает сигналы не в мозг, а ровно в противоположном направлении.

– Нам нельзя, – помогая ему, сказала Тина. – В целом, потому что у тебя уголовное дело, где я главная подозреваемая или фигурантка, как там у вас это называется. И в частности, потому что в доме спят гости. Давай, что ли, чаю попьем и поговорим.

– Знаешь, – тихо предупредил он, – сейчас эти «нельзя» меня вряд ли остановили бы! Но нам нельзя – ты вся в порезах и царапинах.

– А это вряд ли бы остановило меня, – в тон ему ответила Тина.

– Молчи, женщина! А то люди в доме прослушают полный курс необузданного секса!

Он усадил ее на стул и, поцеловав в лоб, отошел – подальше от искушения.

– Молчу! Чаю?

– Давай лучше водки! А то я от стресса так и не принял со всеми за ужином, думал, может, тебя потребуется в больницу отвезти.

– А давай! – согласилась она. – Составлю тебе компанию, может, болеть так сильно перестанет.

– Ты сиди, – остановил ее Артем, когда Тина поднялась. – Я сам все достану.

Он открыл холодильник и начал выставлять на стол остатки закуски, аккуратно завернутые Ритой вместе с тарелками в целлофан, выставил початую бутылку, достал с полки две рюмки.

Тина зачарованно следила за его действиями, она поймала себя на том, что еще никогда не видела, чтобы мужчина накрывал на стол. Папе мама никогда не позволяла, а Лешка... Смешно.

Артем, расставив все на столе, разлил водку по рюмочкам-мензурочкам и сказал тост:

– За обезболивание!

Они чокнулись и выпили, и, с удовольствием хрустя соленым огурчиком, Артем сообщил:

– Сразу снимая лишние вопросы, сообщаю: я не женат и детей у меня

нет.

– А был? – заинтересовалась Тина.

– Был, три года назад, развелись. А про тебя у меня все запротоколировано.

– Ужас какой-то! Никаких секретов и женской таинственности!

– В тебе целый вагон женской таинственности! – рассмеялся он. – А разгадывать секреты – моя специальность.

– Почему ты выбрал эту профессию?

– Ты знаешь, что ты совершенно неординарная? – спросил Артем весело. – Вместо того чтобы спросить про жену и почему я развелся, что логичнее для женщины, ты спрашиваешь о выборе профессии!

– Ну хочешь, спрошу, почему развелся? – спохватилась Тина, хотя почему-то это было ей не так интересно.

– Давай еще по одной? – предложил он.

– Давай.

Выпив, Артем задумался, посмотрел в темное окно, пытаясь сформулировать ответ для себя самого.

– Удивительно, но я только сейчас понял, что никогда не задавал себе такого вопроса. Школу я окончил с золотой медалью и после армии поступил на юрфак МГУ как-то легко, без всякого блата.

Артем встал, взял со столешницы сигареты, открыл пошире форточку и закурил, давая себе время сосредоточиться.

– Мое поколение приняло на себя весь перелом – переход от одной жизни к другой. Мы начинали учебу в Союзе, а закончили в России, после полного развала страны. Еще в университете все кинулись в кооперативное движение, в зарабатывание денег. И к диплому как-то незаметно все поделились на богатых и не богатых, еще не бедных, но уже других. И все как обычно: богатые презирают бедных за неумение крутиться и зарабатывать и за большую степень свободы от денежных знаков; бедные – ненавидят богатых по исторически сложившейся традиции. Что удивительно, ничего делать не будут, даже не попытаются, просто лежат на диване или пьют водку и ненавидят! Те, кто почувствовал вкус денег, утратили чувство грани, за которой надо остановиться, чтобы остаться человеком. Те, кто, ничего не делая, просто ненавидят, доводят этим себя до шизы и деградации. Мне не нравятся оба полюса! Я за то, чтобы всеобщий психоз денег, захлестнувший страну, не распространял вирус ненависти, как заразу. Я точно знаю, что для этого нужны простые действия, типа «вор должен сидеть в тюрьме»! Человек должен знать, что наказание неотвратимо для всех, независимо от размеров кошелька

и должности. Я понимаю, что это звучит пафосно, да и с органами власти и законами у нас пока беда, но начинать надо с себя. И про взятки и коррупцию все понимаю, в моей работе это вокруг и рядом. Казалось бы, хороший мужик, и знаешь его отлично, и столько дел вместе раскрутили, а выясняется... Постоянно. Мне это претит. Поэтому я постою на рубеже, зная, что если дело проходит через меня и человек действительно виноват, я доведу его до суда, чего бы мне это ни стоило.

Артем замолчал, удивляясь, чего это он вдруг так разошелся, хотя кому, как не Тине, пытаться объяснить свою позицию. И уже спокойнее, как-то по-мальчишески добавил:

– А еще мне очень нравится переигрывать противника, вычислять его! Расщелкивать все его схемы!

– Значит, любишь побеждать! – заметила Тина, слегка обескураженная его откровенностью и такими глубоко личностными мыслями, которыми Беркутов решился поделиться с ней. – А мне всегда было жаль, – усмехнулась девушка, – в книгах или в кино, когда мошенник придумывал замечательно умную, закрученную схему, а его вычисляли.

– Синдром Робин Гуда, – кивнул Беркутов. – Всем кажется, что обманывают и обворовывают только богатых и вообще каких-то самих виноватых и глупых. Увы, в нашей стране все мошенничества рассчитаны на малоимущих людей и далеко не идиотов.

– Ты прав. И потом, пока лично человека не коснется какое-нибудь несчастье и криминал, ему кажется, что лично с ним ничего плохого произойти не может.

– Тебе как, полегчало? – спросил он, возвращаясь за стол.

– Не очень, – честно призналась Тина.

– Тогда, может, еще по одной?

– Давай! – согласилась она.

Тина достала из холодильника томатный сок, налила себе в стакан, вернулась, села на свое место и, взяв рюмку, сказала:

– Постараюсь быть обычной, логичной женщиной!

– Боже меня упаси! – изобразив на лице ужас, воскликнул Артем и демонстративно выпил стопку.

– Я к тому, – пояснила Тина, – что надо спросить: «Почему вы развелись?»

– О господи! Мне так нравилась твоя неординарность, а ты все портишь!

– Начинается! – рассмеялась Тина. – Мужские увертки?

– Нет-нет! Все просто: у меня такая работа... как бы объяснить...

полная сюрпризов, что ли, и ненормированная.

– Ты хочешь сказать, что сегодняшняя, вернее, уже вчерашняя ситуация – это будни следователя?

– Ну не будни, но всякое случается. Часто дома не ночуешь, сутками пропадаешь, неожиданно куда-то уезжаешь в самый неподходящий момент, любые праздники и даты, как правило, испорчены, потому что я срываюсь и убегаю или вообще отсутствую. И женщина не знает, где ты и что делаешь, а предположить можно что угодно. Мы с Ольгой поженились пять лет назад, учились на одном курсе и давно друг друга знали, а через два года развелись.

– Если я правильно поняла, то ты говоришь о полном, практически безоговорочном доверии?

– Да, именно о нем!

Артем расслабился, у него даже мышцы расслабились от того, как правильно она поняла то, что он и сформулировать-то не мог. Именно – безоговорочное доверие, обоюдное, не как чувство долга или степень ответственности, а как нечто врожденное, естественное. В их с Гришкой профессии только так можно жить в семье. Ничего другого – ревность, проверки, подозрения – невозможно. Встретить женщину, свою женщину, которая, даже увидев тебя в обнимку с другой, будет верить тебе, понимая, что в твоей работе возможно всякое; не использовать эту веру, не манипулировать ею, как марионеткой, прикрывая свои грешки, а жить этим, хранить это, как дар Божий, – это было практически нереально!

– В то время я вел несколько дел одновременно, и большая часть фигурантов старалась повлиять на следствие – взятки, шантаж и тому подобное. Когда я отказался от очередного такого «предложения», Ольге прислали фотографии, где была снята постельная сцена с проституткой и мной. Очень хороший монтаж. Я объяснил, и мой начальник с ней разговаривал и объяснял, что это провокация. Оля поверила, но принять это так и не смогла.

Он вспомнил, как Ольга рыдала, собирая свои вещи. Артем споткнулся о сумки, когда, вернувшись с работы, вошел в квартиру.

– Оля, ты уезжаешь?

– Я ухожу, Артем! – рыдая, ответила она из кухни, так и не выйдя ему навстречу.

Не разуваясь, он прошел в кухню, налил из крана стакан воды и протянул ей.

– Не плачь!

– Я не могу! – Она отпила воды и держала двумя руками стакан

на весу. Слезы катились по щекам, делая ее старше и некрасивой. – Я не могу, – повторила Ольга. – Я верю, что это не ты: мне показали у тебя на работе, как был сделан монтаж, но я все время представляю тебя с этой женщиной! Больше я так не могу, я с ума сойду! А если мне еще раз такое пришлют? А если тогда это будет не монтаж? Я все понимаю – нам про это лекции читали в университете, я знала, за кого выходила замуж, и понимала, какая у тебя работа. Но я так больше не могу, я просто слабая, наверное.

– Иди, Оля, так будет лучше, – освобождая ее от всего сразу, согласился Артем.

После ее ухода он долго сидел за столом – включал и выключал чайник несколько раз, так и не налив себе чаю, курил и думал.

К утру он сделал вывод: его работу и семью совместить невозможно! Только необыкновенная, ненормальная и очень родная женщина сможет принимать его работу именно в этой стране и в это проклятое время! А поскольку таких женщин в природе не существует, проще одному.

– Это трудно, Артем, – возвращая его в действительность, сказала «не существующая в природе» женщина. – Это очень трудно. Может, ты просто ее не любил и она чувствовала это, или любил не до такой степени, чтобы она могла тебе слепо верить?

– Скорее всего. – Он посмотрел на девушку и пояснил: – Мне ведь надо было встретить тебя.

– Пьем? – раздался от двери суровый шепот.

Тина и Артем повернулись на голос и увидели Бывалого. Следак вошел, притворил за собой дверь и все тем же суровым шепотом возмутился:

– Втихушку! А про боевого товарища, можно сказать героя Петровки, забыли!

– У нас самообслуживание, бери тарелку, рюмку и садись, герой Петровки! – рассмеялся Артем.

– Что вы, что вы! – замахал на него руками Гришка. – Разве ж можно, гражданин начальник! Конечно-с мы сами-с – и возьмем, и нальем-с!

Гришка быстро все нашел, точно зная, где что стоит и лежит, очередной раз удивив Тину, – сыщик, как говорится, и в Африке сыщик – один раз посидел за столом и отложил в памяти все мелочи.

– Ух ты! – не удержалась она от восхищения.

– Уж извините-с, – понял ее сразу Гришка, – такие вот мы. Издержки профессии, знаете ли.

Он быстро налил всем водки, поднял рюмочку и, вздохнув, обратился к Тине, переходя на «ты»:

– Намаешься ты с ним, ох намаешься! – И опрокинул в себя водочку, не ожидая остальных, крикнув от удовольствия.

Он все про них понял, еще там, когда они вдвоем бежали к машине.

Вот именно – вдвоем! Как одно целое, как команда – без истерик, без выяснения, кто главней и умней и кого надо слушаться. Это считывалось сразу и было понятно без слов, причем не только ему. Это поняли все ребята, и Андрей, садясь в автобус, сказал:

– Все, попал Беркутов! Но на этот раз в десятку! Нет, ну какую девчонку отхватил, а! Везет нашему «важняку»!

– Да, – вздохнул Гришка, – пропал товарищ!

– Что здесь происходит? Вы что, опупели? Три часа ночи, а вы водку пьете? – прошипела с порога кухни Ритка.

Она была в халате, с примятым ото сна лицом и щурила глаза, отворачиваясь от света.

– Ночное совещание, – ответил Гришка, улыбаясь. – А ты, Ритуль, как я понимаю, не будешь?

Он безоговорочно, всей своей знаменитой ментовской печенкой, чувствовал этих двух девчонок, уважал и радовался, что такие женщины есть в жизни, с удовольствием переходя на «ты», без лишних церемоний. Уже познакомившись с Риткиным характером, Бывалый с нетерпением ждал, что она непременно поднимет брошенную «перчатку».

И Ритка его не разочаровала.

– Григорий Павлович, – ответила она официальным тоном, усаживаясь за стол, – вы ведь, говорят, один из самых крутых следователей, значит, хороший психолог. Неужели вы не знаете, что перед женщиной нельзя зажигать красный свет: она воспринимает его как призыв к атаке! Наливайте!

– Уважаю умных женщин, – рассмеялся Гришка, быстро поднимаясь и ставя перед ней рюмочку и тарелку.

– А я галантных мужчин, – поддержала его Ритка.

Артем с Тиной переглянулись, слушая их диалог, и усмехнулись – «да уж, с этими не соскучишься»!

– Артем, мне ужасно любопытно, почему вы носите в пряжке ремня ключ от наручников? – не удержалась от вопроса Ритка.

– Риточка, раз пошла такая песня, давайте на «ты»?

– Легко! И с удовольствием! – согласилась Рита.

– Это подарок, – объяснил Артем. – Как-то я вел одно дело, и «ребятки», проходящие по нему, решили «побеседовать» со мной более тесно, так сказать. Мне пришлось отказаться от их гостеприимства и протопать десять километров по лесу в наручниках. Все обошлось, как видите, но через два дня мой начальник в паре с Гришкой преподнесли мне этот подарок – универсальный ключ от любых наручников в пряжке ремня. С тех пор и ношу.

– «Какая у людей интересная жизнь: туда ехали – стреляли, назад едут – опять стреляют!» – процитировала Тина фразу из старого фильма.

– Господа! – обратился ко всем Григорий. – Коль мы все не спим в это замечательное время суток и собрались такой тесной компанией, предлагаю побеседовать по существу Тининою дела. А в частности, объясни мне, Тина, кто может иметь причину тебя подставить?

– Не знаю! Честно, Гриша. Мы с Ритой всех друзей и знакомых перебрали, все думаем – кому это нужно. Но так ничего и не надумали.

Ритка перешла к делу, становясь собранной и деловой:

– Получается, что кто-то очень хочет засадить ее за решетку?

Артем с Григорием одновременно кивнули, соглашаясь.

– Я составила список всех друзей, подруг, мужей подруг, даже старых знакомых. Прошлась по каждому, стараясь вспомнить, до мелочей, их претензии и обиды на Тину, но... ничего – пустой номер!

– Может, все-таки к Тине это не имеет отношения? – задумчиво сказал Григорий. – Кто-то использует ее в качестве дымовой завесы.

– Нет! – Тина решила произнести свои выводы вслух. – Я чувствую, что этот человек ненавидит именно меня. – Она помолчала и добавила: – И еще чувствую, все, что случилось, – это только начало, дальше будет еще запутаннее и конкретнее, что ли. И я просто не представляю, кто это может быть и что ему от меня надо!

– Тиночка, – взяв ее ладошку в свои руки, успокаивающе сказал Григорий. – Ты же умница, не бойся. Мы обязательно разберемся! – И, оставаясь следователем всегда, спросил: – Почему ты уверена в этом?

– Я не знаю, принимаешь ли ты во внимание ощущения или только факты, но когда мне позвонили, я слушала дыхание на другом конце телефонной линии и чувствовала ненависть. Вот прямо физически чувствовала. Это я потом сообразила, что этот человек проверяет, арестовали меня или нет.

– Как это ни прискорбно, – сказал Артем, – но должен сообщить, что надо ждать развития событий. Его надо провоцировать на действия, при этом ты не должна оставаться одна. А он ни в коем случае не должен

об этом знать.

– Мы с Денисом можем переселиться к Тине, – предложила Ритка.

– Ритуля, это не катит! – возразил Гришка. – Ты же юрист и должна понимать, что твои показания как подруги, почти родственницы, и показания Дениски как несовершеннолетнего не имеют силы.

– Может, я перееду к ней или она ко мне? – с сомнением предложил Артем.

– Беркут, то, что ты предлагаешь, это форма защиты, и ничего более. Вы себя со стороны видели? – спросил ехидно Гришка. – От вас же искры летят в разные стороны! И как только «это» произойдет, а произойдет «это» в ближайшее время, тебя тут же отстранят от дела. И все, ты выпадаешь сразу! Поэтому, как старший товарищ, рекомендую вам до конца следствия держаться друг от друга подальше.

– И что мне делать? – спросила покрасневшая от такой прямоты Тина.

– Будь все время среди людей: на работе с утра до вечера, принимай участие во всех корпоративных пьянках, иногда оставайся ночевать у друзей и подруг, – ответил Гриша. – Словом, все время помни об алиби и своей безопасности. И главное, Тина, не бойся, не поддавайся панике! Ты ведь у нас умница, ты сегодня всем это показала!

– Я не удержалась и все-таки разузнала про этого адвоката, – голосом провинившейся школьницы сказала Ритка.

– И что? – сразу делая «стойку», спросил Бывалый.

– Пользуется известностью, у него безупречная репутация, вообще не лох какой-то, а вполне грамотный адвокат. Я не стала уточнять, как его нанял «клиент», чтобы не вызвать подозрений, – это уже ваша работа.

– Кстати, о работе, пошли спать, завтра у всех трудовые будни, – предложила Тина. – Бог с ним, с этим злодеем. Утро вечера мудренее.

– Тогда посошок! – согласился Гришка.

Они выпили, и все сразу встали, убирая посуду и остатки закуски. Ритка и Гришка тихо ретировались, не мешая говорить Артему с Тиной. Он обнял ее, уперся подбородком в ее макушку и, вздохнув, сказал:

– Иди, спи. Нам действительно нельзя, Гришка прав. Бросать тебя в этом деле я не намерен и доведу его до конца, а если мы будем рядом, то неизбежно окажемся в кровати.

Он отстранился, поднял двумя пальцами ее лицо за подбородок, так, чтобы посмотреть в глаза.

– Мы его вычислим! Только помни, что при любом непонятном или случайном происшествии, даже если просто чьи-то слова тебе не понравились и насторожили, – сразу звони мне или Гришке.

Договорились?

Тина кивнула в знак согласия, прекрасно понимая, что никто – ни Артем, ни вся «королевская рать», ни она сама не могут застраховать ее от изворотливости ума и горячей ненависти преследователя.

– Иди, спи, – повторил Артем.

Он отпустил ее, не позволяя себе даже легкого прощального поцелуя – для одного дня испытаний силы воли было более чем достаточно!

Утром Артем облачился в свой выстиранный и совершенно мятый, поскольку гладить его было некогда, костюм.

– Очень миленько, – приветствовала его Рита, когда Беркутов вошел в кухню, где вся компания уже завтракала. – Вполне вписывается в последние веяния моды!

– Пожалуй, я обойдусь без этого авангарда. Всем доброе утро!

Тина налила Артему кофе и подвинула тарелку с бутербродами.

После ночных откровений и прямого признания Гришки, что всем окружающим ясно и понятно их взаимное влечение, Тине было как-то неловко смотреть на Беркутова и она отводила глаза, стараясь держаться от него подальше.

– Маргарита Юрьевна, – обратился Артем к Рите, – не будете ли вы столь любезны подвезти меня и моего боевого товарища Григория Павловича на Петровку?

– Конечно, подвезу! – радостно согласилась Рита. – Кстати, а где твоя машина?

– Ее вчера ребята перегнали от кафе на Петровку. – Он допил кофе и посмотрел на часы: – По коням, время поджидает!

Артем краем глаза наблюдал за Тиной и видел, что она смущена, немного напряжена и старается не встречаться с ним взглядом.

«С чего бы это? Может, думает, что все сказанное ночью было продиктовано неординарностью ситуации? Ладно, разберемся!»

В машине у них разгорелся жаркий спор. Тина считала, что Дениса надо отправить к бабушкам, Григорий ее поддержал, а Рита была против – до школы считанные дни остались, какие бабушки? Артем принял Ритину сторону, выдвинув аргументы против Денискиного отъезда. Беркутов считал это бесполезным. Если преследующий Тину человек знает о них все, то уж Дениску у бабушек он сразу найдет, оттуда даже проще его увезти – бабушки ему не помеха!

Дениска верещал, что никуда не поедет, еще чего! Здесь столько

событий! И не может он Тину с Ритой одних оставить!

Спор разгорался, все говорили, вернее орали, одновременно, пока, перекрикивая всех, Ритка не сообщила:

– Все, господа: Петровка! Следующая станция – Большие Васюки! – И, вздохнув, закончила спор: – Большинство голосов ребенок остается!
– Ура-а! – подвел итог объект спора.

Тина разговаривала по телефону с поставщиком оборудования, когда к ней в кабинет заглянул Сергей и сурово приказал:

– Пройди ко мне!

Развернулся и широкими шагами, не оглядываясь, направился к себе в кабинет. Тина, быстро закончив разговор, побежала за ним, как нашалившая девочка, пытаясь на бегу сообразить, что она такого сделала.

Начальник пропустил ее вперед и сказал секретарше Вере:

– Сделай два кофе и ни с кем меня не соединяй.

– Хорошо, Сергей Владимирович, – ответила Вера.

Она уловила вопросительный взгляд Тины: «чего он разбушевался?» и пожала плечами – «понятия не имею!».

Сергей зашел в кабинет, прикрыл за собой дверь, обошел стоявшую по стойке «смирно» подчиненную, сел в кресло и спросил:

– Тина, что у тебя с руками?

– Боевое ранение. – Она вздохнула, понимая, что избежать разговора не удастся, и села в кресло напротив начальника.

– Давай рассказывай, что происходит.

Они проговорили два часа. Сергей снял пиджак, повесил его на спинку кресла, ослабил галстук. Через двадцать минут разговора достал из бара коньяк. В кабинете плавал сизый дым от выкуранных сигарет, Тина чувствовала горький привкус во рту, от трех чашек выпитого кофе и страха, который она переживала заново, рассказывая Сергею все, стараясь обходиться без комментариев, только факты.

– Это очень похоже на месть, – сказал он, – причем на женскую изощренную месть, а если это ход, чтобы отвлечь следствие, то он тщательно спланирован. Очень, очень хорошо спланирован. К сожалению, следователи правы – надо ждать развития событий, его следующего шага.

Он встал, подошел к девушке, выдернул за руку из кресла и обнял.

– Ничего, девочка, все будет хорошо! Думаю, слабо ему тебя «схватить»! – Отодвинулся, посмотрел на нее и улыбнулся. – Иди, работай, раз уж тебе надо быть в коллективе. Что-нибудь придумаем.

– Спасибо, Сереж!

– Иди, иди! – другим, деловым, тоном сказал он, поправляя галстук и усаживаясь в кресло за рабочий стол.

После разговора с Сергеем работа совсем не клеилась. Тина, задумавшись, посмотрела в окно.

Шел дождь, сбивая с деревьев желтые листья. Самый нелюбимый ею, мелкий, морозящий, настоящий ноябрьский дождь, игнорирующий тот факт, что сейчас конец лета.

«Пойду к Марии Захаровне! – решила Тина – Точно! Выговорюсь, мне легче станет. Она обязательно скажет что-нибудь неожиданное, ободряющее. И вообще, я по ней соскучилась!»

Мария Захаровна была тайным оружием Тины от напастей.

Когда девушка только приехала в Москву и они вдвоем с Риткой боролись за выживание, у Тины как-то сама собой появилась привычка гулять по Москве в особо тяжелые моменты жизни. Когда чувство безысходности накрывало с головой, не давая продохнуть, она ехала в центр и бродила, бродила, вырывая час-два от работы или сна.

Тина любила Москву. Совпадала с ней душой, разумом.

Полюбила не с первого взгляда, а с первой вот такой прогулки. Девушка бродила по бульварам, переулкам, московским дворикам, аллеям, впитывая в себя дух города, его энергию, характер и поражаясь его силе и мудрости. Все, что писали и говорили о Москве, было, конечно, правильно, но весьма однобоко – видением данного, пусть и гениального, человека. На самом же деле вся глубина, энергетика, дух и душа города – это таинственная, постоянно ускользающая от словесного описания и полного понимания величина.

Москва странным, мистическим образом, по собственной шкале ценностей либо принимала человека, либо отвергала сразу, вне зависимости, плохой он или хороший по общепринятым людским эталонам. Но оставался он здесь или уезжал, вирус сказочной притягательности этого таинственного города попадал человеку в кровь и так и оставался с ним на всю жизнь.

Со временем у Тины появились любимые маршруты, места и улицы, которые, как ей казалось, успокаивали больше других, обволакивая своим магнетизмом.

Как-то зимой она гуляла по Чистым прудам и заметила женщину, сидящую на скамейке. И удивилась – было очень морозно, поэтому праздно гуляющих людей почти не видно, даже прохожих оказалось мало, и уж тем

более никто не сидел на скамейках. Она подошла к женщине и вежливо поинтересовалась:

– Вам плохо? Может, помощь нужна?

– Нет, деточка, но за заботу спасибо! Это сейчас редкость, – ответила, улыбнувшись, женщина.

На вид ей можно было дать около семидесяти. Очень приятная, улыбчивая, с веселыми задорными глазами пожилая женщина, которую ни бабушкой, ни старушкой никак нельзя назвать. Совершенно иной типаж – хорошо одета: каракулевая шубка, муфточка; уложенные в причёске под кокетливую, тоже каракулевую шапочку волосы; румянец на щеках, обаятельная улыбка. Тина не удивилась бы, если под шубой обнаружилась блузка с камеей на воротничке и дорогая теплая шаль – образ старой аристократки, вынесенный из советских фильмов.

– Я гуляю каждый день, – пояснила женщина. – Быстрым шагом, в любую погоду, а эта скамейка – некий финиш моего маршрута, я отдыхаю здесь десять минут и уже спокойно возвращаюсь домой.

– Я бы так не смогла! – проникаясь уважением, ответила Тина. – Каждый день, невзирая на погоду и настроение!

– Сможете, когда не захотите сдаваться возрасту и тому самому настроению. Мои десять минут прошли, – поднимаясь со скамейки, сказала женщина. – Может, прогуляетесь до моего дома и выпьете со мной чаю?

– Это, наверное, неудобно, – смутилась Тина и немного попеняла даме: – И потом, небезопасно вот так приглашать в дом незнакомого человека.

– Я людей вижу сразу, меня очень нелегко обмануть, – улыбнулась ей женщина. – А вам, как я поняла, надо с кем-то поговорить!

И Тина согласилась.

Мария Захаровна, как звали ее новую знакомую, жила на Чистопрудном бульваре, в старом доме, в какой-то огромной светлой с высоченными потолками квартире.

Когда они вошли к ней, Тина вздохнула от восхищения, так необыкновенно созвучна оказалась ей царящая в доме атмосфера.

Мебели немного, но старая, еще прошлого века, добротная, из цельного дерева. Никаких слоников, вязаных салфеточек и, главное, герани, которую Тина почему-то терпеть не могла. Много книг на стеллажах до потолка, фотографий в рамках, стоящих на комоды и трюмо, огромный фикус в эркере, легкие занавески на высоких окнах, дубовый круглый стол, укрытый свисающей до пола скатертью, светлые акварели на стенах, какие-то необыкновенные статуэтки, шкатулочки,

милые безделушки, еле уловимый запах роз, корицы, ванили.

Тина ходила по большой гостиной и дотрагивалась до вещей, преодолевая чувство неловкости, так ей хотелось все это потрогать. В атмосфере и обстановке дома не было никакой вычурности, продуманности интерьера, а элегантный, гармоничный, непринужденный беспорядок, где каждая вещь дополняла другую, находясь на своем месте.

– Я вижу, вам понравился мой дом? – услышала Тина за спиной голос.

В это время она как раз рассматривала акварель с авторской подписью, повернулась и, не сдержав восторга, ответила:

– Невероятно! Это очень созвучно мне! Как бы это объяснить...

– Я вас прекрасно поняла. Это квартира моих родителей. Здесь почти все сохранилось, как было при маме. Кое-что добавила я, многое продано во время войны и после, но в целом дух сохранен. Давайте, деточка, чай пить.

Были фарфоровые чашечки с блюдцами, хрустальные вазочки с вареньем, розетки, горячий чай в пузатом фарфоровом чайнике, серебряная сахарница, все то, что уносило Тину в прекрасную нереальность прошлого, успокаивая, умиротворяя и странным образом вселяя уверенность, что все непременно будет хорошо.

Мария Захаровна оказалась совершенно необыкновенной! Ей было семьдесят три года, и она прошла все, что только мог пройти человек, родившийся в двадцатые годы. Невероятно живая, остроумная, мудрая, о себе она рассказывала скупно, а вот Тину расспрашивала подробно – о ее жизни, проблемах, трудностях.

– Знаете, Тиночка, я вижу очень многих людей, когда гуляю, да и встречаюсь со многими знакомыми. Наш бульвар притягателен для размышления, сюда часто приходят пройтись, подумать в одиночестве. Вы меня сразу поразили, у меня дальновзоркость, и я вас издалека еще заметила. И сразу поняла, что у вас проблема, но вы не хнычете, а боретесь! Вы пришли не для того, чтобы пожалеть себя, а чтобы набраться душевных сил для борьбы. И это замечательно! Это вызывает уважение. Как много я видела на этих скамейках рыдающих девушек, опустивших руки, поддавшихся обстоятельствам, и это печально! Поплакать иногда очень полезно, но только для того, чтобы оставить в прошлом все, что оплакиваешь, встряхнуться и идти вперед. Нельзя сдаваться, нельзя застревать в болевом моменте и жить только в нем. Вы, Тиночка, боец, но и с этим нельзя перегибать. Становиться железной – значит утратить женственность. Нужно чувствовать грань между силой духа женщины и пробивной, таранящей силой в мужских играх.

К сожалению, многие молодые женщины не умеют вовремя остановиться и пропустить мужчину вперед. – Она вдруг замолчала, улыбнулась. – Ну, вам это не грозит, в вас море женского очарования.

– Вы меня захвалили, – смутилась Тина.

– Ничего, это полезно иногда. Еще чаю?

– С удовольствием!

У Марии Захаровны было двое детей, пятеро внуков и трое правнуков. Вся семья ее обожала. Дети бегали к ней за советом, да и просто отсидеться от своих бед и напастей. Она принимала, вытирала слезы, а через несколько дней выпроваживала, объясняя свою позицию: «От проблем нельзя убежать, надо идти им навстречу и решать их, иначе так и пробегаешь всю жизнь. Ты успокоился, позволил себе передышку, поплакал, пожалел себя, и хватит – иди и побеждай неприятности».

Дети постоянно уговаривали Марию Захаровну переехать к ним, чтобы не жить одной, беспокоясь за нее, она категорически отказывалась.

– Мой любимый муж, с которым мы прожили всю жизнь, умер десять лет назад, – объясняла она Тине. – Он был единственным человеком, с которым я могла делить быт и каждый день благодарить Бога, что мы вместе. Мы очень долго жили большой семьей, и у меня никогда не имелось возможности побыть одной. Я только недавно поняла, как это важно. Мне не бывает скучно, я хорошо обеспечена и дети помогают. – Она рассмеялась. – Я разрешила себе быть эгоисткой и наслаждаюсь этим, правда, это не задевает никого из близких. Это очень важно: жить не за счет других.

Так они и познакомились и подружились.

Тина рассказала о Марии Захаровне Рите, но за семь лет они ни разу не встретились, общались только по телефону. Рита относилась к Марии Захаровне с огромным уважением и немного побаивалась.

– Она про человека все сразу понимает, – говорила Ритка, отказываясь идти в гости вместе с Тиной. – А я про себя всю правду знать не хочу, я и так знаю, что далеко не белая и не пушистая.

Алексей, разумеется, был в курсе, что у Тины есть пожилая знакомая, которую она иногда навещает, интереса к Марии Захаровне не проявлял и раздражался, когда Тина к ней ходила, как правило, раз в месяц.

Тина зашла после работы в универсам, купила в кондитерском отделе торт «Птичье молоко», который Мария Захаровна очень любила, конфеты «Белочка» и дорогой, душистый зеленый чай. Она шла по бульвару и улыбалась, вспоминая их первую встречу. Тина никому не признавалась

в своих тайных мыслях и смущалась, думая, что Бог, увидев, как ей трудно, послал своего помощника, вернее помощницу, которая не давала Тине застревать в обидах, жалости к себе, обвинениях других людей, а помогала двигаться вперед.

– Тиночка! Как я рада тебя видеть, – приветствовала ее Мария Захаровна, открыв дверь.

– Здравствуйте, Мария Захаровна! Я соскучилась!

– Заходи скорее! – она расцеловала девушку в обе щеки. – Давно тебя не было. О, мой любимый тортик! Ну, давай за стол, чай готов!

Тина почувствовала, как расслабляется, первый раз за все эти дни, как будто спряталась от напастей в надежном месте, под крепкой защитой, где обязательно помогут и спасут. У девушки вдруг возникло чувство, будто она долго не могла дышать, придавленная тяжелым грузом, и наконец освободилась, смогла вздохнуть полной грудью. Облегчение, которое она неожиданно испытала, было таким большим, почти физическим, что на глаза навернулись слезы.

– Детка! Ты плачешь? Ну-ка идем!

Мария Захаровна взяла Тину за руку, повела в гостиную и усадила за стол, по обыкновению сервированный к чаю в ожидании гостыи.

– Сейчас ты выпьешь чашку чаю, успокоишься и все расскажешь.

Тина вытерла слезы, судорожно вздохнула, как обиженный ребенок, выпила почти залпом чай и стала рассказывать, в который раз, начиная с того момента, как Ритка попросила привезти платье.

Мария Захаровна слушала внимательно, задавала вопросы по ходу повествования, просила повторить некоторые моменты, уточняла детали.

Они выпили весь заваренный чай и пошли в кухню сделать новый, не прерывая рассказа. Вернувшись за стол, Тина разлила по чашкам горячий душистый чай, Мария Захаровна отпила из своей чашки, обдумывая все услышанное, а девушка смотрела на нее, с нетерпением ожидая, что та скажет.

– Знаешь, детка, во всей твоей истории я вижу много положительного! – задумчиво произнесла хозяйка.

– Что?! – поперхнувшись от неожиданности, спросила Тина.

– Да-да! Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло!». Что ты так удивилась? – Она встала, похлопала Тину ладошкой по спине. – Запей чаем.

– Уже прошло, все в порядке, – ответила девушка.

– Так вот, – продолжила Мария Захаровна, возвращаясь на свое место. – Первое, ты бы никогда сама не ушла от Алексея, а если бы и ушла,

то долго мучила себя обвинениями в своей несостоятельности как женщины и предательстве. Расстаться вам надо было давно, эти отношения себя изжили, да они изначально были замешаны не на тех дрожжах. Ладно бы секс замечательный или кто-то из вас любил бы другого, но ты и сама с этим уже разобралась. Значит, надо поблагодарить Господа и, кстати, твою Людмилу заодно, что тебе был дан прекрасный повод расстаться с этим мужчиной, не принимая на себя груз вины. Ты согласна?

– Да, с этим на все сто!

– Это первый, очень положительный момент! Второе: благодаря этому покушению ты встретила с Артемом Константиновичем! Правильно?

– Да, – смутилась Тина, слегка покраснев.

– Нечего смущаться! Это замечательно! Судя по тому, что ты рассказала, ты встретила своего мужчину. Но самое главное, что ты наконец-то открыла свое сердце для настоящего чувства! Ты, Тиночка, боялась любить по-настоящему, поэтому и жила с этим Алексеем – так безопасней!

– Я и сейчас боюсь, – честно призналась Тина.

– А нечего бояться! – возмутилась Мария Захаровна, стукнув кулачком по столу. – Ишь, какие они пошли боязливые и нежные – любить они боятся! Ты сначала попробуй, проживи эти чувства, а если будет больно, ну и что – дело того стоит! Уж поверь мне! И хватит от жизни прятаться! Посылает тебе Бог твоего человека, так бери и благодари за великое счастье, потому что мало кому в жизни такое дается – свой, родной человек! – Она успокоилась, улыбнулась задорно, погладила Тину по руке. – Ты извини, что я вспылила, но меня возмущает такая трусость. Молодым кажется, что любовь – это сплошные розы и поцелуи, а это поле непаханое, работа каждодневная. И компромиссы, и уступки, и океан терпения, и черт его знает что еще! Ну что, будешь бегать, прятаться или рискнешь любить? – спросила она.

– Рискну! – рассмеялась Тина. – Думаю, я сделала выбор сразу, как только его увидела. А убегала по привычке.

– Вот и умница! Впрочем, я не сомневалась, ты же не трусиха. Что касается третьего положительного момента, то тут сложнее.

– А что, есть еще и третий? – спросила Тина, развеселившись и чувствуя какую-то неожиданную бесшабашность.

– Конечно! Если это было покушение на гостинищика, замаскированное под тебя, то Леша твой с перепугу страшного все свои секреты выложит следователям, и я думаю, ты очень много интересного

узнаешь о нем и о его товарищах.

– Что там может быть интересного? – удивилась Тина.

– Не знаю, но уверена, что не все у них так гладко, как тебе рассказывают, хотя тебя это уже не касается.

– Я давно не интересуюсь их делами.

– Значит, тебя это не расстроит. Далее, если покушение направлено против Алексея, значит, он в чем-то замешан и опять хорошо, что вы вовремя расстались. А вот если дело все-таки направлено против тебя, то тогда и возникает третий положительный момент! Получается, что есть человек рядом с тобой, на которого ты и подумать не можешь, а он тебя ненавидит до такой степени, что готов уничтожить, и эта ненависть стала такой огромной, переполняющей его, что он начал действовать. Его поймают, и ты освободишься от присутствия в твоей жизни предателя! Ненависть заразна, как вирус, даже в скрытом виде, она отравляет, проникая в твое жизненное пространство. Вот скажи мне, если бы ты была уверена, что тебя ненавидит кто-то из твоих знакомых, ты бы предпочла, чтобы все так и оставалось прикрытым дружелюбием или пусть все вскроется и разрешится?

– Конечно, второе!

– Тогда вот он и третий положительный момент! Пусть пугающе и страшно, пусть в извращенной форме, но твой враг раскрылся и начал действовать! Ты девочка умная, да и Беркутов твой, судя по всему, не дурак, найдет предателя! Обязательно. А ты освободишься от такой грязи в твоей жизни.

– Мария Захаровна! Вы меня всегда поражаете своим умением увидеть проблему с совершенно неожиданной стороны! – восхитилась Тина. – Но я никак не пойму, за что это все на меня обрушилось!

– Самый непродуктивный вопрос на земле – «За что?». Люди так любят его задавать, заранее снимая с себя ответственность, дескать, если кто-то за что-то наказывает, то наказывающий и виноват в твоих страданиях. Например, грозный, недобрый боженька, или рок какой, или того пуще: проклятие. А ведь большая часть страданий дана не «за что», а «для чего»!

– То есть если человек страдает, то он страдает для чего-то?

– В большинстве случаев именно так! Тяжелая болезнь, экстремальная ситуация, несчастный случай – все это возможность пересмотреть свою жизнь и понять, что ты делаешь не так и почему пришел к этому состоянию. Это возможность поменять, иногда кардинально, свою жизнь, увидеть неправильность своих поступков, своих мыслей, своих глубоких

страхов и рискнуть жить по-другому!

– А если человек жил праведно, я имею в виду, он добрый, отзывчивый, любящий, заповедей не нарушал – в общем, замечательный, и вдруг у него обнаруживают рак? Так что – он неправильно жил?

– Может, и неправильно, – кивнула Мария Захаровна. – Мы видим только внешнее, только то, что человек демонстрирует окружающим, а с какими мыслями жил, какие тайные козни строил, знает только он, да и то не всегда. Очень часто человек обманывает самого себя. Может, ему прямо ужасно хотелось пить, гулять, дебоширить, а он сдерживался и жестко контролировал свои поступки, что и привело к тяжелой болезни.

– Так что, лучше бы было, если б он стал пьяницей и дебоширом?

– Может, таков был его истинный путь к познанию чего-то важного. Говорят же, что пути Господни неисповедимы, но точно знаю, что в большинстве случаев в своих болезнях и неустроенности жизни виноваты мы сами, наши мысли и поступки. Ведь даже ученые доказали, что негативные мысли отвечают за ту или иную болезнь! Так что ничего мистического – мы сами в ответе за свои мысли.

– Получается, что то, что сейчас со мной происходит, это результат моего неправильного мышления? – спросила Тина.

Ей было интересно, и она чувствовала, что ответ где-то рядом, только надо сделать небольшое усилие, и она поймет нечто важное, такое, что укажет на ее «злодея».

– Скорее всего. – Мария Захаровна задумалась, отпила глоток чая, посмотрела, улыбнувшись, на Тину. – Я думаю, что в твоей ситуации смешалось сразу несколько факторов. Во-первых, как правило, человек чего больше боится, то и получает. Вот ты боишься любви, той степени открытости, откровенности и душевной близости, которая возникает у любящих людей, и сейчас тебя преследует именно это, но с противоположным знаком. Ненависть – полный антипод любви. Вот чего ты боишься больше всего?

Тина задумалась.

Мария Захаровна была права – человек постоянно очень умело обманывает себя, пряча мысли, которые его пугают и в которых он не хочет признаваться, в первую очередь самому себе. Сделать над собой волевое усилие и честно признаться себе очень сложно, тем более произнести это вслух.

Она прикрыла глаза, откинулась на спинку стула и прислушалась к ощущениям, положившись на интуицию, понимая, что от какой мысли станет больнее всего, та и есть истина.

Мария Захаровна молчала, давая Тине возможность разобраться.

– Кажется, я больше всего боюсь, что меня не воспримут, не оценят такой, какая я есть, со всеми моими мыслями, умом, достижениями и провалами, жизненными принципами и внешним видом. Не разглядят, как не принимали и не понимали в детстве, обращая внимание только на мою полноту.

– Умница! – поддержала девушку Мария Захаровна. – За такое признание, а главное, за твою смелость стоит выпить! – Она наклонилась к Тине через стол и заговорщицким шепотом предложила: – Давай наливочки тяпнем?

Тина рассмеялась.

– А давайте тяпнем!

Мария Захаровна подошла к старинному буфету и достала из нижнего отделения бутылочку наливки.

– Прячу от детей и внуков, – пояснила она, – они мне не разрешают, боятся за мое здоровье, а я посмеиваюсь. Чего бояться? Мне уже под восемьдесят, чувствую я себя прекрасно, и мне вряд ли что-то уже сможет повредить. В общем, иногда балую себя рюмочкой!

Наливка у хозяйки была замечательная, Тина пару раз как-то пробовала по случаю – тягучая, с терпким смородиновым вкусом. Но они заговорились и забыли про нее, так увлеклись разговором.

– Ты умница! – повторила Мария Захаровна еще раз. – Умница вдвойне: во-первых, ты призналась самой себе в своих страхах, а это уже победа, а во-вторых, ты обозначила мотивацию твоего врага.

– Это как? – задала идиотский вопрос Тина.

– Очень просто! Ты его знаешь и даже подумать на этого человека не можешь, настолько он тебе не важен, следовательно, ты обращаешь на него мало внимания, не интересуешься его настоящей сущностью, его личностью! И это именно то, чего ты сама боишься и что сейчас так точно перечислила. Верно?

– Да, получается, что он мне не интересен как личность?

– Именно! – кивнула Мария Захаровна и хитро улыбнулась. – Но теперь он уж точно привлек твое внимание, не правда ли?

– Более чем! – согласилась Тина. – Я о нем день и ночь думаю!

– Значит, этот «некто» очень хочет, чтобы ты его наконец оценила по достоинству, он устал притворяться, и ты получила все свои страхи, пусть и в перевернутой, извращенной форме, но по сути это одно и то же. Ты боялась любить – получила жгучую ненависть. Ты боялась быть непонятой, неоцененной – получила крик о том, что сама кого-то не поняла

и не оценила. Он хочет показать тебе, что он умнее, сильнее тебя, и наказать за невнимание.

– О господи! Да он просто больной! – воскликнула Тина, чувствуя, как страх маленькой холодной змейкой опять заползает в нее.

– Возможно, и даже скорее всего. Но в данной ситуации тебе не стоит об этом думать, потому что иначе ты начнешь сильнее бояться. А бояться тебе сейчас никак нельзя, Тиночка! Никак!

– Да! – Тина постаралась прогнать маленькую змейку страха из груди. – Бояться мне нельзя! Значит, все это для того, чтобы я увидела свои страхи?

– Не только. Мне кажется, что это еще и испытание.

– Мария Захаровна, вы меня совсем запутали! Давайте-ка все-таки тяпнем, что ли!

– Давай, детка!

Они чокнулись рюмочками и выпили наливочки.

– Тина, может, ты есть хочешь? Ты же с работы.

– Нет-нет, – отказалась она. – Я не голодна. Вы лучше объясните мне про испытание, это очень важно и интересно!

У Тины возникло ощущение, что Мария Захаровна невероятным образом очищает истину от всего наносного, лишнего, от того, что мешает рассмотреть и понять главное. Девушка хотела запомнить весь разговор как можно подробнее, а потом она его не один раз прокрутит в голове и все поймет про себя саму, и про свою жизнь, и про таинственного «злодея». Обязательно поймет!

– Когда человек готов к глобальным переменам, – объясняла Мария Захаровна, – Бог посылает ему испытание, как проверку, действительно ли он готов принять некую награду: любовь, деньги, детей – для всех по-разному. А если человек не выдерживает, отступает от себя самого, поддается соблазну, то его лишают награды. Но испытания всегда выпадают по силам, больше, чем человек может вынести, ему никогда не дадут.

– Получается, если ты слабый, то и испытания так себе, легенькие, а если сильный, то на полную катушку! По-моему, это несправедливо.

Мария Захаровна улыбнулась Тининому возмущению.

– Ты же не дашь маленькому ребенку тащить сумку в десять килограммов, даже если в ней лежат сладости и подарки для него же. Да, на долю сильных личностей выпадают тяжелейшие жизненные испытания, но и награды они получают великие!

– Хорошо, и какой тест я должна пройти? На что меня испытывают?

– Ты должна перестать бояться жизни! Перестать бояться любви, предательства и этого преследующего тебя человека! Тебе надо преодолеть свои страхи!

– И когда я справлюсь с этими страхами, то что? Стану счастливой, и больше нечего бояться?

– Детка, – вздохнула Мария Захаровна, – в человеке много всяких страхов, комплексов, идиотизмов... Справляешься с одним, вылезают следующие, которые были спрятаны в тебе еще глубже. Это и есть вечная работа над собой!

– Звучит невесело.

– Ничего подобного! Это трудно, но очень интересно! Потом, любое преодоление себя – это все-таки победа! – улыбнулась Мария Захаровна.

– Ну ладно, этот человек преследует меня, а Лешке-то за что, он-то при чем?

– А что, ты хочешь и будешь разбираться в его проблемах или решать свои? – хитро прищурившись, спросила Мария Захаровна.

– Решать свои! – ответила Тина. – Но получается, что из-за моих проблем достается ему.

Мария Захаровна покачала головой и вздохнула:

– Как ты любишь себя обвинять, Тина! Надо что-то с этим делать, как можно скорей избавиться от привычки брать на себя вину за все на свете и, главное, за других людей. Твой Леша еще тот фрукт! Уверена, ты и половины не знаешь, что он наворотил в своей жизни. Но отвечу тебе словами Жеглова: «Наказания без вины не бывает!» Не спеши винить себя в чужих неприятностях, помни, что человек в большинстве случаев сам наживает себе проблемы, особенно когда осознанно творит ужасные вещи, как твой «некто».

Тина собралась задать очередной вопрос, но тут послышалась еле различимая мелодия звонка ее сотового телефона.

– Я сейчас! – сказала девушка и побежала в прихожую.

Тина схватила свою сумочку, висевшую на вешалке, и, торопясь, стала рыться в ней в поисках трубки. Как всегда в таких случаях, в руки попадалось все что угодно – кошелек, расческа, бумажные салфетки и так далее, кроме телефона.

– Сейчас! – раздраженно приговаривала она. – Черт! Да где же ты?!

Наконец нашла, достала телефон и торопливо ответила:

– Да!

– Валентина, ты где? – сухим, почти официальным тоном спросил Григорий Павлович Бывалый.

– Я в гостях. Здравствуй, Гриша!
– Здравствуй, – проворчал он недовольно. – В каких гостях?
– Гриша, – холодея внутри, спросила она, – что-то случилось?
– Случилось! – повышая голос, ответил он. – Ты бы хоть предупредила кого-нибудь, куда пошла! С работы ушла одна, дома тебя нет, никто не знает, где ты! Вот где тебя носит?! Да еще сотовый не отвечает!
– Гриша, что ты кричишь? Что случилось-то?! – тоже повышая голос, спросила Тина.

– Скажи, где находишься, Артем за тобой придет. Он тебе все и скажет! – проворчал разгневанно Бывалый.

Тина, почувствовав неладное, неосознанно вернулась в гостиную к Марии Захаровне и села за стол. От предчувствия плохих известий у нее аж ослабли колени.

– Я у Марии Захаровны, кстати, я сказала Ритке, что сюда пойду. Подожди секунду. – Тина отодвинула трубку от уха и спросила у Марии Захаровны: – Вы никуда не торопитесь? Мне надо Артема дожидаться.

– Конечно! Да и куда мне идти, ночь на дворе? А ты и не заметила!

Тина посмотрела в окно и удивилась: действительно – ночь на дворе, наверное, больше девяти.

– Гриша, ты слушаешь? – спросила она, возвращаясь к разговору.

– Еще как, со всем вниманием! – бушевал негодованием следователь.

Она продиктовала адрес. Гришка ворчал, поругивая ее, но уже менее грозно, скорее по инерции, чувствовалось, что он успокоился и просто воспитывал.

– Все, жди! Через полчаса Артем придет. Вот он тебе и задаст! – радуясь ожидающей ее взбучке, хохотнул Гришка.

Тина посмотрела на телефон и произнесла задумчиво:

– Кажется, вы сейчас познакомитесь с господином Беркутовым.

– Мне ужасно интересно! – обрадовалась, как юная школьница, Мария Захаровна. – Очень хочется увидеть твоего избранника!

– Да? – удивилась Тина. – А с Лешкой почему-то вы не хотели знакомиться.

Мария Захаровна махнула пренебрежительно рукой.

– Твой Леша мне был совершенно неинтересен с самого начала. И потом, я всегда понимала, что он не твой мужчина!

– За последние дни я узнала так много интересного и о Лешке, и о своей жизни, – рассмеялась Тина.

– То ли еще будет, детка! – веселилась Мария Захаровна, в этот момент она была похожа на добрую колдунью. – Вот и еще один позитивный

момент – твою жизнь сейчас никак не назовешь скучной!

Они посмотрели друг на друга и расхохотались. Их смех прервал звонок в дверь.

Артем Константинович изволил приехать через пятнадцать минут вместо обещанных Гришкой тридцати.

– Ну, держись! – сказала Мария Захаровна, усмехнувшись, и совсем по-молодому быстро пошла открывать.

Тина вышла следом за ней.

– Здравствуйте, – поздоровался Артем и представился: – Беркутов Артем Константинович, для вас просто Артем.

Увидев его и услышав его голос, Тина почувствовала, как быстро-быстро заколотилось сердце и кровь прилила к щекам. Так он на нее действовал!

– Очень приятно! – тоном светской дамы ответила хозяйка. – Я Мария Захаровна.

Артем протянул ей одну красную розу и поцеловал ручку.

– Это вам.

У Марии Захаровны от удовольствия порозовели щеки. Она поправила прическу, потрогала воротничок блузки.

– Спасибо! Такие знаки внимания очень приятны.

– Мне сказали, что вы необыкновенная женщина, в чем я рад убедиться лично! – очаровывал хозяйку Беркутов.

«Мы еще и ножкой умеем, и к ручке прикладываться обучены! Это вам не бандитов ловить!» – съязвила про себя Тина, наблюдая за сценой знакомства.

– Проходите! – пригласила очарованная хозяйка.

Тина видела и понимала, что Беркутов злится и все политесы и «шарканье ножкой» – это попытка успокоиться, расслабиться. Он так и не посмотрел на нее, не поздоровался, не сделал ни одного жеста в ее сторону, сосредоточив все внимание и обаяние на Марии Захаровне.

Решив больше не оттягивать момента, когда ее начнут всерьез и с чувством ругать, Тина поздоровалась:

– Добрый вечер, Артем!

Он повернулся к ней и, сдерживая негодование, ответил:

– Ночь! Уже почти ночь, Тина!

– Всего полдесятого! – возмутилась она. – Мы заговорились и не заметили, как время пролетело!

– Проходите, Артем, – остужая обстановку, пригласила его Мария Захаровна в комнату. – Хотите чаю? Или вас можно угостить ужином?

– Благодарю, – любезно ответил он, – но нет. Я задам пару вопросов, и нам надо ехать.

– Куда? – спросила Тина.

– Домой! Пока домой, арестую я тебя в следующий раз, мне так спокойнее будет! – так и не удержавшись, заявил он. – По крайней мере, не возникнет вопрос, где ты находишься!

– Артем, – спросила Мария Захаровна, – вы не могли бы сказать, что случилось?

Беркутов внимательно на нее посмотрел, потом перевел взгляд на Тину и усмехнулся. Они стояли плечо к плечу, одинаково стиснув ладошки и прижав их к груди, но не были испуганы, а всем своим видом выражали готовность к неприятностям.

– На Алексея снова совершено покушение. Он в порядке, – предупреждая вопрос, сказал Артем. – На сей раз его пытались задушить, и опять как-то все глупо и непонятно! А теперь, дамы, ответьте на мои вопросы. Первое, во сколько ты сюда пришла? – обратился он к Тине.

– В восемнадцать тридцать пять, – ответила Мария Захаровна и пояснила такую точность: – Я посмотрела на часы.

– Ты оставалась здесь все время?

– Да. Мы увлеклись беседой, выпили море чаю и не заметили, как пролетело время. А что, снова «человек, похожий на Игнатову»?

– Да! – не вдаваясь в подробности, ответил Артем. – Мария Захаровна, вы извините, но у меня с собой бланк протокола, и чтобы не тревожить вас лишний раз, я сейчас все запишу, а вы подпишете.

– Конечно! И благодарю за предусмотрительность – мне, знаете ли, совсем не хочется ходить в ваше заведение.

Артем прошел в гостиную, сел за стол, еще раз отказался от чая, попросил у хозяйки ее паспорт и быстро заполнил протокол. Мария Захаровна надела очки, внимательно прочитала изложенное в документе и размашисто поставила свою подпись. Артем с Тиной заторопились, скомканно попрощались и вышли из квартиры.

Как только дверь за ними закрылась, Беркутов схватил Тину в охапку и, останавливая ее попытку что-то сказать, предупредил весьма сурово:

– Молчи лучше! Я серьезно обдумываю твое наказание посредством порки и заточения тебя под замок!

И поцеловал!

Сильно, по-настоящему! Так, что у Тины подкосились ноги от обрушившихся на нее ощущений!

Все мысли мгновенно улетучились из головы, которая кружилась,

унося ее в какой-то магический транс. Чтобы не улететь, девушка крепко обняла Артема, тело стало невесомым, и она почувствовала, что проваливается куда-то в светлую, звенящую, восторженную пустоту!

Артем прервал поцелуй и прижал Тину к себе.

Оба тяжело дышали, пытаясь вернуться к реальности, заставить себя снова соображать.

– Что это вдруг такое было? – каким-то низким, охрипшим голосом спросила Тина.

– По-моему, мы целовались, – тоже хрипло ответил Беркутов.

– Тогда больше этого не делай!

– Почему? – возмутился он.

– Потому что я не только думать, а вообще словно существовать перестала!

– Вот и хорошо! – расплылся в самодовольной улыбке Артем.

– Ничего хорошего! Это же ненормальность какая-то!

Артем легко чмокнул ее в губы и прошептал интимным тоном:

– Полную ненормальность я покажу тебе потом, как только все утрясется! Обещаю!

– Так! Отпусти меня сейчас же! – приходя в себя, скомандовала Тина.

Беркутов развел в стороны руки, выпуская девушку из объятий, она непроизвольно покачнулась, и он поддержал ее под локоть.

– Стоишь? – спросил, посмеиваясь.

– Да, теперь стою. Так за что ты там собирался меня пороть и запирать?

– За то, что ушла. Заметь: одна! Неизвестно куда, никому не сообщила, где находишься, сотовый не отвечает! Кстати, почему ты не отвечала на звонки?

– Может, не будем разговаривать на лестнице, а спустимся вниз? – ушла от немедленного ответа она.

– Идем!

Артем схватил Тину за руку и стал быстро спускаться по ступенькам, таща девушку за собой.

Они сели в машину, он завел двигатель и начал выруливать из двора, попутно объясняя свое негодование:

– Без пятнадцати шесть ты ушла из офиса и пропала. Я связался с Ритой, она не знает, где ты, твой начальник тоже не знает. И что прикажешь думать?

– Ритке я сказала, что иду к Марии Захаровне, но у нее было важное совещание, когда я звонила, и она вполне могла и забыть. Насчет

мобильного – каюсь! Виновата, оставила сумочку в прихожей и не слышала, как он звонит.

Артем притормозил, пропуская машины, и выехал на перекресток.

– Рита действительно забыла. Она вспомнила, когда мы уже всюю тебя разыскивали по Москве, поехала к тебе домой, чтобы найти номер телефона Марии Захаровны в твоей записной книжке, вместе с Гришкой – она же ни адреса ее, ни фамилии не знает. Он наудачу набрал еще раз твой номер и дозвонился.

– Ну простите, что я так всех переполошила! – покаялась еще раз Тина. – А куда мы едем?

– На оперативное совещание.

– И где оно?

– У тебя дома!

– А хозяйка знает?

– Теперь знает! – рассмеялся Артем.

– И кто присутствует на этом совещании?

– Весь вчерашний состав и трое Гришкиных ребят.

– А вам не влетит? – удивилась девушка. – Проводить оперативное совещание вместе с основной подозреваемой, да еще у нее дома?

– А мы никому не скажем! – рассмеялся по-мальчишески Артем. – Даже если влетит, не беда! Время поджигает, чувствую я, что события набирают обороты!

– Но теоретически, чисто теоретически, – подчеркнула Тина, – этим неудачным убийцем могу быть и я, и Ритка, а вы так неосмотрительно собираетесь делиться с нами информацией.

– Во-первых, это не мы будем делиться информацией, а вы, так даже удобней – устроим вам перекрестный не допрос, а опрос, может, что и всплывет. А во-вторых, нападающим не можешь быть ни ты, ни Рита – мы все проверили. Оба раза у вас обеих есть алиби. С Гришкой работают замечательные ребята, сейчас познакомишься, они профессионалы, и все это время не сидят на месте, а копают без остановки. На нас начальство давит, оно, то бишь начальство, уверено, что происшествие имеет отношение к госчиновнику. Мы их не переубеждаем – дело ведь надо закончить! Поэтому и решили совещаться у тебя – если возникнут вопросы по ходу дела, а они обязательно возникнут, то лучше сразу задавать их вам с подругой.

Тина вдруг спохватилась:

– А чем я их кормить буду? И куда всех спать уложу?

– Вопросы питания они уже решили, не беспокойся, а спать –

разместимся как-нибудь, не думаю, что нам придется сегодня много спать.

– Ладно, – согласилась она, – работать так работать. А откуда роза для Марии Захаровны?

– Я, пока за тобой ехал, подробно расспросил Риту о твоей знакомой и понял, что надо как-то элегантно с этой дамой.

– Элегантно у тебя получилось, ты ей понравился.

– Да я вообще очень обаятельный!

– И скромный! – подхватила Тина.

– И скромный! – согласился он.

Девушка помолчала немного и вдруг вспомнила, о чем хотела спросить его целый день:

– Слушай, а доктор сделал анализ воды?

– Какой воды? – отвлекаясь от своих мыслей и не сразу сообразив, о чем она, переспросил Артем.

– Ну той, которой я тебя поила в подвале.

– А, той, – усмехнулся Артем. – Сделал и велел тебе передать, чтобы ты не волновалась: она, конечно, не родниковая, но никаких угрожающих здоровью примесей не обнаружено. Так что получить удовольствие от расстройства желудка у «важняка» моим врагам не удастся!

– И подчиненным тоже.

– А им в первую очередь.

– А откуда она вообще там взялась?

– А черт ее знает! Обычно заводы снабжаются водой из нескольких водопроводов. Видимо, какой-то забыли отрезать.

Они подъехали к подъезду Тинино дома, Артем нашел удачное место для парковки, прямо под окнами ее квартиры. Они вышли из машины, и Беркутов включил сигнализацию, которая резко пропищала, а Тина вдруг вздрогнула.

– Ты что? – спросил он, приобняв девушку за плечи.

– В прошлый раз после этого звука нас полили парализующим средством. И ведь это было только вчера, а такое ощущение, что полжизни прошло!

– Так бывает, когда слишком много событий происходит в короткий период времени, – сказал Артем и поцеловал Тину в лоб. – А сигнализацию я сменю, чтобы ты не пугалась.

– Бог с ней, – махнула Тина рукой, – не меняй, они все одинаково пищат.

В лифте Артем забрал ключи из рук Тины, сам открыл дверь, вошел первым и крикнул в глубину квартиры:

– У нее снова стопудовое алиби!

В прихожую набилась куча народа, вышедшая встречать вновь прибывших. Растолкав всех, вперед пробрался Денис и кинулся Тине на шею.

– Тина, у нас гости, как на Новый год! Они все следователи! А Лидуся стреляет, как снайпер, и дерется классно! А Горбунок один раз выбил зубы преступнику!

– Стоп! – остановила его Тина. – Слезь с меня, а то я тебя сейчас зацелую!

– Не надо! – спохватился Денис и отскочил от нее.

– Лидуся – это я, – вышла вперед очень симпатичная, стройная, чуть ниже Тины ростом девушка и протянула руку.

Тина пожалала протянутую ладонь и улыбнулась.

– Очень приятно!

– Александр Конев, – представился молодой человек, тоже протягивая руку для рукопожатия.

Тина сразу догадалась, что он и есть «Горбунок», и еле сдержала улыбку, понимая, что он обязательно обидится.

– Очень приятно! – повторила она.

– Алексей Скрябин, – представился еще один юноша, гораздо выше своих товарищей, производивший впечатление веселого, разбитного парня.

Он взял двумя руками ладошку Тины, наклонился и церемонно поцеловал, смутив девушку таким вниманием.

– Идемте все на кухню! – распорядилась из-за спин Рита. – Есть очень хочется. Из-за тебя, загульная, мы чуть с ума не сошли и оголодали все!

– Из-за меня или твоей забывчивости? – язвительно переспросила Тина.

Они обнялись и расцеловались с Риткой, словно давно не виделись. Правда, в условиях, приближенных к боевым, которые они переживали сейчас, каждый день засчитывался, наверное, за десять.

– А кто на звонки не отвечал? – парировала Ритка.

– Обе хороши! – прервал их спор Гришка.

И, удивив невероятно Тину, обнял ее, прижал к себе и похлопал по спине, словно встретил целой и невредимой с передовой!

Черт его знает, может, так оно и было?

Пока Тина переодевалась и мыла руки, в кухне раскладывали стол, расставляли стулья, весело звенела посуда, хлопала дверца холодильника, слышался гомон голосов. Вытирая руки, Тина прислушивалась к этим звукам и улыбалась – как хорошо, когда в доме много людей! И не хочет

она никакого сибаритского одиночества, как Мария Захаровна, пусть даже и очень комфортного!

«Я разрешу себе думать, что все собрались только для того, чтобы помочь мне, а не потому, что это их работа; а еще о том, что познакомилась за это время со столькими замечательными людьми! И конечно, Артем! Так что спасибо тебе, черный человек, «стрелок» нерадивый!»

Какая-то мысль вдруг промелькнула, даже не мысль, а тень неясного воспоминания из прошлого. Девушка попыталась ее ухватить и еще раз повторила: «Стрелок, стрелок», но мысль ускользнула вертлявой мышкой, так и не оформившись в четкое воспоминание.

– Тина! – позвал из кухни Артем.

– Иду, – шепотом, для самой себя ответила она.

Раздвинутый стол из круглого превратился в большой овальный и был заставлен всевозможной едой, ни рюмок, ни бутылок, кроме минеральной воды, на нем не стояло.

«Допрос так допрос! Работать так работать!» – поняла Тина.

Не сговариваясь, места распределили так, что во главе стола оказался Беркутов, а на противоположной стороне, возле стены, оставили уголок для Тины. Дениску за стол не посадили, по поводу чего он выражал шумный протест:

– Я тоже хочу послушать, что происходит! Пустите меня!

– Денис, – урезонивала его Рита, – мы будем обсуждать серьезные и скучные дела, а тебе вообще пора спать!

– Какое спать?! Не хочу я спать! Я буду с вами обсуждать скучные дела!

– Денис, – прекратил прения Гришка, – это надолго и неинтересно. Тебе потом Тина все расскажет. Договорились?

– Ладно, – буркнул Денис, уступая авторитету Бывалого. – Я тогда в компьютер поиграю. Детское же время!

– Хорошо, – согласилась Рита. – Захочешь спать, ляжешь в спальне. Мы там втроем уместимся: ты, я и Тина.

– Здорово! Как в детстве. И уже вторую ночь!

– А сейчас у тебя что, не детство? – усмехнулся Артем.

– Нет, сейчас я подросток! Это, между прочим, ого-го как серьезно – переходный возраст! – вызвав всеобщие снисходительные смешки, заявил Денис.

– Ничего смешного! Риту все время учителя пугают, говорят: ждите сюрпризов! Рита, ты ждешь сюрпризов?

– Каждый день! – подтвердила Рита, клятвенно поднимая руку вверх.

– Вот-вот, не расслабляйся! – предупредил пацан и, повернувшись к Григорию, пояснил: – Мы, когда в коммуналке жили, я маленький совсем был, они меня укладывали спать посередине между собой, и мне всегда очень жарко было, даже зимой – они обе такие горячие!

За столом повисла неловкая тишина.

Лидуся прыснула в кулачок, Рита закатила глаза, Горбунок с Алексеем, расплывшись в улыбках, делали вид, что ничего не слышали, Гришка изображал повышенное внимание к словам Дениса. А Беркутов посмотрел через стол на Тину многозначительным взглядом, смутившим ее, и «расставил» всех по местам:

– Так, ты, подросток, идешь играть в компьютер, но не долго. А мы, господа, давайте-ка займемся делом!

Денис подчинился незамедлительно и умотал в комнату.

– Ну что, – руководил «важняк», – совместим трапезу с работой. Давай, Григорий Павлович, жуй и рассказывай нам о происшествии.

– Значится так, – начал Гришка, – в двадцать часов тридцать три минуты Алексей Потапов вышел из здания офиса, где задержался по неотложным рабочим делам, и направился к своей машине. Стоянки, как таковой, там нет, сами знаете. И машины ставят кто куда сможет. В этот раз его машина стояла возле «Волги» госчиновника, который тоже задерживался на работе. Не доходя до машины, Алексей уронил ключи, нагнулся за ними, и в этот момент некто набросил ему сзади удавку на горло и стал душить. Охранник нападавшего не видел, он зашел в подъезд, выпустив Потапова и закрыв за ним дверь, прохожих не было, только далеко впереди, возле перекрестка, шли люди. Кричать пострадавший не мог, от испуга он почти не сопротивлялся. Водитель, сидевший в машине в ожидании госчиновника, увидел эту сцену в зеркале заднего обзора минуты через четыре и выскочил из машины на помощь, уверенный, что это его начальство подверглось нападению. Тут как раз из подъезда вышло и само начальство в сопровождении охраны. Один из охранников кинулся к месту происшествия. Преступница, а на сей раз все разглядели, что это была дама, увидев, что к ней бегут с двух сторон люди, пнула Потапова под зад и побежала, свернув в переулок. Пострадавший упал и потерял сознание. Со слов охранника и водителя, это абсолютно точно была женщина – стройная, высокая, с такой же стрижкой и одетая в точно такой же костюм и с такой же сумочкой, как у Тины. Лица ее, естественно, не разглядели, но по приметам это наша Валентина Игоревна Игнатова. Алексей пришел в себя, его отправили

в больницу. По его показаниям, нападавшая не произнесла ни слова, но от нее пахло любимыми духами Тины, точно установить, она это или другая женщина, он не может. Говорит, что это мог быть и переодетый мужчина, потому что Алексею показалось, что этот человек очень сильный, по крайней мере, его почти задушили, как утверждают врачи. Кто бы это ни был, он не знал, что вчера вечером любимый костюм госпожи Игнатовой, так же как и ее сумочка, пришли в полную негодность. Но самое «замечательное» во всей этой истории: опять получается, что могли ждать нашего любимого госчиновника. В этот день они с Потаповым были весьма похоже одеты, Алексей вышел из здания за несколько минут до него и шел в сторону его служебной машины! У меня все! – отрапортовал Григорий и с аппетитом принялся за ужин.

– Как я поняла, нападавшего не задержали? – спросила Рита.

– Нет, – ответил за Гришу Леша Скрябин, – водитель подбежал к Потапову и стал приводить его в чувство, а охрана выполняла свои прямые обязанности – прикрывала грудью начальство, запихивая его в машину. Охранник из офиса побежал было за преступником, но он находился далеко от места преступления, и тот успел скрыться.

– Картина остается прежней, – резюмировал Беркутов, – не то на Потапова охотятся, не то на госчиновника. От начальства я уже получил по полной программе, думаю, и на Григория Павловича изволило топтать ножкой его руководство.

– А то! – согласился Гриша, пережевывая.

– Лидуся, что там в госучреждении? Удалось что-нибудь накопать? – спросил Артем.

Лида налила воды, отпила и приступила к отчету:

– Всего хватает, как обычно. Но явных растрат или нецелевых вложений нет, по крайней мере из того, что мне удалось просмотреть, – ордера-то у меня не было, и всю документацию я, естественно, не видела. Если он и берет – а что-то мне подсказывает, что берет непременно, учитывая, например, его «скромный» домик на Рублевке, – то в основном на тендерах.

– Не умничай, пожалуйста, – призвал ее к порядку Горбунок, – поясни для дураков.

– Поясняю. Они получают бюджетные деньги на всякие строительства, реконструкции и тому подобное и объявляют конкурс среди подрядчиков на участие в проектах. Для любого подрядчика государственный заказ – это очень выгодно и престижно. Не буду углубляться в детали, но главное, что за это участие, так называемый тендер, подрядчики готовы наизнанку

вывернуться. И, судя по документам и тому, что говорят архитекторы, побеждают далеко не самые лучшие проекты, значит, выигрывают те, кто больше дал.

– И какова цена вопроса? – спросил Григорий.

– В зависимости от масштаба проекта сумма может доходить до сотен тысяч и миллионов американских таких зеленых «рублей».

– Терпеть не могу эти бюджетные страсти! – пожаловался Гришка.

– Понятно, – кивнул Артем. – И, естественно, ничего не доказуемо?

– Ну, если заводить отдельное дело, пересматривать все подряды за несколько лет, проводить дознания, создавать очередную комиссию и так далее, то, может, что-то и накопят, если не остановят сверху, – ответила Лидуся.

– Значит, ничего! – с досадой сказал Алексей.

– Но главное, на этого чиновника есть за что наезжать. У них сейчас именно такая ситуация – новый проект и борьба за место у кормушки. Наш «парень» очень грамотный, и те, с кем он договаривается, давно проверенные компаньоны – подставлять его и самих себя не будут. Вполне возможно, что его таким образом пугают, пытаясь прорваться к раздаче. В таком случае это их игры и мы никогда не узнаем заказчика, даже если возьмем исполнителя.

– Да, «порадовала»! – проворчал Гришка.

– А что с адвокатом? – спросил у него Артем.

– Александр Иванович Шнуров, – заглянув в записную книжку, которую положил возле себя, как только сел за стол, начал отчитываться Григорий, – адвокат со стажем, специализируется на разводах и разделе имущества, ни в чем не замечен, безупречная репутация.

– Да, – перебила его Ритка, – мои коллеги сталкивались с ним по работе и отзываются о Шнурове как о вполне приличном юристе. В Москве все более-менее крупные юристы знают друг друга, а репутация в нашей среде – это твое состояние. Одна темная сделка, и все, ты выпадаешь!

– Спасибо, Риточка! – поблагодарил ее Гриша. – Так вот, он говорит, что к нему на прием пришла дамочка и попросила подать заявление в суд на раздел имущества. Здесь начинается самое интересное. Первое, у нее не было паспорта, а имелась только заверенная ксерокопия. – Он помолчал, посмотрел на Тину. – Ксерокопия твоего, Тина, паспорта, я проверил.

Тина не ответила, она внимательно слушала, уговаривая себя не пугаться, а думать, думать, искать выход! Для этого они все тут и собрались!

– Она объяснила, что паспорт находится на переоформлении, а дело надо срочно решать, так как они с Потаповым расстались, время идет, потом будет сложнее что-то доказать. Александр Иванович объяснил, что подписать договор на все услуги, то есть представление женщины как истицы в суде на основании лишь ксерокопии документа, пусть даже и заверенного по всем правилам, он не может. Они договорились, что подпишут договор только на подачу заявления в суд, а потом, уже перед самим судом, она принесет паспорт и они оформят другой договор. Мужик он грамотный, что-то его в этой даме сразу насторожило, на ней было слишком много грима и темные очки. Я спросил, не мог ли это быть переодетый мужчина, адвокат сказал, что вполне – рост у нее выше среднего женского, говорила она низким голосом, села не напротив него, а на диван, стоящий в тени пальмы. Будучи человеком осторожным, он не рискнул брать на себя обязанности адвоката, а взял гонорар только за подачу заявления и консультацию. Я показал ему фотографию Тины, он сказал, что очень похожа, но утверждать не берется. Вот такие дела!

– Черт знает что! – возмутилась Ритка. – Опять непонятно: мужчина, женщина, кого он преследует, мотив преступления! Ни-че-го!!

– Ритуля, не нервничай! – успокаивая ее, сказал Беркутов. – Он действует уже не так продуманно, как в первый раз. Значит, забеспокоился, торопится и скоро совершит ошибку.

Артем поговорил днем с Горбунком и Скрябиным, и кое-какие наметки у него появились. Беркутов чувствовал, что его версия верная, как бы парадоксально она ни выглядела. Они договорились с ребятами и Гришкой не обсуждать эту шаткую версию с Тиной и Ритой, надо проработать все детали в этом направлении – день, два, и он будет знать точно! Сейчас главное успокоить девчонок и не спускать с них глаз, для этого и было придумано это совещание, в виде психологической поддержки.

И еще! Ему хотелось быть рядом с Тиной, знать, где она находится каждый момент и что она в порядке и безопасности!

«Это уже совсем из другой оперы, Беркутов!»

– Гриша, – подала наконец голос Тина, – а как Лешка? Ему сильно досталось?

– Ну, придушили маленько, синяк будет, испугался, понятное дело, шок небольшой, а так в порядке. Ночь поспит в больнице, а утром выйдет.

– Может, теперь спортом займется! – раздался Денискин голос от двери.

– Денис, ты подслушивал? – удивилась Рита.

– Ничего я не подслушивал! Я только пришел воды попить и услышал

про Лешку. Вообще, все из-за него!

– Это почему? – удивилась его выводам Тина.

– Потому что, как только ты его выгнала, так все это и началось!

«Устами младенца...» – подумал Артем.

– А тебе не пора спать? – задушевно спросила Ритка.

– Вот я и иду! – парировал он.

– Как-то странно идешь: в спальню через кухню, – заметила Тина.

– Я же говорю – воды попить!

Ему было весело пререкаться с ними, как раньше, когда они жили втроем и все время смеялись, играли во что-то. Он обожал то время! Тина пекла плюшки, пироги, торты и печенье, в доме часто пахло сдобой, тестом, ванилью и праздником. Они с Ритой могли из ничего устроить настоящий праздник, или просто потанцевать, или петь, или разыгрывать представления втроем друг для друга. У него замечательные, лучшие на свете мамы!

Пить Денис совсем не хотел, а пришел просто так, напомнить, что он здесь не последний человек, а очень даже важный, ну и проверить, как они тут.

Влив в себя с трудом полстакана воды, которую подала ему Лидуся, Дениска вытер губы и сказал:

– Ну все, спокойной ночи! Тина, не забудь мне завтра все рассказать!

– Всенепременно! – поклялась Тина.

Она притянула мальчика к себе и расцеловала в щеки.

– Все, все. Без поцелуев! – вывернулся он из ее рук и неторопливо поплелся в ванную, чистить зубы.

– Гражданин начальник! – подал голос Леша Скрябин. – Как я понял, совещание закончено. Так, может, по маленькой? – изобразив подобострашие на лице, предложил он.

– Рано еще! – с напускной суровостью ответил Григорий. – Мы зачем здесь собрались? Устроить девушкам перекрестный допрос, пройтись по их знакомым. Вот скажи, Алексей, что из сегодняшнего нападения следует?

– Что? – не стал умничать Скрябин.

– А следует то, что этот человек хорошо знает гардероб Валентины Игоревны и потрудился купить точно такой же костюм. Кстати, Тина, где и когда ты его покупала?

– В мае, в «Калинке Стокманн».

– Вот видишь, Скрябин! В мае! Значит, человек давно готовился. – И другим, уставшим тоном продолжил свою мысль: – То, что в «Стокманне», это плохо. Они, конечно, не вспомнят, что было в мае, хотя

у них и камеры наблюдения есть. А вот вы, девушки, – обратился он к Тине с Ритой, – будете сейчас вспоминать в подробностях: кто знал о нарядах Тины, кому она говорила, где, когда и при каких обстоятельствах что купила, кто был вхож в дом и мог взять шарфик, откуда ксерокопия паспорта и где она находилась – дома или на работе? В общем, думайте, а мы поможем вопросами. Выходит, что наш «злодей» задумывал все давно, еще весной, оттуда и начнем.

– Так, может, все-таки по одной? – просящим тоном страдальца с бодуна затянул Алексей и поспешил пояснить, отвечая на грозный взгляд начальника: – Я ж для пользы дела! Под рюмочку и вспоминать легче!

– Ох, Скрябин, дождешься ты у меня! – не страшно пригрозил Гриша.

– А что Скрябин! Я, что ли, один такой! Вон Горбунок тоже выпить хочет, меня под столом ногой пинает, подстрекает, так сказать, вступить в переговоры с начальством, рискуя вызвать его недовольство! – сдал товарища Лешка, добавив: – Сам-то боится вашего гнева!

Тина с Риткой старались смотреть в сторону, сдерживая смех, Лида зажала двумя руками рот, Артем опустил голову и прикрыл глаза ладонью. Все еле сдерживали рвущийся хохот.

– А что Горбунок?! – тут же подхватил «подачу» Саша, искренне возмущаясь. – Чуть что – сразу Горбунок! Для чего-то ж мы ее купили, не в подарок же!

Над столом грянул дружный хохот. Держаться больше ни у кого не было сил.

– А что вы смеетесь? – возмутился Саша.

– Для компресса! – пояснил Беркутов, поддевая Горбунка. – Мы ее купили для компресса!

– Подкальваете, да? – с надеждой спросил Горбунок, вызвав новый взрыв хохота.

Зазвонил телефон, висящий на стене возле Тины. Девушка встала, взяла трубку и, вытирая выступившие от смеха слезы, продолжая смеяться, весело ответила:

– Да!

На том конце провода кто-то шумно втянул в себя воздух и каким-то придавленным голосом прошипел:

– Ну, сука!

Тина сразу же перестала смеяться, почувствовав, как в нее через прижатую к уху трубку перетекает чья-то жгучая ненависть.

Ей стало плохо! Плохо и ужасно страшно!

Холод густой массой вползал в ухо, больно ударяя в голову, в кончики

пальцев.

Человек молчал, как и в прошлый раз громко дыша в трубку.

И ненавидел! Господи, как же он ее ненавидел!!

Артем, посмотрев на Тину, понял все сразу и, прерывая общий смех, громко позвал:

– Тина! – и еще раз, пытаясь заставить ее смотреть на него и не паниковать: – Тина!!

В кухне повисла тягучая тишина, все посмотрели на Тину. Сквозь накатывающие темные волны она услышала голос Артема и посмотрела ему в глаза.

И тут девушка разозлилась! Сразу! В одно все изменившее мгновение!

«К черту! Пошел к черту! Я не буду тебя бояться, урод больной! Я не собираюсь из-за твоей шизофрении превращаться в шкурку от колбасы и скукореживаться от страха!!»

Внутри поднимался протест.

– Что ж ты, придурок, все Лешку достаешь? – спокойно, контролируя каждое слово, поинтересовалась с издевкой в голосе Тина.

Она смотрела только на Артема, чувствуя его силу и уверенность, передающиеся ей, и ничего не боялась.

– У тебя ведь ко мне претензии, ну так и давай, приходи, выскажи, чем же это я тебе так насолила? Или боишься? Что, кишка слаба со мной-то поговорить?

Человек все так же молчал. Его дыхание участилось и стало громче.

«Проняло!» – почему-то радостно подумала Тина.

Беркутов жестом показал: «Тяни время». – «Зачем?» – кивнув вопросительно головой, спросила Тина.

«Так надо!»

На секунду она подумала: «А не схожу ли я с ума? Вон уже и с Артемом почти телепатически разговариваю!»

Тина посмотрела вокруг. Гришка говорил с кем-то по сотовому, не сводя с нее взгляда, у Ритки расширились глаза от страха, у Лиды было злое, сосредоточенное лицо, Горбунок хищно сощурился, Леша откинулся на спинку стула и излучал поддержку и понимание.

Артем встал и подошел к девушке. Обняв за плечи, наклонился к трубке, чтобы слышать разговор.

Тина тряхнула головой, скидывая с себя секундную слабость, и тем же спокойным, ровным голосом продолжила:

– Должна тебя разочаровать: в тюрьму меня не посадят. У меня есть алиби, что в первый раз, что сегодня. Железное алиби! Просчет у тебя

вышел. Так что зря стараешься!

В трубке молчали.

– Лешку, конечно, жалко, ни за что человек страдает, но меня это особенно не волнует, не повезло тебе! Если не умрешь от разрыва сердца, ненавидя меня, можешь прийти с повинной в полицию. Вдруг тебе срок скостят! И больше не звони! Мне твои вздохи слушать не интересно!

Она болтала, не понимая смысла того, что говорит, следя только за тем, чтобы произносить слова спокойно, четко и уверенно.

И тут он не выдержал!

– Скоро тебе, сука, станет очень интересно! Рыдать начнешь! Посмотрим, как ты тогда запоешь! – прошипел он и бросил трубку.

Услышав короткие гудки отбоя, Тина вдруг почувствовала, что весь страх, который она так хорошо контролировала, не пуская в сознание, вдруг вернулся, в одно мгновение превращая ее из уравновешенной, уверенной в себе женщины в ту самую пресловутую шкурку от колбасы.

Артем осторожно забрал у нее трубку, повесил на аппарат и, притянув девушку к себе, уткнул ее голову в свое плечо.

– Гриша, успели? – спросил он.

– Да!

– Лида! – распорядился он. – Достань и налей!

Он обнял Тину двумя руками, не давая ей пошевелиться. Они так и стояли, переживая ее запоздалую реакцию на страшный разговор.

– Что, Гриша? – поверх ее головы спросил Беркутов.

– Телефон-автомат возле выхода из метро «Семеновская», – ответил напарник.

Лидуся торопливо разливала водку, Леша ей помогал, подставляя рюмки, одну протянул Артему, для Тины.

– Тиночка, выпей! – сказал Артем, с сожалением отпуская ее от себя.

Она выпила. Залпом!

Все внимательно на нее смотрели, ожидая какой угодно реакции на происшествие. Все-таки она не была оперативным работником, человеком, хоть как-то подготовленным к подобным ситуациям. Хотя никто из оперативников не мог бы ответить, как бы он реагировал и вел себя, если бы это касалось лично его и происходило с ним.

Никто, кроме Беркутова!

Потому что больше, чем кого бы то ни было, это касалось его.

Теперь это касалось лично его! Даже больше, чем саму Тину!

А она поставила рюмку на стол и потребовала:

– И давайте работать! Гриша, какие там у тебя вопросы?

Артем поцеловал ее в щеку. И еще раз в другую, не собираясь скрывать от окружающих своих чувств к этой девушке и вызвав тем самым обмен понимающими взглядами у Гришкиных подчиненных.

– Умница девочка! – прошептал Беркутов и, поцеловав Тину еще раз, вернулся на свое место. – Все слышали? Только по одной и за работу!

– Да не гони ты коней, «важняк»! – ворчал Гришка. – За тебя, Тина, ты молодец! – сказал он, поднимая рюмку.

– За Тину! – поддержали его все.

Тина почувствовала, что очень хочет есть. Она села на свое место, подвинула тарелку и принялась с удовольствием кушать.

– Ну что, девушки, – спросил Бывалый, – кто из ваших знакомых, друзей, сослуживцев живет в районе метро «Семеновская»?

Тина с Ритой переглянулись, пытаясь вспомнить.

– Никого, – ответила Рита, – если не считать моих клиентов и кое-кого из коллег.

– Нет, клиентов не надо. А твои коллеги, проживающие там, знают Тину?

– Нет.

– Тогда это отпадает. Тина, а у тебя?

– Сейчас, я подумаю, – ответила она.

Не мешая ей думать, компания тем временем наполнила рюмки и добавила закуски в тарелку. Ритка предложила подогреть остывшее мясо, но на нее все зашикали, решив, что и так вкусно, нечего суетиться.

– Нет, – ответила Тина, – никого.

– Ну, так я и думал! – сказал Григорий. – Ладно, спиртное со стола и за работу, как сказала Тина.

– Стоп! – призвала Тина. – А как вы узнали, откуда он звонил?

– Твой телефон на прослушивании, – ответил Артем.

– Давно?

– С сегодняшнего числа, часов с двенадцати.

– А почему я об этом не знаю? – возмутилась она.

– Я не успел сказать, – спокойно ответил Артем.

– А больше мне ни о чем сказать не надо? Может, есть еще сюрпризы? – спросила Тина.

Сюрпризы имелись, вернее, было что от нее скрывать, о чем пока ей лучше не знать, поэтому Артем абсолютно честно ответил:

– Нет. Больше ничего такого!

– Тогда приступим! – прервал их Гриша.

На сей раз человек осторожно повесил трубку на аппарат, не позволяя себе выплеснуть эмоции. Мозг затопил безумный, неконтролируемый гнев, желание убить, растоптать, уничтожить, но где-то на краю сознания настойчиво билась мысль – нельзя, вокруг люди, нельзя выделяться из толпы и привлекать к себе внимание.

Человек отошел от телефона-автомата, встал напротив выхода из метро, делая вид, будто ждет встречи, повторяя мысленно, как заклинание: «Спокойно, спокойно! Возьми себя в руки!»

Через десять минут, посмотрев на часы и с досадой вздохнув, словно не дождался кого-то, человек вернулся в метро и, уже успокоившись, принялся обдумывать детали дальнейших действий. Собственно, он уже все придумал, еще до проверочного звонка этой суке на случай, если не сработают два первых плана. Человек улыбался – так даже лучше, по крайней мере, он сможет ей все высказать, унижить и своими глазами увидеть ее испуг и полную зависимость от его воли! Полную!! И ее слезы!! Она обязательно станет плакать, рыдать и уговаривать! В ногах будет валяться!! Осталось рассчитать все по минутам.

«Главное, не ошибиться в Лешке, не пережать. Этот придурок предсказуем, как утро следующего дня, но напуган до поноса, может взбрыкнуть. Надо еще раз продумать весь разговор. Я смогу, у меня все получится! Ты обязательно будешь у меня в ногах ползать, сука!»

Несколько часов подряд Тину с Риткой подробно расспрашивали о друзьях, знакомых, коллегах. Спрашивали дотошно, записывая все в свои блокноты. Как слаженная команда, перекидывая подачу друг другу, следователи гоняли подруг по всей Тининой жизни. В какой-то момент Тина просто отключилась и, уронив голову на спинку стула, заснула, не дослушав очередного вопроса.

Тина проснулась от какого-то звука и, не открывая глаз, прислушалась, пытаясь понять, что за звук заставляет ее улыбаться. Рядом сопел во сне Дениска. Такой родной, знакомый и любимый младенческий все еще сап.

Девушка повернулась и посмотрела на него. Мальчик спал, лежа на животе, широко, почти на всю кровать, раскинув руки и ноги. Ритки рядом не было.

– Солнышко ты наше! – прошептала Тина и чмокнула его в щеку.

Она выбралась из постели, накинула халатик и пошла на кухню.

Ритка стояла у плиты над кастрюлькой с овсяной кашей для Дениса и помешивала в ней ложкой.

– Привет! – поздоровалась Тина. – А где все?

– Умотали на работу, – ответила почему-то радостно Ритка. – Привет! Ты так крепко спала!

Рита положила ложку на столешницу, подошла к подруге, они обнялись и расцеловались.

– Ритка, мы становимся сентиментальными старушками – все-то время обнимаемся, целуемся!

– Ну и хорошо! – рассмеялась Ритка. – Так теплее и роднее! Кофе будешь?

– Буду. Я вчера не помню как заснула.

Ритка рассмеялась.

– Уже второй раз очень романтично!

– Это как? – не поняла Тина. – Рухнула на стол, что ли?

– Ну, не рухнула и не на стол, а элегантно устроила голову на спинке стула. Но главное! Твой Беркутов опять отнес тебя в спальню, а ты даже не проснулась!

– По-твоему, это романтично? – спросила Тина, забираясь с ногами на стул и натягивая полы халатика на колени.

– Еще как! Утром он первым встал и собрался, а перед тем как уйти, зашел к нам и поцеловал тебя в щечку!

– О господи! Вид у меня, наверное, был еще тот!

– Ну, какой вид! – возразила Ритка. – Ты просто спала.

– Ясно, поцеловал, значит.

– Да! Ужасно романтично! – подтвердила Ритка, сложив ладошки и театрально закатывая глаза.

– Ладно, романтик, давай завтракать. Народ хоть поел? – проявила запоздалую заботу Тина.

– Поел, поел. Они молодцы, настоящая команда. Быстро приготовили завтрак, меня разбудили и накормили, сами посуду помыли! Класс!

– У меня сегодня трудный день, встреча с заказчиком, мы их с Серегой два месяца окучивали, – вздохнула Тина, отпивая кофе, который подала ей Ритка. – А у меня такой вид, – она показала на забинтованные запястья и поцарапанные кисти, локти и колени.

– Ничего, наденешь что-нибудь с длинным рукавом. Что ж поделаешь, производственная травма!

– Ритуля, ты о чем? Это не мое производство! – возмутилась Тина.

– Так твоего мужчины! – веселилась всю подруга.

– Ритуль, что-то я с утра с юмором не в ладах, – призналась Тина.

– Отпускаю тебя, – смилостивилась та, – так уж и быть! Надеюсь, к вечеру оно у тебя проснется!

Тина вбежала в свой кабинет, торопясь снять трубку настойчиво звонившего телефона.

– Да! Слушаю, Игнатова! – запыхавшись, ответила она.

– Выспалась? – спросил Артем.

– Да, спасибо! – улыбнулась она, чувствуя, как от звука его голоса растекается тепло в груди.

– Тина, с работы одна не уходи! Если тебя будет некому подвезти, дождись меня или Риту.

– Вообще-то я только пришла.

Она села в кресло, развернулась лицом к окну и, все так же улыбаясь, слушала его голос.

– А я в виде предупреждения!

– Профилактика преступления?

– Именно! Ты в течение дня куда-нибудь намерена отлучаться из офиса?

– Да, у меня встреча, но на нее мы едем с Сергеем, и в кафе на обед, но это здесь рядом.

– Одна все равно не ходи.

Она перестала улыбаться, села ровно, развернувшись вместе с креслом к столу.

– Что, все так серьезно?

– Уверен, дело идет к развязке, к тому же ты его вчера сильно разозлила.

Девушка помолчала, обдумывая его слова, и машинально постукивала карандашом по столу.

– Тина! А-у! Ты где?

– Я здесь. Я все поняла, Артем, буду осторожна.

– Вот и молодец! Все, целую! – сказал он и повесил трубку.

Встреча с новыми заказчиками прошла очень успешно, несмотря на опасения Сергея. Тина же с самого начала в успехе не сомневалась – она потратила массу времени, готовя эту сделку и обдумывая все мелочи и детали и тысячу, наверное, раз перепроверив все цифры.

Но в ходе переговоров девушка постоянно отвлекалась, вспоминая слова Артема. Несколько раз Сергей обращался к ней, возвращая назад в насущное дело. А в конце встречи он просто забрал у Тины все бумаги и закончил обсуждение сам, без ее помощи и участия.

Он не стал ее отчитывать, когда они возвращались назад в его машине,

но, промолчав полдороги, спросил:

– Что, все так хреново?

– На Лешку вчера еще раз напали, представляешь? Следователи считают, что события будут развиваться очень быстро и тот псих предпримет еще какие-то действия. Уже конкретно против меня.

– Вот черт!

Шеф довольно агрессивно вел машину – обгонял, срывался с места. Тина постаралась его успокоить.

– Если ты нас угробишь, то мы никогда не узнаем, кто преступник.

– Да, извини! – согласился Сергей и сбавил скорость. – Как это не вовремя! Ты вся на нервах, о работе и думать не можешь. Слава богу, этот проект давно подготовила, а то сегодня мы бы его завалили.

– Прости! – не чувствуя вины, извинилась Тина.

– Да за что?! Ну провалилась бы сделка, да и хрен бы с ней! Другие накопаем! Но я не могу тебе ничем помочь – в отпуск тебя отправить нельзя, разрулить ситуацию я не в состоянии! Это больше всего нервирует, когда не знаешь, как помочь! Может, тебе у нас пожить?

– Не годится, я эти варианты обдумывала: вечно я прятаться не буду. Если хочешь помочь, отвези меня сегодня домой и проводи до квартиры.

– С превеликим удовольствием! – порадовался шеф возможности чем-то ей помочь. – Вообще возьми в полное распоряжение Сашу с машиной, я ему указание дам с тебя глаз не спускать! Надо было раньше сообразить!

Саша был водителем Сергея, но так как начальник любил водить автомобиль сам, то Сашу вместе с его служебной «Ауди» перекидывали, по мере надобности, от одного к другому.

– Точно! Как же это я не сообразила? Он же может быть одновременно и охранником и свидетелем! Вот черт! Это я с перепугу поглупела совсем!

– Ничего, Тиночка, держись! Прорвемся!

Помня о предупреждении Артема, да и сама чувствуя, как вокруг нее от предчувствия чего-то страшного просто-таки сгущается воздух, Тина договорилась с Верой, секретаршей Сергея, что они вместе пойдут на обед.

После того как у них на фирме побывала полиция, расспрашивая всех сотрудников, а сама Тина то исчезала, то появлялась в царапинах и с забинтованными руками, по офису поползли самые невероятные слухи о том, что происходит с Игнатовой. По-хорошему, давно надо было собрать коллектив и все объяснить, но ей было не до их горячего любопытства и фантазий. Девушка чувствовала свою вину за невнимание к людям – они были надежной командой, проверенной и вместе проработали не один год, помогая друг другу.

Поэтому, когда Верочка сообщила, что с ними идут обедать еще пять человек, непременно желающих узнать, что происходит, от самой Тины, она даже обрадовалась возможности объяснить ситуацию, пресекая ненужные домыслы.

В этом кафе они числились постоянными клиентами и пользовались определенными льготами и повышенным вниманием. Официантки помогли сдвинуть два стола, чтобы поместилась вся компания, быстро приняли заказ и так же быстро принесли еду.

– Итак, господа, – обратилась к собравшимся Тина, – подозреваю, что вы составили мне компанию за обедом не только от большой и чистой любви ко мне, а еще из желания узнать, что происходит.

– И от любви тоже! – сказала Ирина Викторовна, главный бухгалтер фирмы. – Мы вас любим и уважаем, и вы, Тиночка, об этом знаете. Нам безразлично, когда у вас неприятности.

– Спасибо! – расчувствовалась Тина. – Я тоже вас всех очень люблю, поэтому спешу успокоить: надеюсь, что скоро мои неприятности закончатся.

Она рассказала сильно откорректированную версию событий, из которой следовало, что у Алексея неприятности, связанные с бизнесом. «В него стреляли! Представляете?» Потом люди, у которых к нему претензии, пытались «поговорить» и с ней. Тина объяснила нападавшим, что рассталась с Алексеем и к его делам не имеет никакого отношения.

– Валентина Игоревна, – спросила Вера, – а что у вас с руками? Вас пытали?

– Что ты, Верочка! Ты фильмов глупых насмотрелась! Просто мне связали руки, пока со мной разговаривали. Потом они извинились, объяснив, что связали для моей же безопасности, не знали, как я себя поведу, могла от испуга наделать глупостей, попытаться убежать или еще чего.

– Слушай, а что значит «разрешиться»? – спросил Игорь, старший менеджер, работавший с Верой дольше всех.

– Я и сама не знаю, но думаю, что милиция и Лешкина фирма разберутся, что к чему, и как-то разрешат ситуацию. Я не вникаю в подробности.

– Прямо боевик какой-то, – восхитилась молодая сотрудница. – Похищают, допрашивают!

– Согласись, Светочка, – обратилась к ней Ирина Викторовна, – это всегда интересно и приятно, если происходит не с тобой!

Все рассмеялись.

Тине задали еще несколько вопросов, но постепенно разговор перешел на насущные рабочие темы, обсуждение новых заказчиков, идеи, которую разработал Игорь, и так далее.

Обед проходил довольно шумно и весело, после Тининового объяснения напряжение последних дней спало.

– Добрый день! – раздалось у Тины за спиной. – Приятного всем аппетита!

Девушка резко обернулась и увидела Юрия Ревина. Повисло настороженное молчание, Тина поспешила всех успокоить.

– Это партнер Алексея, – пояснила она, не представляя его. – Здравствуй, Юра.

– Ваши сотрудники объяснили, где вы обедаете. Мне надо с тобой поговорить, Тина. Можно украсть тебя у коллектива?

Ей не хотелось с ним разговаривать, ей вообще не хотелось с ним общаться, но она согласилась, чтобы не нагнетать обстановку и не объяснять всем присутствующим, что происходит.

– Ладно. Давай сядем вон за тот столик, выпьем кофе, – согласилась Тина и обратилась к Ирине Викторовне: – Вы меня дождитесь, вернемся все вместе.

– Конечно, Валентина Игоревна, мы вас дождемся! – подчеркнув специально для Юрия Тинин статус, ответила та.

Тина встала, Ревин галантно подвинул ее стул. Они устроились за столиком на двоих возле окна. Когда официантка отошла от их стола, приняв заказ, Юрий встал.

– Я сейчас подойду, через минуту.

Тина удивилась – вроде бы так настаивал на разговоре и куда-то уходит, но кивнула, соглашаясь.

Она смотрела ему в спину, когда он, лавируя между столиками, выходил из кафе, и чувствовала в душе неприятный дискомфорт.

Юрик Ревин был темной лошадкой, Тина с первого их знакомства чувствовала в нем склонность к предательству и обману. Находясь с ним в одной компании, она всегда контролировала свои слова, жесты и, главное, расстояние между ними, стараясь держаться от Ревина подальше.

Сейчас, поймав себя на том, что в ней нарастает какая-то брезгливая неприязнь, Тина постаралась себя урезонить – в конце концов, это несправедливо. Юра не нравится ей как мужчина и человек, но это же не повод на него наговаривать! Но тут ей в голову пришла новая мысль:

«А ведь это, возможно, интригует против меня именно он! Я ему несколько раз отказывала и даже съездила один раз в причинное место,

весьма чувствительно, между прочим! А Лешку он ненавидит и презирает! Господи! А если это Ревин?!»

На Тину накатила волна паники.

Девушка готова была ринуться назад, под защиту своих коллег, – вон как насторожились, оберегая ее, не поздоровались даже с мужчиной! Тина стала приподниматься со стула, нащупывая сзади рукой, не глядя, висевшую на спинке сумочку, но в этот момент дверь, с которой она не спускала глаз, открылась, и в кафе вошел Юрик с огромным букетом роз.

Тина опустилась назад, сразу же поняв, для чего он пришел и о чем хочет с ней поговорить.

«Черт! Вот только этого мне и не хватало! Сбежать бы!» – безнадежно подумала она и еще раз оглянулась на стол, за которым сидели ее сослуживцы.

Девушки, с интересом следившие за происходящим, пораскрывали рты, Игорь показал Тине большой палец, поощряя, видимо, к амурным делам.

«Теперь точно никуда не уйдут, будут ждать меня до последнего! – усмехнулась Тина. – И все равно это можешь быть ты, Ревин!» – уже без страха, с большой долей сомнения подумала она.

Юрик подошел к столу и торжественно вручил ей букет.

– Это тебе, я его весь день в машине вожу, все тебя никак застать не могу.

– Спасибо, – ответила сдержанно девушка.

Букет был огромный – штук тридцать пять больших пунцовых роз с добавлением какой-то травки, листьев осоки, еще чего-то, завернутый в гофрированную бумагу и обвязанный декоративными ленточками.

Тина положила его на подоконник. Подошла официантка, принесла их заказ – кофе, минеральную воду, рюмку коньяка для Юры.

– Поставить в воду? – любезно предложила она, указывая на цветы.

– Нет, спасибо, мы скоро уходим, – отказалась Тина.

Официантка ушла. Тина отпила кофе и вопросительно посмотрела на Юрика, торопя его высказаться, чтобы закончить с этим балаганом как можно быстрее.

– Тина, – начал торжественно Ревин, перейдя сразу к сути дела, – ты знаешь, что я давно тебя люблю. Я предлагаю тебе руку и сердце: выходи за меня замуж!

– Ты же женат, Юра, – напомнила Тина, отпивая кофе.

– Это не имеет значения, я подал на развод на прошлой неделе.

– Прости, Юра, но я уже тебе говорила, что не могу выйти за тебя

замуж.

– Почему? Сейчас все изменилось: ты рассталась с Лешкой, я переехал в отдельную квартиру и живу один. Мы оба свободны и можем, наконец, быть вместе!

– Я тебя не люблю и совсем не хочу жить с тобой!

– Ты меня полюбишь! Обещаю! – Он горячился, старался объяснить свои мысли, убедить девушку. – Я буду заботливым, внимательным. У меня много денег, тебе больше не придется работать, как это было, пока ты жила с Лешкой! Все твои прихоти и желания станут исполняться! Ты будешь богатой, любимой женщиной – этого вполне достаточно, чтобы полюбить!

– При чем тут деньги?! – Тина теряла терпение.

– Как при чем? Деньги – это все, или почти все, что нужно человеку!

– Все, Юра, мне пора идти! Говорить не о чем!

– Подожди! – Он схватил Тину за руку. – Как это не о чем? Выслушай меня!

– Пять минут! – согласилась она.

Ревин посмотрел в окно, беря под контроль свои эмоции, выражение его лица стало спокойным, уверенным, он посмотрел девушке в глаза и совсем другим тоном сказал:

– Я никогда не мог понять, что ты в нем нашла? Он же тупой, не интересный, дешевый! А ты держалась за него, даже не изменяла ни разу! Я точно знаю! Я подумал: может, из-за денег? И тогда я решил его разорить.

– Что? – искренне поразились Тина.

– Да! Сначала я делал это из злости и ревности, а потом понял, как это легко! Теперь я фактический хозяин фирмы, у меня основной пакет!

Ревин рассказал, как провернул все это, не упуская никаких подробностей. Тина слушала, понимая, что ей все равно. Ей действительно было безразлично, что у них происходит, кто кого подставил и зачем! Это была уже не ее жизнь и совсем ее не задевала.

«Слава богу! Теперь я свободна от Алексея. Он и его компаньоны совершенно чужие мне люди. Как я раньше этого не понимала и почему давно от него не ушла?!»

– И все это я сделал ради тебя! – закончил свое повествование Ревин.

– Неправда! – возразила Тина. – Ты делал это потому, что почувствовал, как легко и просто можно обмануть друга, как забрать ведерко в песочнице у ребенка! Но меня это не касается и не волнует.

– Ты мне отказываешь? – не веря в такую возможность, спросил Юрий.

– Объясняю последний раз, Юра! Я не выйду за тебя замуж, мне это не нужно и не интересно!

Тина поднялась со стула.

– Это ты из-за Лешки, что ли? Неужели ты его любишь?

Она как-то вдруг очень устала от этого разговора, у нее просто не было сил вместить в переживания и волнения последних дней Юрика Ревина с его любовью, расчетом, грязными играми и матримониальными планами.

– Нет, Юра, я не люблю его и никогда не любила. Но к тебе это не имеет никакого отношения, потому что ты совершенно чужой мне человек. Прощай!

Ревин встал, взял букет и протянул Тине.

– Возьми хотя бы цветы.

Тина, желая как можно скорее распрощаться с ним и отделаться от навязчивого человека, не вступая в лишние споры, нехотя взяла букет.

– Ты расстроена, я слышал, у тебя неприятности из-за Лешки. Наверное, наш разговор был преждевременным, тебе надо прийти в себя. Но как только все утрясется, мы поговорим в более спокойной обстановке. Я не отступлюсь, и в следующий раз ты согласишься.

«Да пошел ты!»

Она повернулась и пошла к сослуживцам. Игорь демонстративно постукивал пальцами по часам, давая понять, что они опаздывают.

– Никаких вопросов! – предупредила Тина строго, подойдя к их столу. – Вы расплатились? Кому я должна за обед?

– Никому, – ответил за всех Игорь, – мы скинулись. Между прочим, госпожа начальница, мы опаздываем!

– Тогда вперед!

Подойдя к дверям здания, в котором располагалась их фирма, Тина с силой ткнула цветы в урну. Букет и не собирался так просто сдаваться, но девушка, переломав все розы, все-таки затолкала его в урну, почувствовав при этом некое удовлетворение.

– Вот теперь действительно никаких вопросов! – сказала Ирина Викторовна, наблюдавшая эту борьбу.

Через полчаса Тина выкинула из головы Юрика Ревина, их разговор и полностью погрузилась в текущие дела, изрядно запущенные последнее время. Закончив приятный разговор с одним из постоянных клиентов, она положила трубку на аппарат, который тут же зазвонил снова.

– Да, слушаю!

– Тина-а! – услышала она не то всхлипы, не то плач Ритки.

– Рита!! Что случилось?! Денис?! – обмерла от страха Тина.

– Слави-ик объявился! – Теперь было понятно, что Ритка плачет, и серьезно.

– Какой, к черту, Славик?! Что ты реवेशь?

– Сла-авик, отец Дениса!

– Чей отец? – проявляя чудеса тупости, переспросила Тина.

– Да Денискин же-е!

– Что ты реवेशь, дура! Прекрати немедленно и объясни!

Боже, боже! Ну что у нее за жизнь в последнее время?!

Утро началось с поцелуя, который она проспала, днем чуть не завалила сделку, в обед выслушала бредовое предложение выйти замуж, а теперь еще и Славик мифический!

Прямо гражданская война какая-то, а не жизнь!

Ритка хлюпала носом и повторяла:

– Сейчас, подожди, я успокоюсь! Сейчас, подожди!

– Ритуля, ну все, все! Я с тобой, мы вдвоем со всеми придурками справимся, не то что с каким-то Славиком! Объясни по порядку.

– Значит, так! – вздохнув еще пару раз и немного успокаиваясь, начала Ритка. – Звонит мне на работу Дениска и говорит: «К нам пришел мой папа». Я спрашиваю: «Какой такой папа?» Он отвечает: «Говорит, что мой отец, и сейчас он здесь, у нас дома». Я бросаю все, мчусь домой и застаю картину Репина: папа с сыном пьют чай. Я его сразу-то и не узнала – потертый какой-то, лысинка начинающаяся.

– Откуда он взял твой адрес? – перебила ее Тина.

– Мама дала. Он ее неделю уговаривал, мол, хочу сына увидеть – аж терпежу нет! Ты же знаешь, какая она – атаки в виде слез покаяния и соплей надежды не выдержала!

– Как Дениска?

– Не знаю. Растерян, конечно, не понимает, как реагировать, но мы толком и не поговорили с ним.

– А ты?

– Плохо! Он мне, как только я вошла, заявляет: я имею право общаться с сыном! Ну я и завелась сразу – какое право? С каким сыном? Пошел вон! Господи! Мне так тошно стало! Так бы и стукнула его чем-нибудь по его лысине противной! Козел!

– Ритуль, успокойся! Я к тебе через часик приеду. Где Денис?

– Ушел, представляешь? Проводить «папу» до метро!

– Держись, я скоро буду!

Тина быстро покидала вещи в сумочку, убрала документы в сейф и почти побежала к Сергею в кабинет.

– Сереж, ты домой не собираешься? – спросила она, врываясь к нему.
– Поехали, я же обещал тебя отвезти. Кстати, Саше я приказ дал, так что завтра с утра вызывай его, он будет тебя возить и охранять.
– Замечательно!

– Я тебя доставлю в квартиру, проверю, все ли там в порядке, – сказал Сергей, когда они подъехали к ее дому.

– Тина! – позвал ее кто-то.

Она резко обернулась на голос, успев мгновенно испугаться. На скамейке у дверей подъезда сидел Денис.

– Деничка, что ты здесь делаешь?

– Я к тебе пришел, мне надо! – туманно ответил мальчишка.

– А чего здесь сидишь? У тебя же ключи есть.

– Я их дома забыл, а вы кто? – спросил он у Сергея.

– Я Сергей Владимирович, начальник Валентины Игоревны, в данный момент выполняю функции охранника.

– А-а! Я о вас знаю. – Мальчик по-взрослому протянул ладошку для рукопожатия. – А охранять ее сейчас надо.

Они поднялись на лифте наверх и вошли в квартиру. Сергей разулся и прошелся по всей квартире.

– Бандиты не обнаружены? – язвительно спросила Тина.

– Ты особо-то не резвись! – приструнил он ее. – Ну все, пока!

Он чмокнул Тину в щеку, махнул рукой Денису и ушел.

– Есть будешь? – спросила Тина Дениса, закрывая за Сергеем дверь.

– Нет, не хочу.

– А чай?

– Ничего не хочу. Мне нужно с тобой посоветоваться.

– Советуйся, – согласилась она, – только я что-нибудь перекушу.

Ладно?

– Ладно, – разрешил он и, подумав, согласился: – Тогда и я с тобой, за компанию. Так разговаривать легче.

Чтобы Денис не заметил ее улыбки, Тина принялась доставать из холодильника какую-то еду из вчерашних запасов, оказалось, что продуктов довольно много, и разных. Девушка сварила себе кофе, сделала бутерброды, порезала овощи. И незаметно усмехнулась, наблюдая, как Дениска с аппетитом уплетает бутерброд, закусывая его огурцом.

«Так-то лучше!» – подумала она и села за стол, присоединившись к Денису.

– Ну, что стряслось?

– Ты же знаешь. Тебе ведь Рита звонила?

– А, так ты об отце хочешь поговорить?

– Ну да! – откусывая кусок от бутерброда, ответил он. – Как ты думаешь, мне с ним встречаться?

– А что думаешь ты?

– Не знаю! Вы с Ритой должны мне подсказать, я же еще ребенок!

Тина рассмеялась.

– О том, что ты ребенок, ты вспоминаешь, когда тебе это нужно и удобно, во все остальное время ты претендуешь на роль взрослого, в крайнем случае, на подростка!

– Тина, не надо меня сейчас воспитывать, давай ты будешь это делать в другое время! – рассердился Денис. – Вопрос-то серьезный!

– Вопрос действительно серьезный, – согласилась она.

Тина не знала, чем им грозит появление этого «папаши». Он обрушился на них в самый неподходящий момент. Хотя разве у таких событий могут быть подходящие моменты? И ничем хорошим это «грозить» не может, точно!

– А что Рита тебе говорит?

– Ничего не говорит пока! Прилетела, наорала на него, из дома выгнала. Я его пошел провожать до метро и к тебе поехал.

– Рита знает, что ты у меня?

– Нет, – буркнул Денис, понимая, что виноват.

– Тогда сначала уладим этот вопрос.

Тина набрала Риткин номер, та подняла трубку после первого же гудка.

– Ритуль, – сразу успокаивая, начала Тина, – Дениска у меня, все в порядке!

– Господи! Я чего только не передумала! Он обиделся, что ли, что я на Славика накричала?

– Нет, нет, он просто не знает, как поступить. А ты там как?

– Не знаю, как я здесь! Пока ничего не знаю. Сижу и боюсь, что Дениска решит, что этот козел ему нужен!

– Давай прекращай панику! Займись лучше каким-нибудь делом, а нам с ребенком нужно поговорить.

Тина повесила трубку и посмотрела на Дениса, который ковырял вилкой стол, всем видом показывая, что чувствует свою вину.

– Давай разбираться, ребенок!

– Давай, – вздохнул Денис.

– Что он тебе говорил-то?

– Ну, говорил, что виноват передо мной, что хочет быть в моей жизни, наверстать упущенные годы, что только теперь понял, как я для него важен и что никогда не хотел меня бросать, так получилось.

– Понятно!

Тине хотелось так стукнуть того Славика, чтобы он летел куда подальше, но сейчас Дениска и его переживания были важнее их с Риткой эмоций и чувств.

– Денис, сейчас самое главное, чтобы ты понял, что ты хочешь и что ты чувствуешь. Тебе надо не думать о том, как бы не обидеть Риту или меня, а разобраться со своими чувствами и желаниями. Понимаешь? Ты хочешь, чтобы он был в твоей жизни, общаться с ним, встречаться?

– Не знаю! – честно ответил мальчик. – С одной стороны, я рад, что он появился, я теперь хоть знаю, как он выглядит, с другой стороны, мне обидно, что его не было все эти годы. Вы с Ритой неправильные воспитатели, – вздохнул он, – когда я про него спрашивал, вы мне всю правду рассказывали, получалось, что он бросил Риту и меня и сбежал.

– А что, лучше было что-нибудь придумать, типа летчика-испытателя, героически погибшего?

– Ну не знаю, может, как-то помягче. Говорят, детская психика неустойчива! Слышала? – ехидно спросил Денис.

– Насколько я могу судить, с твоей психикой все в порядке!

– А могло быть что угодно! – весело рассмеялся Денис.

– Да уж! – улыбнулась Тина и погладила его по голове. – Я не знаю, что тебе сказать и что вообще говорят в таких случаях, поэтому буду говорить правду, как у нас заведено. Он действительно бросил Риту в самый трудный момент. Ей было семнадцать лет, всего на пять лет старше тебя сегодняшнего. Славик жил с ней, говорил, что любит, обнадеживал, каждый день рассказывал, что они вот-вот поженятся, как только его родители смогут приехать на свадьбу, а сам все это время готовил побег. Понимаешь, каждый человек имеет право на ошибку, особенно в молодости, когда многого не знаешь, не понимаешь и не умеешь разбираться в людях, а в мозгах сплошной юношеский максимализм. Конечно, можно влюбиться, как тебе кажется, на всю жизнь, а через месяц понять, что не любишь и не хочешь жить с этим человеком, можно создать семью, а как только начать жить вместе, осознать, что не готов к такой ответственности. Возможны любые ошибки, на то она и глупая молодость. Ранние беременности подруг – это шок для молодых людей, не готовых стать отцами. Руководствуясь все тем же максимализмом, все эти вопросы разрешаются просто – молодой человек сообщает своей девушке, что он

с ней расстается. В молодости юноши довольно жестоки и не щадят чувств своих дам. Но как бы жестоко это ни было, это честно. Больно, но честно! Понимаешь, взыграли гормоны, мальчик влюбился до одури, ему мнилось, вот она, единственная, а когда первая эйфория прошла, девушка оказалась самой обыкновенной и не так уж любимой. Это все можно понять. По крайней мере парень поставил в известность, что он сделал вот такой жизненный выбор, и теперь девушка должна сделать выбор сама, не рассчитывая на него. Но заведомо обманывать девушку, каждый день врать, что любишь ее, хочешь ребенка и ждешь не дожدهшься свадьбы, а самому несколько месяцев подряд тайно готовиться к побегу – это уже не ошибка, это характер! Это продуманные действия и целенаправленный обман. Бывает, люди меняются с годами, но я не верю в то, что человек может глобально измениться. У всего этого есть название – это подлость, трусость и лицемерие. Отсюда возникают вопросы.

– Какие вопросы?

– Первое, почему спустя тринадцать лет он про тебя вдруг вспомнил и ему сразу понадобилось встретиться? Мог бы, от проснувшихся отцовских чувств, посылать для начала письма, посылки, подарки, деньги наконец! Второе, где он живет, что делает, есть ли у него семья и что он хочет от тебя и от Риты? Третье, почему он сначала не поговорил с Ритой, она твоя мать и должна решать – видеться вам или нет, она за тебя отвечает и за твою психику, между прочим, тоже! Почему он пришел к вам домой, зная, что Рита на работе? Прости, но я подозреваю его в меркантильности и корысти, хотя мне этого очень не хочется. Я никогда тебе не врала и не собираюсь этого делать и впредь!

– В какой меркантильности? – заинтересованно спросил Денис.

– Денис, ты же очень умный! Подумай сам! Рита хорошо зарабатывает – у вас квартира, и не маленькая, и в престижном районе, машина дорогая. У Риты известное в Москве имя, она сделала прекрасную карьеру! А все это вместе взятое – деньги и большие связи!

– Ты говоришь, что он чего-то хочет от Риты и действует через меня?

– Такой вариант возможен. Мне очень неприятно такое тебе говорить и совсем не хочется, чтобы это подтвердилось. Я ведь понимаю, что тебе нужен отец, самый лучший, и чтобы он любил тебя и ты чувствовал, как сильно ему нужен. Будем надеяться, что так оно и есть и именно поэтому он появился. Но, к сожалению, надо помнить, что этот человек может иметь какой-то расчет.

– Мне надо обо всем этом подумать. Если честно, кое-что в его словах и поведении мне не очень понравилось.

– Конечно, подумай. И еще ты должен помнить и знать, что ни в коем случае не виноват в том, как он поступил с Ритой. И в том, что он ушел, нет твоей вины, это только его ответственность и глупость.

– А-а, я знаю, о чем ты! Это из учебника по детской психологии – там написано, что дети из неполных семей нарабатывают себе комплекс на всю жизнь, считая себя недостойными, потому что ребенку кажется, что он себя плохо вел и все такое, поэтому папаша их и бросил!

– И как с тобой разговаривать, с таким умным? – рассмеялась Тина. – Вот скажи мне, на черта ты его читал, этот учебник?

– Так интересно, как ученые объясняют, например, почему я люблю валяться в одежде на кровати! Обхохочешься! Я просто балду гоняю, а они так все серьезно, делают какие-то выводы, исследования проводят!

Зазвонил телефон. Тина настороженно на него посмотрела, но все-таки ответила:

– Да?

– Надеюсь, тебя подвезли? – строго спросил Беркутов.

– Все по инструкции, – отчиталась она. – Меня привез Сергей, а еще проверил квартиру на предмет отсутствия посторонних!

– Вот и умница! Я сегодня охранять тебя не смогу – дел невпроворот!

– Меня Денис сейчас охраняет!

– Передай привет юному скауту!

– Передаю. Денис, тебе привет от Артема!

Денис помахал в ответ рукой.

– Тебе тоже.

– Я еще позвоню, а сейчас зашиваюсь!

– Тогда до свидания!

Она повесила трубку и обратилась к Денису:

– Деничка, я поеду к Рите, ей нужна поддержка. Ты оставайся, поиграй в компьютер, подумай обо всем. Двери открывай только мне, Рите или следователям – больше никому, понял?

– Даже знакомым?

– Тем более знакомым!

Тина вызвала такси и пошла переодеваться. Разговор предстоял трудный, Ритку надо реанимировать как-то, успокоить, поэтому Тина выбрала любимую и комфортную одежду – мягкие джинсы, футболку и короткую кофту с капюшоном.

Позвонили и сообщили, что такси у подъезда. Натягивая спортивные туфли, Тина давала последние инструкции Денису, который от нетерпения сестры за компьютер уже «бил копытцем».

Куда вся печаль делась!

– Еда в холодильнике, найдешь. Дверь за мной закрой на все замки и цепочку, посмотри в окно – села ли я в такси. Я перезвоню. Все, целую!

– Тина, а это не опасно, что ты одна едешь?

– Нет, я на такси, и ты проследишь, села я в него или нет.

– А если нет?

– Звони Артему или Гришке, я их телефоны записала и возле трубки повесила на стену.

– Ну ладно!

Когда она ехала в такси, позвонил Артем:

– Тина, как ты там?

– У меня все в порядке! – отрапортовала она, почему-то не сказав, что едет к Ритке.

Ей было неудобно, во-первых, потому, что это не очень умно – срываться одной ночью куда-то ехать, а во-вторых, не хотелось посвящать кого-то в появление блудного «отца», теплилась надежда – может, пронесет, и он как появился, так и исчезнет из их жизни.

– Я сегодня охранять тебя не смогу, – повторил расстроенным голосом Артем. – Я еще на работе, освобожусь через полчаса и поеду отсыпаться. Ты сама справишься?

– Обязательно! – пообещала Тина.

– Тогда до завтра!

– До завтра! – попрощалась она, чувствуя вину за то, что обманывает Беркутова, пусть просто не говоря правды.

Тина звонила и звонила в дверь Риткиной квартиры. Похоже, никто не собирался открывать. Девушка порылась в сумочке, достала ключи и открыла сама.

Во всей квартире горел свет, даже в ванной и в туалете.

– Рита! – позвала Тина.

– Я здесь! – каким-то неразборчивым голосом отозвалась Ритка из кухни.

Тина прошлась по квартире, выключила лишний свет и зашла в кухню.

– Ритка-а! – удивилась Тина. – Ты пьяная?

– Это мне док-доктор прописал! – с трудом выговаривая слова, ответила Ритка и стукнула кулачком по столу.

– Какой доктор, ненормальная!

– Розен-зенба-ум! – справилась все-таки с трудной фамилией Ритка.

Она встала со второй попытки со стула и запела дурным, пьяненьким

голосом:

– «Водки съем бутылочку-у, взгромоздью-юсь на мило-очку, а потом в парилочку-у...»

И пустилась в пляс, пошатываясь. Чуть не упала и схватилась за Тину.

– Водки я уже съела, осталось на милочку, вернее на милого, на милочку мне никак нельзя, – рассуждала Ритка, размахивая рукой.

Она ненадолго задумалась, потом махнула широким жестом, одновременно кивая головой, как бы подтверждая мысль типа «А-а! Гулять, так гулять» – и добавила:

– А потом в парилочку! – И еще раз махнула рукой, закрепляя сказанное.

Все это выглядело так комично, что Тина рассмеялась. Обняла разошедшуюся подружку, поцеловала в щеку:

– Идем, я тебя спать уложу, пьяница ты моя!

– Да, я напилась! – упиралась Ритка. – Правильно, между прочим, сделала! Стресс надо снимать, как и болевой шок! – И снова кивнула, подтверждая свое утверждение.

– Это тебе тоже доктор сказал?

– Нет, – очень серьезно ответила Ритка. – Это я сама придумала!

– Голова-а! – похвалила Тина – А вот скажи мне, умница, чего ж ты напилась-то?

– А со страху! – скорчив испуганную рожицу и округлив глаза, ответила Ритка. – Со страху и от обиды!

Она вывернулась из рук Тины, плюхнулась на стул и подвинула к себе бутылку. Тина перехватила у нее полупустую бутылку дорогого коньяка и убрала в холодильник.

– Все, Ритуль, хватит! И чего ты так испугалась?

– А вот заберет он у меня Дениску! Нет, ну ты представляешь?! Его же тогда как ветром сдуло! Как он там писал? – спросила она, размазывая по щекам пьяные слезы.

– Где писал? – не поняла Тина.

Она достала из ящика чистое кухонное полотенце, намочила холодной водой и вытерла Ритке лицо.

– В записке!! Отстань от меня, холодно же! – оттолкнула она полотенце. – В записке: «Я не могу взять на себя такую ответственность!» Помнишь? И смотри ты! Тринадцать лет прошло, и объявился! Теперь-то ответственно, тьфю ты! – сплюнула она, не справившись со словом. – В общем, брать ее, эту самую, не надо! – И она зарыдала во весь голос.

– Рита, что ты ерунду городишь! Что значит заберет?! Да кто ему

даст?! Ты же лучший юрист в Москве! Ты его вместе со всей своей конторой в «асфальт закатаешь»!

– Правда-а? – спросила с надеждой Ритка.

– Конечно! Вот протрезвеешь, проспидишься и подумаешь, как надо действовать.

– Да-а? А если Дениска захочет с ним жить?!

– Да с какой радости?! Ничего он не захочет, что ты глупости говоришь! – Она разозлилась: – Все, хватит пьяных слез!

Тина подхватила подругу под мышки, пользуясь преимуществом своего роста над миниатюрной Риткой, и потащила ее в ванную. Открыв холодную воду, засунула ее голову под струю воды, не обращая внимания на Риткины вопли.

Полчаса Тина ее успокаивала, уговаривала, укладывала в постель. Но только Ритка уgomонилась и начала засыпать, как ей стало плохо и она помчалась в туалет.

Тина поняла, что уехать домой и оставить Ритку одну в таком состоянии она не может.

А там, между прочим, Денис. Один.

А одному в ее квартире находиться опасно, мало ли что взбредет в большую голову «стрелка»! И что прикажете делать?

Тина решила. И быстро, чтобы не успеть отговорить саму себя, набрала номер.

– Беркутов! – ворчливо ответил Артем сонным голосом.

Еще бы! Время – начало двенадцатого, а они, между прочим, почти не спали две ночи подряд, все в войнушки играли!

Принесла нелегкая этого Славика! И именно сейчас! Черт бы его побрал! Как говорилось в одном дешевом американском фильме: «Все плохое случается очень не вовремя!»

– Артем, извини, что разбудила!

– Так! Ты где? – сразу совсем другим, деловым, тоном спросил он.

– Я у Риты.

– Что случилось?

– Ничего страшного! – поспешила успокоить его Тина. – У Риты неприятности, и она... – девушка задумалась, подбирая определение помягче и заодно прислушиваясь к шуму воды в ванной, – немного не в форме, а Денис у меня в квартире, один!

– Я понял! Ты хочешь, чтобы я забрал Дениса и привез?

– Нет, нет! Не надо привозить. Пожалуйста, поезжай к нему и переночуй в моей квартире. Я не могу сейчас бросить Ритку.

– Хорошо. Уже еду, не волнуйся. Что у нее случилось-то?

Тина задумалась: говорить или нет? В общем-то это их личное дело. Может, Ритка и не захочет посвящать в него кого-то еще. С другой стороны, Артем и так про них все знает, и в сложившейся ситуации, наверное, глупо что-то скрывать.

– Ау-у! Тина, ты где? Думаешь, можно ли доверить мне секрет подружки?

«И все-то он понимает! Умный какой!» – обрадовалась Тина.

– Я здесь, – сказала она вслух. – Объявился отец Дениса и потребовал тесного общения с сыном.

– Это какой такой отец? Насколько я помню, его никогда не наблюдалось в вашей жизни.

– Узнав о Ритиной беременности, он скрылся в неизвестном направлении, – пояснила девушка и, услышав грохот со стороны ванной, поспешила закончить разговор: – Все, мне некогда!

– Что, ей плохо? Она напилась, что ли? – спросил весело, окончательно проснувшись, Артем.

– Беркутов! – грозно одернула Тина. – Ты можешь хотя бы ночью перестать быть следователем?!

– Не могу! Привыкай! Целую! – и он положил трубку.

Тина уставилась на телефон, который держала в руке.

«К чему привыкай? Кажется, дело о покушении на Потапова совсем доконало «важняка» Беркутова!»

Тина позвонила себе домой.

– Але! – бодрым голосом ответил Денис.

– Не спишь?

– Не-а! Рублюсь в комп!

– Резвишься, значит, на свободе!

– Пользуюсь случаем! – покаялся мальчик.

– Деничка, сейчас к тебе придет Артем, ты ему открой, только обязательно посмотри в глазок!

– Что я, маленький, один не могу переночевать? – обиделся Денис.

– Не в этом дело! В моей квартире одному сейчас ночевать небезопасно!

– А-а! Понял, не дурак! – сообразил он.

Мальчик сразу взбодрился, чувствуя, что приобщается к важному и ужасно интересному делу.

Еще бы! Оказаться в центре уголовного дела! Круто!

– Ты там особо-то не радуйся приключениям, – поняла его мысли

Тина. – Все-таки мне угрожают, а на Лешку совершили уже два покушения!

– Ему так и надо, а тебя мы в обиду не дадим!

– Кто это «мы»?

– И я, и дядя Артем, и дядя Гриша с ребятами!

– Все, защитник, спокойной ночи!

Грохот в ванной повторился. Тина бросила телефонную трубку и побежала спасать подругу от травм.

Ритке было очень плохо!

Она никогда не напивалась, даже до легкого опьянения, всегда четко знала и держала свою меру, а чтобы так!

Так было первый раз!

Тина развела трехлитровую банку марганцовки и почти силой заставила Риту ее выпить. Подруга плакала, что-то говорила, жаловалась, отталкивала руки Тины, сующие ей следующую порцию розового питья. Потом был контрастный душ, крепкий сладкий чай и долгие уверения, что все обязательно станет хорошо.

Часа в два ночи Ритуля заснула. Просто легла на кровать и мгновенно провалилась в сон, такой крепкий, что не было слышно ее дыхания.

Тина легла и все проверяла, дышит ли подруга вообще, а потом и сама уснула.

Проснулась она от того, что кто-то громко стонал ей прямо в ухо. Тина подскочила, вспомнив сразу все ночные события.

– Риточка! Как ты? Совсем плохо?

– Тина! Ты здесь, какое счастье! – еле ворочая языком, ответила Рита. –

Тина, я умираю?

– Нет, – рассмеялась Тина, – у тебя сильное похмелье.

– Что ты можешь об этом знать? – слабо возмутилась подруга.

– Я ничего, и ты тоже!

– Вот теперь и узнаю! Как болит голова!

Тина отправилась разыскивать таблетки. Она набрала целую горсть, решив, что в такой ситуации количеством не навредишь. Какие-то витамины, обезболивающее, но-шпа. Налила стакан минералки и отнесла Рите. Подруга выпила все, не сопротивляясь и не задавая вопросов.

– Ритуля, что тебе сделать? Хочешь есть?

– Только не это! – простонала Ритка.

– Может, в ванную?

– Давай попробуем, – вяло согласилась она. – А попить много можно?

Тина включила воду в ванной, добавила пены, затем принесла Рите бутылку минеральной воды, посмотрела на будильник, стоящий

на тумбочке, и усмехнулась – было пять часов утра.

Видимо, сон в экстремальных условиях – это роскошь!

Усилия, потраченные на вливание в Ритку марганцовки, были потрачены не даром. Полежав в ванной и выпив бутылку воды, подруга очень быстро пришла в себя. Через полчаса она была почти в форме.

Они пили чай на кухне и обсуждали проблему отцов и детей.

– Понимаешь, я так вдруг растерялась, испугалась, – призналась Ритка. – Такое бессилие навалилось!

– Просто у нас еще одна проблема.

– У нас куча проблем! – возразила Ритка. – Как ты думаешь, зачем он объявился?

– Не знаю, но подозреваю плохое. Вот не верю я ему!

– Я тоже! Вчера на него посмотрела и подумала: какое счастье, что я не вышла за этого человека замуж и не связала с ним свою жизнь! Какой-то он хитренький, глазки бегают, все что-то высматривают, помятенный, потертый! А ведь думала умру, когда он меня бросил!

– Вот и слава богу!

– Именно! Я когда вчера тут напивалась, многое передумала. Надо в церковь сходить, Богу свечку поставить, что отвел меня от этого человека. Была бы я сейчас замужем за ним, жила бы в родном городе в одной квартире с мамой, концы бы с концами сводила, угождала бы этому огрызку. И ничего бы у меня не было – ни Москвы, ни любимой работы, ни денег!

– Вряд ли! – возразила Тина. – У тебя характер другой, сомневаюсь, чтобы ты зря растратила свой потенциал. И потом, чего гадать? Есть так, как оно есть!

– Правильно! Я ему Дениса не отдам, даже близко не позволю подойти, я этого Славика по стенке размажу! Он вообще забудет, где Москва находится!

– Ну во-от! Узнаю свою Ритку! Ты Денису даже отчество записала по имени своего папы! Каким боком к нам этот Славик? Мы же, слава богу, не в Америках каких живем, чтобы через тринадцать лет вылезали такие «папы» и что-то требовали!

– Что бы я без тебя делала?! – всплакнула Ритка, обнимая Тину.

– А я без тебя? – ответила Тина и поцеловала подругу в лоб.

– Тиночка, ты езжай домой, отдохни, тебе надо выспаться. А я посплю до девяти и за дело!

– Правильно!

Ритка вызвала такси. Расставаясь в прихожей, Рита все не могла

выпустить подругу из объятий, как будто на фронт провожала или сама воевать уходила.

– Ну все, Ритуль, держись!

– Я держусь.

Тина открыла дверь и вошла к себе в квартиру. Из ванной доносился шум льющейся воды и громкое фальшивое пение.

– Кажется, господин Беркутов принимает душ, – улыбнувшись, сказала Тина.

«Давай за жи-изнь!» – выводил очередную руладу Артем.

– Как мило! – хихикнула Тина.

Она повесила на вешалку сумочку, бросила кофту на пуфик, сняла обувь и, оставшись босиком, обошла всю квартиру.

Дениса нигде не было.

«Спокойно! – велела себе Тина. – Все в порядке, иначе господин следователь не пел бы!»

Девушка прошла на кухню и включила чайник, собираясь сварить кофе. В ванной смолкло пение и шум льющейся воды.

– С легким паром! – прошептала Тина.

Она улыбалась, разговаривая сама с собой, настроение у нее стало неожиданно ну просто замечательное!

Бог с ними, с неприятностями! Прорвемся!

Чайник закипел. Тина зажгла конфорку, потянулась к верхнему ящику взять упаковку с кофе и замерла, увидев, как говорят, «открывшуюся взору картину».

В кухню, вытирая голову полотенцем, вошел следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Артем Константинович Беркутов, гроза и карающая десница криминального элемента всей страны... совершенно голый!

– Доброе утро, – поздоровалась сразу севшим голосом Тина.

Он убрал полотенце, посмотрел на девушку, улыбнулся и, несколько не смущаясь своей наготы, ответил:

– Действительно! Утро обещает быть добрым!

Тину тянуло к Беркутову с какой-то безумной силой! Девушке казалось, что прямо перед ней вертится огромный смерч, в центре которого находится Артем. Она облокотилась на столешницу и крепко схватилась за нее обеими руками, понимая, что если разожмет пальцы, то ее неминуемо затянет в эту воронку. Прямо к Беркутову в руки, не оставляя никаких шансов на сопротивление, разум и все умные и правильные

мысли!

– А где Денис? – попыталась перевести разговор на нейтральную тему и ослабить эту силу притяжения Тина.

– В надежном месте, не волнуйся, с ним все в порядке, – ответил Артем.

Он проснулся рано в отличном настроении. В ее кровати! И понял, что это единственное правильное утро – в ее кровати! Вернее, в их, совместной! Вдвоем!

И какого черта!

Не будет он больше ждать! Ну не железный же он, в самом-то деле!

Поймает он этого «стрелка», и очень скоро.

Хватит спать отдельно от Тины и видеть невероятные эротические сны – он же не юноша восемнадцати лет! Хватит просыпаться совершенно разбитым и мучиться оттого, что ее нет рядом!

«Все! Сегодня же затащу ее в постель, и хватит этого мазохизма!»

Приняв такое решение, Беркутов почувствовал себя тем самым юношей восемнадцати годов. Тогда он сделал несколько упражнений и побежал в душ.

Артем пел во все горло, стоя под струями воды, радовался предстоящей ночи и все думал: как это будет?

Как это все будет у них?

То, что получится замечательно, он знал точно!

«Так! Хватит! Остановись, Беркутов! – уговаривал себя Артем. – Думай о работе, отвлекись, а то помрешь тут еще от чувств и гормонов!»

Но отвлечься было очень сложно, практически невозможно. Он вытирался чистым полотенцем, от которого, совсем чуть-чуть, пахло хозяйкой квартиры. В ванной на полочке стояла ее косметика, шампуни, какие-то засушенные ароматические растения. К зеркалу было приклеено бумажное сердечко с надписью: «Я тебя люблю!», а внизу на нем приписано, почему-то черным фломастером: «Рита и Денис».

Беркутов умилялся, вдыхая запах ее дома, ее духов, ее жизни, и тихо повизгивал внутри себя, как щенок, ему казалось, что он даже виляет хвостом от восторга.

«Все, остановись!» – приказал он себе последний раз, выходя из ванной.

И увидел Тину!

Он не слышал и не понимал, что она говорила и что отвечал он сам, он только знал, что вот теперь действительно все!

Назад дороги нет!

Артем почувствовал, что девушка в панике. Еще секунда их стояния порознь друг напротив друга – и она сбежит. Он видел, как Тина судорожно вцепилась руками в столешницу, так что побелели костяшки пальцев, как расширились ее зрачки и быстро-быстро поднималась и опускалась грудь от учатившегося дыхания.

Беркутов бросил полотенце, которое до сих пор держал в руке, и оказался возле Тины в одно мгновение, отрезая все пути к отступлению для них обоих.

Он взял в ладони ее лицо, приподнял и заглянул в глаза, оттягивая всеми силами сумасшествие, в которое они впадали.

– Артем! – прошептала Тина, пытаясь что-то сказать.

– Не бойся! – ответил он шепотом.

И, пресекая все лишние мысли, все «можно» и «нельзя», все ее попытки убежать от него, поцеловал!

Все!

Беркутов наконец сделал то, что давно хотел, что притягивало его магнитом с того момента, когда он впервые увидел Тину, – увлек за собой эту женщину! Она была в его руках – податливая, горячая, вызывавшая не испытанные им никогда по своей глубине и накалу желания чувства. Она казалась родной, узнаваемой и совершенно не познанной. Ее тело пело созвучно с его. Они дышали и двигались, как единый механизм, как самая гармоничная музыка, сводя с ума своим полным, непостижимым совпадением!

Артем зашептал, чувствуя, как над ними поднимается волна цунами, готовая смести все на своем пути и не оставляя шансов выжить!

Он несся, как литерный поезд, без остановок, и рвался познать нечто, о чем только догадывался!

Вот сейчас! Вдвоем, прямо сейчас!

Тина вдруг испугалась того, что готово было обрушиться на них всей мощью. Он почувствовал, понял!

– Я здесь, я с тобой! Не бойся!

И она отпустила последнюю тонкую нить, которая держала ее!

Огромная, темная и одновременно сверкающая волна накрыла их!

Тина закричала, уносимая этой волной, крепко ухватившись за Артема, понимая, что только в нем ее спасение!

Наконец волна выбросила их на берег и отступила.

Артем не мог двигаться, тяжело дышал и пытался вспомнить, что должен сделать в этот момент. Что-то очень важное. Но поймать хоть какую-то мысль в голове оказалось невозможно, их просто не было!

Ах да!

Надо перевернуться! Интересно, зачем?

Тина пошевелилась, и он вспомнил! Ну да! Ей же тяжело: он лежит на ней, придавливая ее к полу всем своим весом!

Удивляясь тому, что все-таки нашел в себе силы, Беркутов перевернулся, не выпуская девушку из объятий. Тина уткнулась носом ему в ключицу, и ее прерывистое дыхание щекотало Артему кожу, посылая по телу мурашки.

Беркутов чувствовал себя так, будто превратился в растекшуюся массу, лужицу от растаявшего мороженого.

Солнце, светившее в окно, нагревало его макушку. Странно. Откуда солнце? Вроде бы только что была ночь, или ему показалось?

– Я и представить не могла, что так бывает, – слабым голосом призналась Тина.

– Как? – уточнил он.

Ему хотелось похвал, чтобы она сказала, что он единственный, самый-самый и вообще все так прекрасно только с ним!

– Так! – ушла девушка от ответа.

– Как, Тина? – настаивал Артем.

– Я не могу объяснить, это было как маленькая смерть вдвоем, – пояснила она, щекоча дыханием его ключицу.

От ее слов по его телу прокатились отголоски цунами, последней отступающей волной, приводя в восторг, как юношу, впервые познавшего радости великого секса.

Нет! Еще лучше! В сто раз лучше!

Пожалуй, что такого накала мужского самодовольства и телесного восторга он не испытывал никогда!

Суперкубок!

Прямо ему в руки!

– И что это было? – все тем же слабым голосом спросила Тина.

– Это были мы! Просто Мы!

– Ничего себе просто! Я чуть не умерла!

– А я умер, точно! И до сих пор не воскрес! – ответил Артем хриплым, счастливым голосом.

– Мне нужно на работу. Придется встать, – сказала Тина, не делая никаких попыток пошевелиться.

– И мне на работу! – вздохнул Беркутов и успокоил: – Сейчас все повторим и пойдем на работу.

– Если мы это повторим, то точно скончаемся! – усмехнулась она

и тут же заметила: – С другой стороны, не придется идти на работу!

Тина собралась с силами и села.

– А где Денис? – вдруг вспомнила она.

– Денис у Лидусиной мамы, – ответил Артем, поглаживая ее голую спину.

– И как он там оказался?

– У меня пока нет сил на полноценный рассказ!

– Надо их восстановить. Давай позавтракаем?

– Давай! – радостно согласился Беркутов.

Тина встала, ноги слегка дрожали. Она обошла лежащего Артема и пошла в спальню одеться.

– Ты куда? – спросил Артем.

– Одеться! – крикнула она уже из коридора.

Он догнал ее в спальне, бесшумно подойдя сзади, скинул с плеч шелковый халатик, который Тина успела набросить, и прошептал на ухо:

– Давай ты оденешься немного позже!

Все-таки они собрались завтракать, правда, с большим опозданием. Поминутно целуясь, вдвоем приготовили бутерброды, сварили кофе и, сделав усилие, чтобы оторваться друг от друга, сели за стол.

– Так что Денис? – спросила Тина.

– Когда я сюда приехал, мне позвонил Гришка. Они с ребятами провели безупречное задержание по делу, которое давно вели, завалились все ко мне домой, а хозяин отсутствует. Они уже и поляну накрыли – у Гришки есть ключи от моей квартиры. Я объяснил ситуацию, и мы решили, что Дениску надо пока удалить от греха подальше, мало ли что у «стрелка» на уме, тем более что он начал нервничать, да и «папаша» этот ваш совсем не вовремя появился. Недалеко от твоего дома живет Лидусина мама – замечательная женщина, – вот мы Дениса вчера ночью к ней и отправили – приехала Лида и отвезла парня. А я остался здесь, чтобы ты не испугалась, когда вернешься, да и выспаться мне надо было, не до отлучений как-то. – Артем перегнулся через стол и поцеловал девушку в губы. – Очень удачно остался!

– Как-то неудобно напрягать незнакомого человека, – сказала Тина.

– Все в порядке! Мария Евгеньевна – чудесный человек, она нас не раз выручала. Кстати, компьютер у нее есть!

– И что Денис, не сопротивлялся?

– Нет. Во-первых, он немного влюблен в Лидусю, а во-вторых, мы с ним по-мужски поговорили, обсудили ситуацию, я ему клятвенно обещал не спускать с тебя глаз. Что и делаю с превеликим удовольствием!

– А про отца вы с ним говорили?

– Немного. Я попросил Дениса отложить выяснение отношений и встречи с отцом, пока не разрешится твоя ситуация. Объяснил, что девочкам и так сейчас тяжело и страшно. Мы пришли к обоюдному соглашению по всем вопросам.

– Спасибо тебе! Я все голову ломала, как его обезопасить!

– Тина! – Артем взял двумя руками ее ладошки и посмотрел ей в глаза. – У вас замечательный парень! Вы, девочки, воспитали настоящего мужчину. Он готов грудью защищать вас обеих и вообще ведет себя очень по-мужски, я таких мальчишек не встречал!

– Спасибо! – От такой похвалы у нее вдруг совершенно непроизвольно потекли слезы. – Нам с Риткой еще никто такого не говорил!

Она высвободила одну руку и, смущаясь, смахнула слезу с одной щеки.

– А долго ему там прятаться? Скоро первое сентября.

Артем протянул руку и вытер слезу со второй ее щеки.

– Я думаю, день, два, и все разрешится.

– Что? – сразу переключилась Тина на более актуальные проблемы. – Ты думаешь, он опять нападет?

– Понимаешь, он начал сильно нервничать. Его невероятно бесит и выбивает из равновесия, что вот уже второй раз ты ускользаешь от его наказания и ломаешь ему все планы. И он начал делать ошибки. Звонок тебе был его первой большой ошибкой. Похоже, что он уже на грани срыва и может раскрыть себя, когда он забудет о конспирации. Главной задачей станет наказать тебя любым способом. Лишь бы наказать. Думаю, он созрел, чтобы сделать решительный шаг.

– Какой?

– Посмотрим! – и, кинув взгляд на часы, Беркутов расстроился: – Черт, не хочется уходить, но я уже опоздал, а дел целые горы!

– Я тоже опаздываю! – подскочила Тина.

Они быстро собирались, сталкиваясь в ванной, в прихожей, целовались, смеялись, невольно удлинняя сборы. Наконец Артем, полностью готовый к выходу, стоя возле входной двери, взмолился:

– Тина! Быстрее, прошу тебя! У меня свидетель под дверью кабинета сидит!

– Бегу! – Она выскочила из комнаты, быстро надела туфли, схватила сумочку. – Я готова!

– У тебя есть запасные ключи?

– Конечно! – Тина достала из ящика тумбочки связку ключей

и отдала ему. Он взял ключи и объяснил:

– Я не знаю, как у меня сложится день и когда освобожусь.

– Это понимать так, что ты приедешь сюда? – улыбнулась девушка.

– Сюда ли, к себе ли домой, но спать отныне мы будем только вместе! – утвердил Артем четким тоном.

Она внимательно на него посмотрела. Артем немного напрягся – мало ли что! А вдруг она не захочет, или передумает, или просто не готова к таким резким переменам в жизни?

Тина спокойно и как-то буднично ответила, кивнув головой:

– Хорошо! Ну что, мы опаздываем?

– Уже! – сказал он и, не удержавшись, поцеловал ее в кончик носа. – Уже опоздали!

На работе у Тины выдался совершенно сумасшедший день! Прямо как прорвало что-то – то перепутали заказы, то выяснилось, что в банке задержали перевод по техническим причинам, черт бы их побрал, и поставщик уперся! То звонит заказчик в истерике – он указал в заявке не те размеры!

Тина решала несколько вопросов сразу, вынесла выговор бухгалтерам, отчитала менеджеров, провела экстренное совещание, пытаясь разрулить ситуацию. Тине некогда было даже пообедать, и сердобольная Верочка, секретарь Сергея, принесла ей бутерброды и кофе, тихо ворча, что давно пора иметь свою собственную секретаршу. Кстати, действительно пора!

К концу рабочего дня Тина вымоталась так, что не могла ни о чем думать вообще: ни о «стрелке», ни об объявившемся Славике, ни о чем на свете! Кроме одного!

Единственное, что было с ней весь день неотступно и постоянно – это мысль об Артеме! Даже не мысль, а чувствование его, знание, что он все время с ней в голове, в крови, в жизни!

Сегодня ее отвозил домой Саша. По распоряжению начальника отныне и навсегда он становился ее личным шофером. Саша поднялся вместе с Тиной в квартиру и, как вчера это делал Сергей, прошел по всем комнатам, проверяя, нет ли кого незваного.

– Ну что, Валентина Игоревна, вахту сдал! – шутливо козырнул он.

– Вахту принял! – рассмеялась она.

– Вы того... дверь никому не открывайте! – кашлянув от неловкости, посоветовал Саша и спросил: – Во сколько вас завтра забрать?

– Саш, пока не знаю. Я тебе позвоню за полчаса до выхода. Успеешь?

– Конечно! До свидания!

Тина закрыла за ним дверь и устало опустилась на пуфик, стоящий

в прихожей. Ноги гудели, голова тоже.

«Надо принять ванну. Может, полегчает?»

Постанывая, она поднялась и пошла в ванную комнату. Сил не было, чтобы складывать вещи. Тина побросала все на пол и задвинула ногой в угол.

Она понежилась в воде с ароматной пеной, чувствуя, как в нее вливаются новые силы. Выйдя из ванной, девушка переделась в любимые домашние бриджи и футболку. Только сейчас, расслабившись и немного отдохнув, она почувствовала, как сильно хочет есть.

Но сначала надо позвонить Ритке.

– Да! – деловым тоном ответила подруга.

– Ритуля, как ты там?

– Тиночка! Спасительница ты моя! – обрадовалась Ритка. – Уж не знаю, чем ты меня там лечила, но я целый день бодрая, как огурец!

– Вот и хорошо! Славик не объявлялся?

– А как же! Они соизволили звонить, желают побеседовать!

– Ну побеседуй.

– Всенепременно, но позже! Звонил твой Беркутов, объяснил, где Денис. Мне сразу как-то легче стало, ты была права, когда хотела его спрятать!

– Ритуль, я устала как собака и есть ужасно хочу. Если что, звони, я сейчас поем и спать лягу.

Почему-то Тина не сказала Ритке про Артема и их утреннее умопомрачение, наверное, еще рано, она скажет потом, когда сама поверит во все это и разберется с новым своим состоянием.

– Отдыхай, моя хорошая! Целую! – попрощалась Ритка.

Тина приготовила ужин, поймав себя на том, что готовит на двоих.

«Правильно! А что, будешь себя обманывать или сглазить боишься? Конечно на двоих!»

Она рассмеялась своим мыслям. Ужин был готов, и девушка задумалась – перекусить чем-нибудь, а потом поесть вместе или поесть самой, а Артема потом накормить?

Раздался звонок в дверь.

– Вот и хорошо, значит, будем ужинать вместе!

Тина поспешила к двери, лишь в последний момент, перед тем как открыть, спохватилась и спросила:

– Кто там?

– Это я, Алексей! – раздался напряженный голос бывшего мужа. – Открой, мне надо с тобой поговорить!

Она удивилась, но открыла, впуская его. Он вошел и прикрыл за собой дверь.

Выглядел Лешка ужасно!

Лицо даже не белое, а какого-то серого оттенка, через всю шею тянулся фиолетовый синяк от петли, которой его душили. Мужчина прихрамывал на одну ногу, а костюм на нем висел, словно был на пару размеров больше, каким-то невероятным образом всего за эти несколько дней Алексей умудрился сильно похудеть. Наверное, от страха.

– Лешка-а! – сказала Тина, разглядывая его и жгуче ему сочувствуя.

– Любуешься? – зло спросил он.

– Леш, идем, я тебе кофе сварю, может, ты есть хочешь?

– Не надо, Тина! – повышая голос в обвинительном тоне, ответил он. – К чему этот цирк?

Так, понятно, все как всегда!

Тина повернулась к нему спиной и прошла в кухню. Конечно, он ковылял сзади – раз уж пришел разбираться, то просто так, без выяснения отношений и горячих обвинений, не уйдет!

– Присаживайся, – предложила она, указывая на стул рукой.

– Я постою, хоть мне это и тяжело.

– Ты зачем пришел, Леша?

– Я долго думал, у меня было много времени для этого в больнице, – подчеркнул он. – И знаешь, что я понял?

– Ну, что? – как-то смирившись, спросила она.

– Это ты! Я сначала не верил: ну не тот ты человек, чтобы действовать подобными методами! Может, через суд ты и стала бы деньги требовать, но чтобы так... А потом понял: ты мне мстишь! За все! За то, что я тебе денег не давал и экономил на тебе, за то, что изменял, я не знаю, что ты еще себе там напридумывала! – уже практически кричал, распаляя самого себя, он.

– Леш, успокойся, тебе, наверное, вредно так нервничать, – попыталась успокоить его Тина, начиная злиться от такой его тупости и самомнения. – Ты подумай, с какого рожна мне на тебя нападать! Я тебя не люблю, я безумно устала от жизни с тобой, мне глубоко безразличны все твои деньги и, если честно, когда ты ушел, я наконец спокойно вздохнула!

– Ты мне сейчас что угодно скажешь! Я тебе не поверю! Кроме тебя, просто некому, и мотива ни у кого нет! Я все обду...

Алексей, не закончив фразу, вдруг покачнулся, закатил глаза, и у него почему-то медленно стали подгибаться ноги.

– Леша! – закричала Тина, кидаясь к нему. – Тебе плохо, Леша?

Она подхватила его под мышки, стараясь поддержать, но он тяжело и неотвратно падал прямо на нее. Тина пыталась остановить это движение или усадить бывшего мужа на стул, но он всей массой падал вперед. Единственное, что удалось Тине в этот момент, это смягчить удар об пол, поддерживая мужчину руками. Господи, ему совсем плохо! Еще бы, столько травм!

Тина трясла его, заглядывала в лицо, пытаясь привести в сознание, попробовала перевернуть на спину, но тут ее рука уперлась во что-то. Девушка посмотрела и замерла!!

У Лешки в спине, воткнутый по самую рукоятку, торчал нож!!

По светлому пиджаку растекалось кроваво-красное пятно. Как во сне, Тина смотрела на ручеек крови, стекавший на пол, и вдруг всей кожей, всеми своими первобытными инстинктами почувствовала, что кто-то стоит рядом!

Медленно, не желая убеждаться в своем предположении, она перевела взгляд с Лешкиной спины дальше на пол и дальше на чьи-то туфли, потом взгляд заскользил выше...

И прямо перед собой Тина увидела направленное ей в лицо дуло пистолета. Не сам пистолет, не руки, державшие его, а маленькую, ужасающую своей неотвратимостью дырочку выходного отверстия, смотрящее прямо ей в глаза!

Страх молнией пронзил все тело, ударив одновременно в ноги, руки и в сердце.

Страх такой силы, что Тина не могла ни говорить, ни дышать, ни думать, ни двигаться, а только смотрела, как загнипнотизированная, на эту маленькую черную дырочку!

– Дошло наконец! – сказал кто-то.

И Тина, будто продираясь через какую-то вату, заполнившую мозг, начала понимать, что за дырочкой находится пистолет, который держат чьи-то руки!

Она с трудом оторвала взгляд от пистолета и посмотрела в лицо человеку.

– Здравствуй, дорогая! – рассмеялся «стрелок».

– Люда-а?! – пугаясь еще больше, произнесла потрясенно Тина.

– Я, я! – посмеивалась издевательски Людмила. – Ничего, не расстраивайся, ты просто тупая, до тебя долго доходит!

Страх, сковавший все тело Тины, понемногу стал отпускать мозг.

– Это ты его? – задала совсем уж глупый вопрос девушка.

– Конечно, я! Только такой придурок, как Леша, мог подумать, будто

ты на него покушалась!

И в этот момент в голове у Тины что-то щелкнуло!

Раз! И включился свет!

Она отчетливо увидела перед собой лицо Марии Захаровны, которая говорит: «Ты должна перестать бояться! Тебе надо преодолеть все свои страхи!»

Гадкий, мерзкий, парализующий спрут страха выскочил из ее тела и исчез! Как, почему? Непонятно, но в один момент она перестала трястись!

На Тину внезапно снизошло полное спокойствие, уверенность и необычайная легкость и гибкость в теле.

«Бояться будем потом!!» – приказала она себе.

Девушка отвернулась от Людмилы, от пистолета, который та направляла на нее, и пошла к телефону, висящему на стене.

– Куда?! – крикнула Людка, не ожидавшая такого поворота событий. – Стоять!!

– Надо вызвать «Скорую», – спокойно объяснила Тина.

– Вызовешь, но позже! Сначала ты вытащишь нож у него из спины!

– Если я его вытащу, начнется сильное кровотечение, Алексей может умереть, – ровным голосом объясняла девушка.

– Да не жалко! – зло рассмеялась Людка и пнула Лешку ногой. – Раз уж ты такая сердобольная, так и быть, можешь просто за него подержаться и оставить свои отпечатки.

Тина вопросительно подняла брови и перевела взгляд на руки Людмилы – на них были надеты тонкие медицинские печатки.

– Зачем тебе это? – спросила Тина, все понимая.

– Потому что я хочу, чтобы ты сидела в тюрьме! Долго сидела – лет двадцать! Чтобы ты прошла через ад, а уж если выживешь, то выйдешь оттуда лет через двадцать помоечной крысой, никому не нужной бомжихой!

– И чем же я тебя так обидела, Люда? – не повышая голоса, спокойно спросила Тина и села на стул.

Ей было абсолютно не страшно, она лишь лихорадочно соображала, как отвлечь эту шизофреничку и помочь Лешке.

– Встать!!! – заорала Людка, теряя контроль от спокойствия жертвы. – Быстро подошла и взялась за рукоятку!

– Хорошо, – кивнула Тина, – я это сделаю, потом можно будет вызвать «Скорую»?

– Уговорила!

Тина встала, подошла к распростертому Алексею, подержалась за рукоять ножа и, не глядя в сторону Людки, направилась к телефону.

– Стоять! – приказала Людка.

Тина повернулась и посмотрела на нее.

– Я передумала! – глумливо заявила Людка. – Лучше, чтобы он умер, тебе тогда больше дадут, может, даже пожизненно. А мне он больше без надобности!

– Люда, ты больна, тебя надо лечить! – вздохнула Тина.

– Заткнись!! Заткнись! Не смей со мной так разговаривать!

Лицо Людки сделалось злым, некрасивым, почти уродливым, на лбу и возле носа выступили белые пятна.

«Сейчас откровения пойдут!» – поняла Тина и не ошиблась.

– Как же я тебя ненавижу!! Тебя и Ритку твою! Две суки подзаборные! Стервы!! Крутыми стали, деньги лопатой гребете! Наверное, устали подо всех начальников ложиться, чтобы карьере сделать! Благодетельницы!! Билет они мне до Москвы прислали, в плацкарте вонючем!! На купе денег пожалели!! В коммуналку засратую поселили с соседкой старой козливой!! Сами в отдельных квартирах живут, деньги, машины, мужики! А я до сих пор в съемной квартире корячусь!! – орала она.

Женщина замолчала, пытаясь взять себя в руки, успокоиться.

– Люда, у тебя же хорошая работа, зарплата, Алька замечательная.

– Что-о?! – зашлась новым приступом ярости Людка. – Какая зарплата?! Гроши!! На них квартиру с машиной не купишь! Мне работать приходится, как лошади вкалывать!

– Люд, ты успокойся! – очень ровным, нейтральным голосом говорила Тина. – Перестань кричать! Ты же прекрасно знаешь, что нам с Риткой деньги не с неба падают, мы тоже вкалываем и всегда вкалывали, света белого не видели!

– Я тебе сказала: заткнись! Я вас укатаю обеих! Ты уже считай на зоне, а с Риткой я еще разберусь! Любовников я у нее всех поуводила. Что ты так удивляешься, – хохотнула она довольно. – Да, я имела всех ваших с Риткой мужиков!

И вдруг в одно мгновение выражение ее лица изменилось, скривившись недовольной, яростной гримасой. У Тины от такого зрелища по спине пробежали холодные мурашки.

– И, что обидно, один, как оказалось, с ней и не спал ни разу, только мечтал об этом, а второй один только раз и был допущен до тела «госпожи»! И оба! Оба! После секса со мной начинали о ней говорить! А эта сволочь!! – Людка с размаху ударила ногой бесчувственного Лешку. –

Я с ним сплю больше года. Когда первый раз со мной в постель лег, аж пищал: «Ах, Люда, ты такая, я с тобой себя другим человеком чувствую! Нам надо жить вместе!» Сволочь!! Сволочь!! – пиная его, орала Людка. – Я его терпела, а он все деньги потерял!

– Так, все, хватит! – не выдержала Тина приступа ее безумия. – Я вызываю «Скорую». Хочешь уходи, хочешь оставайся до их приезда!

– Стоять!! Ты будешь делать то, что я скажу!! – проорала Людка.

– А если не буду, то что? Выстрелишь? А как же твои грандиозные планы засадить меня в тюрьму? – спокойно спросила Тина и напомнила: – Тогда, уж извини, никто не поверит, что я его зарезала, да и мне будет все равно! Слушай! – вдруг сообразила девушка. – Я никак не могла сообразить, что мне напоминает слово «стрелок»! А теперь вспомнила – ты же в институте была мастером спорта по стрельбе из пистолета.

– Правильно, куда тебе про меня что-то помнить! Вы с Риткой ко мне как к грязи относитесь! Твари! – скривилась Люда.

– Это твои фантазии и больное воображение. Если бы мы к тебе плохо относились или ты была нам безразлична, мы бы не стали тебе помогать.

– А я вас просила?! – Людка теряла контроль над собой, распаяя себя ненавистью все больше и больше.

– Просила, – спокойно и уверенно ответила Тина. – Просила, Люда! За руки меня хватала, плакала, умоляла хоть как-то помочь!

– И что?! Вы помогли? В Москву привезли, в комнату засунули, работу дали и все?! Выгребай, как хочешь!!!

Все, Тина больше не могла слушать ее истерики и весь этот бред больного воображения!

– Пошла отсюда! – четко и спокойно сказала она.

А затем решительно подошла к телефону и, не обращая внимания на Людкины крики, сняла трубку и набрала «03».

А Людка выстрелила!!

Тина отклонилась на миллиметры, не услышав, а почувствовав, как взводится курок. Как будто чья-то рука толкнула ее голову в момент выстрела, убирая со смертельной траектории летящей пули!

Пуля попала в телефон!

Во все стороны фонтаном брызнули пластмассовые осколки. Несколько из них чиркнули Тину по лбу и по правой щеке.

Время сгустилось, замедлив ход.

Как в замедленной съемке, Тина повернулась к Людмиле и поняла, что та сейчас еще раз выстрелит, но вдруг увидела, как чья-то рука вылетает из-за Людкиной спины, поднимая ее руки, держащие пистолет,

вверх. Вторая пуля попала в потолок. А пистолет оказался в руке человека в камуфляжной форме так быстро, что не успело осесть облако пыли от штукатурки, выбитой пулей из потолка.

Все тот же человек коротким, резким движением ударил Людку по затылку, и она упала на пол, оседая, как показалось Тине, очень медленно.

В сознании девушки еще раз щелкнул переключатель, и действие завертелось с невероятной скоростью.

Людка, потерявшая сознание, еще не успела упасть на пол, а Тина опустилась на колених возле Лешки, одной рукой нащупывая пульс у него на горле, другой зажимая рану.

В коридоре, ведущем в кухню, и в самой кухне неожиданно оказалось очень много людей.

Все говорили одновременно, кто-то громко и настойчиво что-то объяснял, кто-то отдавал резкие приказания. Но Тина не замечала всего этого, она прислушивалась к ощущениям в пальцах, надавливающих на Лешкину шею в поисках пульса.

Раз, два, три...

Есть! Еле уловимый, но есть!

Перекрикивая стоящий гвалт, она громко и четко потребовала:

– Дайте мне телефон!

Кто-то протянул мобильный. Тина взяла телефон и никак не могла сообразить, какой надо набрать номер.

– Тиночка! – позвал ее кто-то.

– Сейчас! Надо вызвать «Скорую»!

– Тина! – повторили более настойчиво.

Она почувствовала, как чья-то рука берет ее за подбородок и поднимает ее голову вверх.

И увидела сидящего рядом с ней на корточках Артема. Он заглянул девушке в глаза и, тщательно выговаривая слова, сказал:

– «Скорая» уже здесь! Смотри, вон врачи! – Он нежно повернул ее голову в сторону, и девушка увидела людей в голубой медицинской униформе. Один стоял на колених возле Лешки, второй пытался отодвинуть Тину и занять ее место.

– Хорошо! Доктор, он ранен, ножом! – пыталась объяснить им проблему Тина.

– Он видит, – ответил Артем, за руку поднимая девушку с колен.

Врач, стоявший возле нее, повернул Тину к себе и заглянул ей в глаза.

– У нее шок. Лена, срочно укол! – сказал он медсестре, которая вошла

в кухню и поставила на стул большой медицинский ящик.

– Не надо, – ответил ему Артем, усаживая Тину на стул.

– Надо, голубчик! Вы что? Такое пережить!

– Не надо, мы сами, – повторил Артем и крикнул: – Гриша!!

– Да здесь я, здесь! – Товарищ протянул Артему стакан с водкой. – Давно жду! Вы тут болтаете, а девке плохо совсем! Тиночка, выпей! – нежным тоном попросил он. – Выдохни и залпом, как лекарство!

Тина взяла стакан, посмотрела на него, перевела взгляд на Артема.

– Выпей, солнышко! – подбодрил Беркутов. – Куда ж деваться, если это единственное противошоковое для тебя. – И подтолкнул ее руку, державшую стакан, к губам.

Тина послушно выпила, не почувствовав никакого вкуса.

Принесли носилки, на которые доктор и какой-то человек, видимо шофер «Скорой», положили Лешу.

– Бегом в машину! – приказал доктор.

– Как он? – спросила Тина.

– Жить, скорее всего, будет! Все не так уж плохо. Вы молодец, что не дали нож вытащить, думаю, вы ему этим спасли жизнь.

– Он не умрет? – уточнила девушка.

– Надеюсь, что нет! Организм, правда, ослаблен, но рана не самая опасная. А вам, милая, нужно укол сделать.

– Не нужно, – отмахнулась она.

– Ну как хотите. Тогда напейтесь, снимите стресс, прописываю как доктор!

– Спасибо, что так быстро приехали! – поблагодарила Тина.

Врач удивленно посмотрел на нее, перевел вопросительный взгляд на Артема, тот махнул ему рукой, мол, потом, она не в курсе.

– До свидания, барышня! – сказал доктор и быстро вышел.

– Гриша! – позвал Артем.

Он сел рядом с Тиной, подвинув свой стул вплотную к ней и не выпуская ее из своих объятий.

– Да здесь я! – буркнул Гришка, выставляя на стол початую бутылку водки и стакан.

Вокруг них суетились какие-то люди, что-то делали, переговаривались, Тина не понимала, откуда они взялись в квартире, но ее это и не интересовало. Гришка налил еще полстакана водки и протянул девушке:

– Тина, давай! Антидепрессант!

– Давай, залпом! – поддержал его Артем.

Тина опять послушно выпила, как воду, не понимая, что пьет.

– Лидуся! – закричал Артем.

– Что? – отозвалась та.

– Лида, здравствуй, – поздоровалась Тина.

– Давай ее в ванную, смой с нее все это и переодень! – сказал Артем Лиде.

– Зачем меня переодевать? – удивилась Тина.

Ей никто не ответил.

Тина посмотрела на всех троих, переводя вопросительный взгляд с Артема на Гришку и на Лиду. Потом опустила взгляд на себя и поняла, что вся ее одежда, руки, ноги, перепачканы кровью и чем-то белым вроде муки.

– Да, Лида, идем в ванную, ты мне поможешь, – кивнула девушка.

Тина поднялась, сделала два шага вперед и остановилась, потрясенно глядя на пол, где только сейчас заметила большую красную лужу.

– Боже, сколько крови! – прошептала Тина.

Все дальнейшее она осознавала с трудом, словно смотрела на размытую картинку или пыталась вспомнить давно забытый фильм. Ее куда-то вели, раздевали, мыли под душем, одевали. Она слышала, как Артем жестким тоном давал кому-то указания, куда-то торопился идти.

– Лидуся, я тебя прошу, когда здесь ребята все закончат, вымойте эту лужу, приведите все в порядок, а испачканные вещи выброси к черту!

– Конечно, Артем!

– Иди, Артем, мы разберемся! – подгонял его Бывалый. – Сейчас Рита приедет, я ей позвонил.

– Вот и хорошо!

Беркутов схватил безвольную Тину в охапку и потащил из квартиры. Она не сопротивлялась, не реагировала на происходящее. В голове по кругу ходили одни и те же мысли. Тина все объясняла что-то Людмиле, повторяла ее слова, оправдывалась и опять объясняла...

Артем гнал по улицам, не соблюдая никаких правил, торопясь привезти девушку к себе, спрятать от нее же самой, успокоить, вывести из этого состояния.

Она молчала!

Тина, зажав обе ладони между колен, слегка раскачивалась в такт своим мыслям и молчала.

Артему это очень не нравилось! Лучше бы плакала!

Он сосредоточился на дороге, обгоняя машины. У него ходили

желваки на скулах от напряжения и невозможности помочь девушке, замкнувшейся в этом тягучем, пугающем молчании.

И тут Тина зарыдала! Слава тебе господи!

Она плакала горько, громко, как-то сразу сильно, без вступлений, не вытирая текущих по щекам и попадающих на губы слез, безуспешно пытаясь что-то сказать, объяснить, вытолкнуть из себя слова!

– Сейчас, девочка, сейчас! – успокаивал ее Беркутов. – Уже приехали! Ты плачь, плачь!

Артем бросил машину прямо под дверь подъезда и за руку выдернул Тину из салона, хлопнув дверцей одновременно с сигнализацией. Затем бегом протащил девушку три этажа, подхватив на руки, внес в квартиру, уложил на кровать и лег рядом. Он крепко обнял Тину, стал гладить по волосам, по спине, успокаивая и нашептывая какие-то слова.

– Ну все, все! Теперь все в порядке!

Она задыхалась словами, слезами, пытаясь что-то объяснить. И наконец слова прорвались из нее, как вода из прорвавшейся плотины:

– Это ужасно! Ужасно! Мне ее так жалко!

– Кого? – не понял Артем. – Люду, что ли?

– Да-а! – рыдала Тина. – Ты можешь предста-авить такую жи-и-знь?! Годы!! Годы ненави-идеть, завидовать! Тонуть в этом!! Это же не жизнь! Жить с эти-им кажды-ый день, засыпать, просыпаться, дочку расти-ить, сексо-ом заниматься, есть, пить и все вре-емя нена-авидеть!! Она же Лешку чуть не уби-ила, а мо-ожет и убила совсем, и меня! – Она с трудом, рыдая, выговаривала слова. – Всех нас в это втяну-ула! Своей ненавистью чу-уть не заразила! И-идиотка!

– Все, Тиночка, не думай о ней сейчас!

Тина кивнула, соглашаясь, стукнула его головой в подбородок и не заметила этого.

Рыдания постепенно пошли на убыль. Она громко всхлипывала, вздыхала и вдруг неожиданно спросила:

– У-у тебя ро-одители есть?

– Что? – удивился Артем. – А-а, да, конечно, есть.

– Жи-ивы?

– Слава богу! Бабушек и дедушек нет, все умерли, к сожалению, а отец с мамой живут в Ильинском. У нас там дом, еще дед строил. Там у них хорошо – участок большой, сосны, малина, смородина, всякие петрушки-укропы, мама сажает. Вот мы с тобой завтра к ним и поедем.

– За-автра? Ты что, хочешь меня-я с родителями познакоми-ить? – все еще всхлипывая, спросила Тина.

– Ну, рано или поздно, знакомиться все равно придется. А завтра пятница, выспимся и поедем, на три дня. Я отгулы возьму, попаримся в баньке, подышим воздухом. Красота!

– А почему твои родители за городом живут?

– Мама себя в Москве плохо чувствовала, как только отец вышел на пенсию, они на дачу перебрались. Дом просторный, два этажа, каменный, коммуникации все подведены, воздух просто лечебный. Маме там сразу лучше стало. Им там нравится.

– А кто-о они у тебя, ну, по профессии?

– Врачи. Отец хирург, кстати, был довольно известным, в Склифосовского работал, а мама педиатр.

– А тебя отпустят с рабо-оты?

– Отпустят! – пообещал Артем. – Ну что, успокоилась?

– По-очти.

Девушка повздыхала, повсхлипывала, помолчала и сказала детским, обиженным тоном:

– Я тебя люблю!

– Я знаю, – ответил Беркутов, целуя ее в висок и в лоб.

– Откуда? – обиделась Тина.

– Потому что я тоже тебя люблю! – ответил Артем, прижал к себе покрепче, поцеловал еще раз в висок и приказал: – Спи!

Она всхлипнула еще несколько раз, вздохнула и затихла у него на плече. Почти уснув, девушка неожиданно невнятно спросила:

– А гамак у вас там есть?

– Есть, – усмехнулся Артем.

– Хорошо, – прошептала она и уснула.

Понятное дело, утром они никуда не уехали. Артем ушел рано на работу, и закутилось – протоколы, допросы, экспертиза и так далее.

На дачу собрались только поздно вечером, и не одни, а большой дружной компанией.

Тина проспала весь день.

Она не слышала, как уходил Артем на работу, как несколько раз звонил телефон, как по очереди приезжали проверить, все ли в порядке, сначала сам Беркутов, потом Ритка, а за ней Григорий. Она спала, когда уже поздним вечером вернулся Артем, а за ним подтянулась вся команда – Гриша, Рита с Денисом, Лидуся и Леша Скрябин. У Горбунка сегодня выпало дежурство, и он ныл и стонал по телефону, что остался в одиночестве.

Она не слышала, как все спорили, ехать сегодня или завтра утром.

Ритка шумела, возмущаясь:

– Что тут ехать до Ильинского, я вас умоляю! К тому же я шашлыка целое ведро замариновала!

Все прения прекратил Артем.

– Мы едем сейчас! – объявил он. – Я обещал Тине, да и мои уже ждут, я позвонил днем и предупредил, что приедем. Отец сразу баню затеял!

– Ура! – прокричал Денис.

– Тише! – прошипели на него все взрослые разом.

Организм Тины странным, непостижимым образом восстанавливал себя сам, без лекарств и препаратов, просто полностью и напроочь выключив ее из действительности.

Рита собрала вещи подружки для дачи и привезла с собой. Артем закутал так и не проснувшуюся Тину в плед и отнес в машину. Он не сел за руль, а, уложив девушку себе на колени, держал всю дорогу. И вот таким образом, со спящей Тиной на руках, он и приехал на дачу.

Дом встречал их радостно. Везде горел свет, пахло хвоей и дымком от мангала, в котором Константин Иванович, отец Артема, уже подготавливал угли.

– Что это ты несешь, сынок? – спросила Вера Николаевна, когда Беркутов вышел из машины, неся на руках еще не проснувшуюся девушку.

Артем перегнулся через Тину и чмокнул мать.

– Это, мама, самая большая ценность нашей семьи!

– И какая в нашей семье самая большая ценность? – спросил отец, приобняв и похлопав Артема по плечу.

– Это моя будущая жена, а следовательно, ваша невестка!

– Действительно, – рассмеялась Вера Николаевна, – это очень большая ценность, тем более мы ее так долго ждали!

Проснувшись, Тина не могла сообразить, где она находится – комната была незнакомой, кровать, в которой она лежала, тоже.

«Не будем полагаться на случай – пойдем простым, логическим путем!» – подбодрила себя девушка цитатой из фильма.

Тина сладко, с удовольствием потянулась – она выпалась и почувствовала себя замечательно. Скинув плед, которым была кем-то заботливо укрыта, она встала с постели.

Из комнаты вышла в коридор, в конце которого обнаружилась лестница, ведущая на первый этаж дома.

– Значит, это дом! – констатировала Тина свое очевидное открытие,

уже догадываясь, где все-таки оказалась.

Она спустилась по лестнице и попала в большую прихожую. Несколько дверей, ведущих, видимо, в комнаты, были закрыты, и Тина прошла через прихожую на веранду, тянущуюся вдоль всего фасада дома.

Откуда-то сбоку доносились голоса, и девушка направилась в ту сторону, ориентируясь на звук.

Было очень темно и, если бы не свет, светивший из окна, и лампочка над входом, то тьма стояла бы кромешная. Тина завернула за угол дома и увидела открытую, ярко освещенную террасу под крышей, где за большим деревянным столом собралась компания.

Воздух был наполнен запахами хвои, сосновой смолой, немного дымом прелых листьев. Тина остановилась, сделала несколько глубоких вдохов, с удовольствием втягивая в себя сладкий воздух.

Она посмотрела на людей, сидящих за столом, и на какое-то мгновение на нее снизошло такое спокойствие, радость простого бытия и чувство полного, какого-то правильного счастья, что из глаз непроизвольно потекли слезы восторга.

Момент прошел, оставляя легкую грусть в душе своей мимолетностью. Тина вытерла слезы, улыбнулась и пошла к людям.

– Тина-а!! – нестройным хором приветствовали ее.

Артем как-то сразу оказался рядом, быстро поцеловал и обнял, прижав к себе.

– Ну, ты как? – спросил он, внимательно разглядывая девушку.

– Замечательно! Только очень голодная! – отрапортовала она и, привстав на цыпочки, поцеловала его в щеку.

– Сейчас мы это исправим! Мама, отец, знакомьтесь – это наша Тина!

Родители Артема, не чувствуя никакой неловкости, как будто делали это сотни раз, по очереди обняли и расцеловали ее, представились, спросили про самочувствие.

– И я хочу! – прокричал Денис, протискиваясь к Тине. Растолкав взрослых, обнял ее двумя руками. – Так уж и быть, дай я тебя поцелую!

– Ну, поцелуй! – смеялась она.

После шумных приветствий, объятий, поцелуев, вопросов о самочувствии, восклицаний по поводу продолжительности сна Тины все наконец успокоились и расселись по местам. Они ели вкуснейший шашлык, немного выпивали, смеялись, рассказывали анекдоты и забавные случаи из жизни. Леша Скрябин с удовольствием и большим артистизмом живописал различные казусы, в которые попадал с постоянной регулярностью Горбунок, вызывая взрывы дружного хохота.

И вдруг в разгар этого веселья Денис задал вопрос:

– А как вы все оказались у Тины дома в самый нужный момент?

Все посмотрели на Артема, по общему умолчанию признавая в нем самого главного.

– Ну что ж, теперь все в сборе, можно и рассказать о ходе следствия.

– Ты знал, что это Людка? – не утерпела Ритка.

– Не сразу, но после второго покушения был уже уверен процентов на девяносто.

– А действительно, почему вы все там оказались и «Скорая» эта? – спросила Тина.

– За тобой велось наблюдение. С того момента, как вы с Сергеем вернулись с переговоров и до того, как он отвез тебя домой. Никто и предположить не мог, что ты поздно вечером, одна, помчишься к Рите, все думали, что ты девочка разумная и понимаешь, что это опасно! – попенял он в явной, но мягкой форме.

– Простите, каюсь! Так получилось! – прижав руку к сердцу, извинилась девушка.

– Я бы без нее померла, мне было так плохо! – заступилась за подругу Ритка.

– Слава богу, все обошлось! – резюмировал Беркутов и усмехнулся: – Кстати, ты сорвала аплодисменты всей оперативной группы, когда затолкала огромный букет в маленькую урну! Мы тобой гордимся.

– Пойдите, какой букет? – спросила Ритка, посмотрев на Тину.

– Который ей преподнес господин Ревин, – пояснил Артем и пожаловался: – Я из-за него потерял лет десять жизни, не иначе. Когда он появился так неожиданно в кафе, меня пот прошиб от страха: а вдруг я ошибся и это Ревин «стрелок»!

– Я тоже струхнул! – признался Гришка. – Уж больно в неподходящий момент он объявился! Да еще этот Славик! Все одно к одному, извини, Денис!

– Да! – согласился Артем. – Славика принесло уж совсем некстати! Пришлось срочно выяснять, кто он и вообще откуда взялся!

– А что у нас с «блудным отцом»? – спросила Тина у Риты.

– Расстались навеки! А ты все проспала!

– Ну, теперь-то я проснулась. Рассказывай! – потребовала подруга.

– Мы посоветались с Дениской и подумали, а вдруг Славик действительно изменился и на самом деле хочет наверстать упущенные годы общения с сыном. Вот мы и устроили ему проверку. Пригласили его на переговоры, и я предложила ему забрать Дениса к себе на год-два,

узнать друг друга получше, да и вообще раз он так хочет быть его отцом, пусть будет. Ты бы видела этот цирк! Я ему – вот документы, как раз успеешь оформить сына в новую школу, поставить на учет в поликлинике, вещи я соберу и перешлю с оказией, Денис согласен поехать с тобой. А он мне: я не могу так сразу, лучше я приезжать в гости буду. Я говорю, нет, извини, в гости не получится, видеть тебя на своей территории я не хочу. Попробуешь тайно приезжать и с сыном встречаться, я тебя по судам затаскаю, будешь выплачивать алименты за всю его жизнь. Есть только один вариант: пусть поживет у тебя год, а там посмотрим, и, кстати, содержать его будешь ты сам. Он начал что-то мямлить, что сейчас не может, когда-нибудь потом, а Денис ему говорит: нет, папа, давай прямо сейчас. Вот тогда Славик и сказал, что такого тесного общения не предполагал, и вспомнил свою любимую формулировку про ответственность, которую не может на себя взять. Ну, Денис ему и говорит: тогда не надо никакого общения и больше к нам не приезжай, и добавил, что дети после десяти лет имеют право выбирать, с кем из родителей им жить.

– С кем поведешься, понабрался у матери! – рассмеялась Тина и, тут же став серьезной, спросила Дениса: – Солнышко, для тебя это очень неприятно – ну, отец все-таки.

– Да нет, было бы, конечно, клево, если бы он оказался таким, как дядя Артем или дядя Гриша. Я позвонил бабушкам с дедом, и бабуля мне сказала, что иметь двух таких матерей, двух бабушек и замечательного деда – это счастье. Пожалуй, будет перебор, если еще и хороший отец. – И Денис звонко рассмеялся. – Потом вы с Ритой заменили мне и отца и мать. А еще ты, Тина, за дядю Артема сейчас выйдешь, будет в нашей семье мужское воспитание!

– Ладно, ты не резвись особенно, мы про Славика вообще ничего не знаем, – слегка покраснев, ушла от темы Тина.

– Кстати! – деловым тоном отдала распоряжение Ритка. – Что вы там узнали про Славика? И зачем с тобой встречался Юрик?

– Я так предполагаю, что господин Ревин предложил Валентине Игоревне руку и сердце, – сказал Артем, посмотрев на Тину.

– Да, – подтвердила она, сморщив нос от неприятных воспоминаний. – Как выясняется. – И добавила: – Ответ вы видели!

– Про Славика потом, ладно, Ритуль? Ничего криминального, – поспешил успокоить ее Беркутов, видя, что Ритка напряглась. – Живет в Воронеже, несколько раз пытался заниматься бизнесом, все неудачно. Последнее его предприятие разорилось, и он задолжал некую сумму.

Был женат, в разводе, имеет дочь. Тебе потом Гришка все подробно расскажет, он этим занимался. Продолжим. Вчера наблюдение за тобой сняли по двум причинам: первое – твои ключи я передал ребятам и они установили в квартире микрофоны, так было надо, не обижайся, и второе – наблюдение велось за Людмилой. Кстати, скажите мне, девочки, насколько хорошо вы ее знали, когда жили в одном городе?

– Выясняется, что вообще не знали! – ответила раздосадованная Ритка.

– Вы бывали у нее дома, знали что-то о ее родителях?

– Нет, – ответила Тина. – Люда – моя сокурсница, но мы особо не дружили, скорее были хорошими знакомыми. Потом она родила Альку, и мы стали часто встречаться в детской поликлинике и на игровой площадке.

– А ваша Люда из очень интересной семьи. Ее отец был первым секретарем райкома партии, что-то типа губернатора по нынешним меркам. В перестроечное время его сняли с должности и отдали под суд. Жена сразу с ним разошлась и поменяла фамилию на девичью. Их всего лишили – квартиры, дачи, машины, и им пришлось жить в двухкомнатной квартире с родителями мамы, которая понятия не имела, что такое работать и как это делается. В принципе, они бедствовали, кормились на пенсию бабушки с дедушкой. Поэтому Люда так быстро выскочила замуж, переложив заботу о себе на мужа. Но он не мог обеспечить ей тот уровень жизни, к которому Людочка привыкла, а тут и дочка родилась. Она и так всех обвиняла в своих бедах, ну а тут уж возненавидела весь свет, будучи уверенной, что все, с кем она общается, ее недостойны. Когда Тина приехала в город навестить родителей и случайно встретила с Людой, то та поняла, что ей выпал шанс попасть в Москву и начать другую жизнь. Но главное, что она была абсолютно уверена, что вы должны, прямо-таки обязаны ей все время помогать, заботиться о ней. Просто она жила, считая, что окружающие обязаны о ней заботиться и вообще по жизни что-то ей должны.

– А как ты догадался, что это она? – спросила Ритка.

– Когда мы проводили первое совещание по делу, какая-то деталь, что-то прозвучавшее вскользь не давало мне покоя. Но события стремительно накладывались одно на другое, отвлекая меня от этого. Но потом, у себя в кабинете, я детально вспомнил все, что говорилось на совещании, и понял, что меня зацепило. У всех, кто хоть как-то, даже с натяжкой, попадал в возможные подозреваемые, имелось достойное алиби. У всех, кроме Людмилы, – никто точно не мог сказать, видел ли ее во время совершения преступлений или нет. Тогда я привлек к делу Горбунка. Когда нужно, он копает, как буровая, до нижних слоев, но находит информацию.

И он накопал! Нашелся свидетель, который точно видел, как Люда уходила за полчаса до обеденного перерыва и шла в другую сторону от столовой. Вторая свидетельница – раздатчица из столовой, женщина с Людмилой постоянно ругалась и знает ее очень хорошо, – она уверенно утверждает, что в этот день Люды не было. Я послал запрос в ваш город нашим коллегам. Ответ получил на следующее утро после второго покушения. А когда прочитал, что Людмила к тому же является мастером спорта по стрельбе из пистолета, то понял, что не ошибся. Выстрелить три раза почти в упор, но так, чтобы все ранения были очень легкие, по касательной, это надо быть виртуозом! Значит, получается, что Потапов нужен был стрелявшему живым и здоровым. А здоровым и невредимым он нужен был Ревину, пока тот его не обобрал до нитки, и, возможно, женщине, рассчитывающей прибрать его к рукам. Версия о киллере не вписывалась ну никак: киллера нанимают убивать, а не пугать, дорогое это удовольствие. По той же причине была откинута и версия о госчиновнике. Таких нерадивых киллеров, чтобы обознался, вообще нет, а еще и дважды! Тем более для того, чтобы пугать, достаточно было устроить показательный взрыв пустой машины. Финансовые проблемы самого Потапова тоже отсеялись: проверив все, мы поняли, что это не то направление – ни на их фирму, ни на него лично не было никаких наездов. Кроме делишек Ревина, разумеется, но это, как говорится, «дело семейное», то есть его и компаньонов.

– А как Люда оказалась в квартире? – спросила неугомонная Ритка.

– Очень просто: дверь была не закрыта на ключ, а просто прикрыта, но у нее был и свой ключ, так что она вошла бы в любом случае, – ответил Гришка. – Вообще она все очень хорошо продумала! Если бы не участковый Кучеря – сидеть бы тебе, Тина, как миленькой! И ни черта бы никто не доказал! Изучив тебя, твой характер и образ жизни досконально, Людмила точно знала, что никакого алиби у тебя быть не может, ты же дома безвылазно сидела, она даже пришла в тот день специально: проверить, а заодно взять окурки. Все улики против тебя, мотив есть, возможность тоже, а то, что у вас с ней похожее телосложение и рост, это еще один плюс в ее игре. Так что сидеть бы тебе сто пудов!

– Не знаю, Гриша, – возразила Ритка. – Орудия покушения нет, признания подозреваемой нет, шарфик и окурки – косвенные улики, так что мы бы добились оправдательного приговора за отсутствием улик!

– Рита! – пояснил Артем. – Люда ходила к Тине в квартиру, как к себе домой! Не беспокойся, и пистолет бы нашелся, «надежно» спрятанный, и недостающие улики, да такие, что даже ты задавала бы любимой подруге

вопрос: «Тина, скажи честно, ты не стреляла?» Например, капли крови Потапова на одежде – да запросто! Или следы пороха на ее перчатках и пистолет в унитаза бачке! Все, что угодно! Она и звонила-то первый раз, чтобы удостовериться, что Тину арестовали, прийти и подкинуть улики. Настолько все было туманно, что обыск у Тины сразу в день ареста вряд ли стали проводить, задержали бы ее до выяснения, и все. А Людке-то и надо было час от силы на все про все!

– Какой-то изощренный, больной ум! – возмутился Константин Иванович.

– Насчет того, больной или здоровый, это после врачебной экспертизы узнаем, но то, что очень расчетливый, хитрый до мелочей, тщательно продумывающий план, это точно! – продолжил Артем. – Людмила с Алексеем давно были любовниками, он сделал ей дубликаты ключей, потому что чаще всего они встречались именно в вашей, Тина, квартире, когда ты работала или уезжала в командировки. В субботу ты купила костюм, а утром в воскресенье вы вдвоем – ты, Рита и Денис уехали за город на природу. Днем, придя на свидание к Алексею, Люда просмотрела твои вещи, обнаружила новый костюм с биркой магазина и купила такой же. Уже тогда, в мае, она задумала тебя подставить; правда, план был несколько иной, но ты ей сама помогла, выгнав мужа. Так же спокойно она взяла твой шарфик и ксерокопию твоего паспорта.

– Да, у меня лежит несколько штук в письменном столе, остались после оформления нового загранпаспорта.

– Во второй раз у Людмилы стали сдавать нервы, она следила за тобой, но потеряла в метро и не знала, где ты, а нападение уже было спланировано, и Людка рискнула.

Артем замолчал, Гришка, понимая, что ему трудно рассказывать о последних событиях, протянул ему рюмку и предложил:

– Выпьем, дальше будет еще чудеснее, надо подготовиться.

Его предложение было принято с энтузиазмом, всем уже и так было тошно и обидно за девчонок. Выпили, закусили уже остывшим шашлыком, и отчет о происшедшем продолжил Гришка, выручая Артема.

– После покушения Алексей не остался в больнице, а позвонил Людмиле и попросил ее прийти к нему, он снимает сейчас квартиру. Людка пришла, утешала и вытирала ему слезы. Тут Алексей напился и признался любовнице, что Ревин его обобрал и шантажирует, так что, видимо, придется отдать ему все. Для Людмилы это был удар! Шок! Она сделала на Алексея главную ставку, собиралась его женить на себе и наконец стать богатой женщиной. Он давно уже слушался ее во всем, кроме одного –

Лешка ни в какую не хотел расставаться с Тиной!

– Это единственное, в чем я его понимаю! – целуя Тину в лоб и сбивая остроту неприятного рассказа, перебил Гришку Беркутов.

– Согласен! – кивнул Гришка. – Но Людмила не сомневалась, что приберет любовника к рукам вместе со всем его состоянием и долей в фирме. На этот раз она проследила за Тиной до самого дома, позвонила по мобильнику Алексею и сказала, что случайно подслушала твой разговор с Ритой, из которого следовало, что нападаешь на него ты. Она спокойно звонила с мобильного, потому что знала, что убьет Лешу и он никому не скажет, кто и зачем ему звонил. Она плакала и уговаривала его поехать к тебе разобраться, попросить прощения, отдать все, что ты попросишь, только чтобы прекратить это издевательство над любимым. Людмила много чего говорила, продумав разговор до мелочей, Алексея она знала как облупленного. Потапов сказал, что приедет к тебе прямо сейчас. Она спряталась и ждала возле подъезда. Ребята, которые вели за ней слежку, увидев это, сразу вызвали нас и группу захвата. Алексей приехал на пару минут раньше нас. Дальше все просто. Он вошел, прикрыл дверь, не закрыв на ключ, Люда вошла следом за ним. Если честно, мы не ожидали, что она сразу пырнет Алексея, и нам пришлось задержаться, надо было, чтобы она призналась тебе, Тина, что это она покушалась на него. Когда вы с ней разговаривали, группа захвата уже находилась в твоей квартире. Вот, пожалуй, и все. Кроме одного!

– Господи! Еще что-то! – воскликнула Ритка.

– Да! – строго ответил Бывалый и отчитал: – Какого черта, Тина, ты ее провоцировала! Ты же видела, что она неадекватна и может выстрелить!

– «У моей собачки неадекватные реакции», – процитировала спокойно Тина. – Когда я заглянула в дуло пистолета, то мне стало так страшно, что я перестала быть человеком, а потом это прошло, в одно мгновение. И я поняла, что слушать приказы и делать так, как говорит Людмила, – это потакать ее ненависти и шизофрении. Получается, что если у нее оружие в руках, то она права? Я просто перестала бояться и ее, и своего страха. Если честно, стало как-то противно бояться эту идиотку!

– Она выстрелила в тебя, и это чудо, что не попала! – все-таки не выдержал Артем, повысив голос.

– Черта с два она бы в меня попала! У меня разум был свободен от ненависти и страха, я слышала, как она взводит курок, и отодвинулась, а она уже ничего не видела и не слышала, так ее распирало!

– А если бы нас там не оказалось, у нее ведь была полная обойма, она бы стреляла и стреляла! – все повышая и повышая голос от пережитого

страха за любимую, воспитывал Артем.

– Но вы же там были, зачем эти «если»! – спокойно возразила она. – И знаете, хватит! Достаточно мы прожили эти дни с ее психозом! Пошла она подалее! – разозлилась Тина.

Артем, не обращая внимания на сидевшую за столом компанию, крепко поцеловал ее в губы и, увидев ее смущение и растерянность, весело сказал:

– Нет уж! Пусть находится там, где есть, – в следственном изоляторе для начала, а вот мы все пойдем в баню!

Все расслабились, радуясь законченному делу, Тининому смущению от поцелуя, бесшабашности Артема, удовольствию от хорошей компании, подняли рюмки, собираясь чокнуться за удачу, и в этот момент Денис поставил точку во всем, вызвав взрыв смеха:

– Я же говорил, что этот козел Лешка во всем виноват! Ребенка надо слушать!

Эпилог

Артем открыл ключом дверь и вошел в квартиру. Из кухни доносилась громкая музыка, какая-то попса, голос Тины, подпевающей песне, а в воздухе висели божественные ароматы готовящегося ужина.

– Тина! – прокричал Артем. – Я дома!

Они долго спорили, где жить – в его квартире или в ее. А потом бросили жребий – выпало в ее. Чтобы избавиться от ненужных воспоминаний, сделали ремонт, поменяли всю мебель, отдав старую Лешке в его новую квартиру, полностью изменили кухню. И делали это с такой радостью и удовольствием, что, когда изменения были закончены, сразу почувствовали, что это их дом!

Артем никак не мог привыкнуть к восторгу, который испытывал, когда, переступая порог дома, видел Тинины вещи – ее куртку на вешалке, ее обувь, сумочку, брошенную на тумбочку. Все это говорило: она здесь и никуда не делась, вся в твоей жизни!

Тина вышла его встречать, обняла, чмокнула в губы.

– Привет! Есть хочешь?

– Ужасно! – ответил Беркутов, притягивая к себе жену. – Вот теперь привет!

– Эм-м! Приятно – муж пришел с работы!

– Очень голодный муж!

– Тогда мой руки и за стол!

Тина чмокнула его еще раз, вывернувшись из его рук и побежала в кухню.

– У меня все сгорит, если мы будем так здороваться!

Артем мыл руки и улыбался своему отражению в зеркале блаженной глупой улыбкой.

Привыкай, Беркутов!

Он вошел в кухню и обнял сзади Тину, которая стояла у плиты и переворачивала лопаткой мясо на сковороде.

– Что у нас на ужин?

Как же все это замечательно! Он даже не предполагал, что в жизни может быть так замечательно!

– А на ужин у нас тушеная свинина с овощами и салат! Ну и что еще?

– Компот? – спросил Артем.

Тина рассмеялась и махнула рукой, соглашаясь.

– Ну, компот так компот! Давай кушать, я тоже очень голодная. Достань, пожалуйста, хлеб.

Артем достал из хлебницы батон, взял разделочную доску и понес к столу.

На столе, раскинутая веером, лежала пачка фотографий.

Мышцы у него окаменели тут же, жгучая боль, пробежав по шее, ударила в затылок, сердце сильно и часто забилось, посылая отравленную шоком кровь в ноги и кончики пальцев на руках.

Беркутов аккуратно положил хлеб и доску на стол, взял в руки фотографии и охрипшим голосом, стараясь сдержать эмоции, спросил:

– Откуда это?

Тина резко обернулась от плиты, услышав изменившийся тембр его голоса, и внимательно посмотрела на мужа.

«О господи! Как же я забыла? Он же мне рассказывал! Идиотка!»

– Это принес сегодня курьер мне на работу.

Она подошла к нему, встала рядом, положила руку Артему на спину и заглянула в фотографии, которые он рассматривал.

– Я тебя очень прошу, передай своим, как ты их там называешь? – веселым голосом сказала она. – Ах да, фигурантам, что твоя жена возмущена до глубины души!

– Чем же? – холодно спросил Артем.

Она забрала из его рук карточки и стала рассматривать их одну за другой.

– Ты намного, намного красивее, чем твой дублер! Почему они взяли

такого неказистого мужичка? Это даже обидно, честное слово! У тебя та-кая фигура, а попа! Закачаешься! – Тина восторженно закатила глаза. – А это что? Ножки кривенькие, мышцы стероидные, а попа вообще бе-е! Я просто оскорблена! – Она бросила фотографии на стол и будничным голосом спросила: – Так что, ужинать будем или как?

Артема как-то в мгновение сразу отпустило.

От облегчения и радости накатила такая слабость, что подкосились колени. Он плюхнулся на стул, притянул жену к себе и уткнулся лицом ей в грудь, пряча наворачнувшиеся слезы.

«Беркутов! Ты дурак! – сказал он себе. – Это же Тина! Твоя Тина!»

Она молча гладила его по голове, давая возможность своему большому, сильному, умному и любимому «важняку» прийти в себя.

– Одно радуется! – разряжая обстановку, сказала она. – Позы там просто акробатические! Нет, все-таки господа о тебе хорошего мнения! Или ты тоже так умеешь? Может, ты скрываешь от жены свои таланты?

– Я скрываю? – подхватил он с благодарностью подачу. – А кто ночью пощады просил?

– Я просила не пощады, а временной передышки! – изобразив высокомерие, ответила она.

– Ну, надеюсь, ты передохнула? – интимно спросил Беркутов, проникая рукой ей под юбку и поглаживая бедро.

– Ужин! – рассмеялась Тина. – Сначала ужин!

– Так чего мы ждем? Быстрее поедим, быстрее начнем осваивать «акробатические этюды»!

– Знаете, батенька, такой сексуальный аппетит – это диагноз! – хохотала Тина, отбиваясь от его настойчивой руки.

Артем никак не мог заснуть. Он посмотрел на сладко спящую жену, легко поцеловал ее в переносицу, осторожно высвободил руку из-под ее головы, лежащей у него на плече, и выбрался из кровати.

Затем прошел в кухню, не зажигая света, включил чайник, подошел к окну и закурил. Он всматривался в темноту ночи и улыбался.

Артем, как и большинство русских людей, вспоминал о Боге, только когда уж совсем припрет, или в минуты небывалого счастья.

Сейчас он испытывал именно такое, небывалое, чистое счастье. Только сегодня он окончательно поверил, что она у него есть – его единственная, родная женщина! Ему даже казалось, что он видит их будущее – дом, дети, выбегающие встретить приехавшего с работы отца; собака большая, беспородная, добродушная, с которой у Тины вечная борьба – «место

собаки на улице!». Их тайный «заговор» с детьми, когда мама не видит, тащить любимую собачку в комнату.

И главное! Тина! Тина, через всю его жизнь!

«Да уж, у Господа неординарное чувство юмора – надо было подстрелить ее бывшего мужа, чтобы мы с ней могли встретиться! Вот уж, воистину, пути Господни неисповедимы!»

Щелкнул закипевший чайник, Артем потушил сигарету и подумал, что, пожалуй, не хочет он никакого чая.

И пошла она на фиг, его бессонница!

А вот чего он точно хочет...

Артем быстро вернулся в спальню, забрался в кровать, уложил голову Тины себе на плечо, устроил ее поудобнее вдоль всего своего тела, крепко прижав к себе, укрыл их обоих одеялом, чмокнул жену в лоб, блаженно вздохнул и мгновенно заснул. Совершенно счастливый.